

Андрей Двинский

СТРУКТУРА

Я повернул ключ, двигатель знакомо заурчал. Щетки разогнали круглые капли по стеклу. Весна в этом году выдалась холодная и дождливая, что, впрочем, для Прибалтики — обычное дело. Подкрутив регулятор климат-контроля на двадцать два градуса, я откинулся на сидение, ожидая, пока двигатель хоть немного прогреется. Голова была тяжелой, вчера вечером приложился к бутылке. Около семи позвонила Ольга и, очередной раз, вынесла мне весь мозг. После этого пришлось открывать коньяк, чтоб хоть немного восстановить душевное равновесие.

«Ретро ФМ» запустило «Модерн токинг», и я сделал немного громче, в ожидании гороскопа. Глупость, конечно — доктор физики, каковым я уже пару лет являлся, прекрасно знает, из чего и как состоит Вселенная. Но что-то такое существует внутри человека, еще с тех, давних пещерных времен, заставляющее слушать предсказания шарлатанов, верить в удачу и божественный замысел, который можно предсказать.

Однако, гороскопа я в то утро не дождался.

— ...экстренный выпуск новостей. По сообщению ТАСС, сегодня ночью, в два часа семнадцать минут скончался Президент Российской Федерации, Владимир Владимирович Путин. ТАСС не передает подробностей случившегося и причину смерти, однако, известно, что президент уже несколько месяцев не появлялся на публике, и некоторые источники сообщали об обострении хронического заболевания...

Ничего себе! Вот это новость в понедельник с утра. Я включил первую скорость и медленно выехал со стоянки, прислушиваясь к голосу диктора.

— ...исполняющий обязанности президента, премьер-министр Дмитрий Волков сегодня в одиннадцать часов по московскому времени выступит с обращением к нации...

Движение, как и всегда утром, в рабочий день было достаточно оживленным. Привычно вырвав на Валдеку^[1], я уперся в пробку, тянущуюся от самого светофора. Обычно, до работы я доезжал минут за двадцать, но в понедельник, по неведомой никому причине, это время увеличивалось до получаса. Вот и сейчас, свернув на Грауду, и проехав метров сто, я опять уткнулся в стоп-сигналы какого-то джипа.

Пробка раздражала, но опоздать я не боялся. Если по дороге никто никого не поцелует бампером в заднюю часть машины, я гарантированно приеду в свой институт к девяти. На повестке дня большая международная конференция и доклад шефа, на котором он впервые представит развернутые выкладки по нашей новой модели. Доклад меня интересовал мало, большую часть его я сам готовил. Интересно было, как воспримет информацию публика. Мы взглянули на проблему с неожиданной стороны, результаты получились, не побоюсь этого слова, революционные. Но самое интересное было в том, что мне уже удалось подтвердить их экспериментально. Ну ладно, пусть не подтвердить, а получить предварительные результаты. Полгода мы собирали установку и вот, наконец, первые узлы заработали. Вот как раз на выходных рисовал графики, даже шеф еще не знал, что его сегодняшней доклад

был уже не просто голой теорией.

— ...по мнению многих политологов, президент Бутин был одним из величайших политических деятелей, когда-либо стоявших во главе России...

Моргнув поворотником, я вырулил на Зиепниекална и надавил на газ, разгоняя «шкоду» до семидесяти. Теперь без пробок до самой работы. Серая марь висела над Южным мостом, не позволяя разглядеть не то что шпили Старой Риги, но даже телевышку. Дал же бог климат: пятьдесят солнечных дней в году. Ну ладно дождь, за тридцать два года жизни привык уже, но то, что в середине апреля даже днем держится только семь градусов — это ужасно. Хотелось тепла, лета, солнца, пляжей и красивых девушек в купальниках.

Солидное, семиэтажное, еще советской постройки здание Института физики элементарных частиц находилось посреди небольшого парка. Его еще лет десять назад капитально отремонтировали за деньги еврофондов, и теперь оно выглядело вполне современно. Проехав по алее, я свернул к шлагбауму и спустя минуту, занял свое место под номером сорок семь. Машина шефа уже стояла рядом.

Кивнув вахтеру, я по лестнице взбежал на третий этаж. Никаких лифтов! Даже посещая зал пару раз в неделю, я старался больше двигаться при любой возможности. После тридцати быстро начинаешь понимать, что живот вырастить легко, а убрать очень трудно.

Наша лаборатория занимала целый сектор третьего этажа, огороженный стеклянными стенами. Некоторые панели были зеркальными — в рабочем помещении стояли лазеры, ни к чему лучам пробиваться наружу, не дай бог в глаз кому попадет. Подойдя к двери, я провел карточкой по замку и зашел в коридор, а затем, повернув направо в первую дверь, оказался в большом и светлом помещении. Высокая, темноволосая девушка, стоявшая возле стеллажей с документацией, обернулась и улыбнулась мне.

— Свэйки^[2], Дайга, — поздоровался я с нашей лаборанткой. — Как дела?

— Понедельник, — усмехнулась она в ответ, засовывая папку куда-то в глубины полка.

— Слышала новость? — поинтересовался я, подходя к своему столу и включая компьютер. — Бутин умер.

— Чего, правда, что ли? — Она вернулась за свой стол и уселась на крутящееся кресло. — Нет, не слышала. Я новости стараюсь не слушать. И что теперь будет?

— В этом-то самое интересное, — усмехнулся я, обратив внимание на коленки коллеги, мелькнувшие под столом. У нас с ней были странные отношения. Мне не нравились высокие девушки, да и Дайгу сложно было назвать красивой. Но я был бы не я, если бы не оказал ей знаки внимания. В то время я был еще женат, и девушка мужественно выдержала мой натиск. Теперь же, когда я жил один, в наступление перешла уже она. Однако, серьезные отношения мне были не нужны от слова «совсем», да и сюжет, в котором Дайга выступала в роли моей девушки, не говоря уже про жену, был похож на страшный сон. — Никто не знает, что теперь будет. Шеф у себя?

— Нет, ушел на конференцию, — покачала головой она и темно-каштановые волосы рассыпались по плечам. — Как-то он сегодня выглядит не очень...

— В смысле? — уточнил я.

— Серый какой-то, будто с похмелья, — пожалала плечами она.

— Может, отмечал что-то. Или съел что-нибудь не то, — изложил я свои версии, взяв блокнот. — Я на конференции, если кто-то будет искать.

— Хорошо, — кивнула она, провожая меня взглядом.

Утренняя сессия уже началась. Старик должен был выступать третьим, а пока сидел в

зале и слушал. Я протиснулся между рядами, опустился на соседний стул и молча пожал ему руку. Действительно, выглядел он плохо. Мешки под глазами и серый весь. Но рукопожатие было твердым, поэтому я не стал сильно за него волноваться. Все ж не мальчик он уже, в следующем году будем семьдесят праздновать.

Институтский конференц-зал был небольшим, даже с плотно расставленными стульями здесь едва помещалась сотня человек. Для крупных международных конференций мы снимали отдельные помещения, но эта крупной не была, так, ежегодный междусобойчик узких специалистов. Навскидку, в зале присутствовало человек тридцать, причем треть из них — работники нашего института.

Первые два доклада были скучны до невозможности. Сначала какой-то поляк описывал бозон Хиггса, весь его реферат состоял из формул, в которых, как мне кажется, он сам до конца не разобрался. Ему вяло похлопали, задав несколько уточняющих вопросов. Вторым вышел чех, из известного института, но то, что он стал излагать, я читал еще лет пять назад. В одном из интегралов он, вероятнее всего, ошибся, но я не стал вылезать с пояснениями сейчас — подойду на кофе-паузе и укажу на ошибку, незачем при всех, нетактично это. Едва затихли вопросы, как ведущий объявил нашу тему. Старик встал и прошел к кафедре. С полминуты провозился с ноутбуком, открывая презентацию. Наконец, на большом экране появился первый слайд с названием и авторами реферата.

— Dear colleagues, — начал шеф. — Maybe some of you my words seem too bold, but, nevertheless, I will say them. We believe that in the standard model is at least one basic error^[3].

Зал затих. Проснулись даже те, кто пришел сюда для галочки. Доклад был хорош: необходимый минимум математики, наглядное описание основных процессов и взаимодействия частиц и, как апогей — введение понятия D-поля как основного типа материи для субъединиц. Не зря я почти месяц бился над презентацией, красиво получилось. Народ слушал очень внимательно, многие что-то записывали — вероятно, вопросы, которые собирались задать. Лишь замдиректора института Мартыньш Раугс застыл в какой-то странной позе с непонятным выражением лица. Они с шефом давно были на ножах. Виной таких отношений были, конечно, деньги: наша лаборатория, раз за разом выигрывала проекты, на которые претендовала и группа Раугса. Откровенно говоря, проекты были вполне равнозначны, но, по слухам, у шефа была «волосатая лапа» в министерстве.

Доклад закончился, посыпались вопросы. Люди откровенно сомневались: ничего удивительного, мы поставили под сомнение краеугольный камень современной «теории всего»^[4], вроде бы уже доказанной тысячами экспериментов. Шеф последовательно и уверенно отвечал, но эти ответы, конечно, не могли убедить слушателей окончательно: что бы понять красоту идеи, требовалось вникнуть в суть наших формул. А это невозможно сделать вот так, за пятнадцать минут — требовалось основательно посидеть за вычислениями, возможно не один день. Из всех присутствующих, пожалуй, лишь я и Раугс могли оценить глубину предложенной теории. Поэтому я ждал его вопросов с некоторым трепетом. Но время шло, слушатели один за другим поднимали руки и ведущий уже плюнул на график, лишь тыкая микрофоном в желающих спросить. Наконец, когда лес рук поредел, взметнулась рука замдиректора.

— Please, mister Raugs, your question^[5], - передал чаирмэн микрофон Мартыньшу. Высокий и лысый, Раугс возвышался над залом словно учитель над первоклашками, разговоры и перешептывания сразу стихли.

— Дамы и господа, — начал он по-английски с характерным американским

акцентом. — На правах заместителя директора института, я бы хотел извиниться перед всеми вами за выступление моего коллеги. К сожалению, мы сейчас увидели наглядный пример того, как еврофонды тратятся на псевдонаучные исследования...

Холодный пот выступил у меня между лопатками. Я ожидал чего угодно, вплоть до того, что он выскочит с маркером к доске и будет доказывать ошибочность формул, но такого... Поймите правильно, в академической среде случается всякое, но какие бы неприятные слова не говорились по поводу того или иного исследования, люди никогда не переступали некоторых этических границ. Публичное заявление о псевдонаучности доклада на международной конференции в купе с обвинением в нецелевом расходовании средств было грандиозным скандалом, аналога которому я не мог припомнить.

Старик молча выслушал выступление Раугса. Когда замдиректора опустил на свой стул, в зале повисла мертвая тишина — никто не знал, как себя вести. Как-то странно кашлянув, шеф вдруг покачнулся и, положив руку на грудь, медленно сполз на пол. Какая-то сила меня подбросила вверх, плюнув на приличия, я перепрыгнул через стоящий впереди стул и подбежал к нему. Дрожащей рукой старик пытался расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки под узлом галстука. Я быстро освободил узел, вырвав пуговицу с корнем. Словно рыба, выброшенная на берег, шеф хватал ртом воздух, пальцы на груди смяли рубашку, будто хотели содрать кожу.

— Срочно скорую, — заорал я так, что сразу несколько человек, бросившихся к нам, схватились за телефоны. Не зная, что делать, я лишь расстегнул старику пиджак, придерживая ему голову, чтоб она не лежала на полу.

— Петя, — прошептал он по-русски. — Наклонись...

Я опустил голову, приблизив ухо к его губам.

— Докажи им, что мы правы, — продолжил он чуть слышно. — Собери генератор...

— Тише, Янис, тише, — пробормотал я. — Не волнуйтесь об этом сейчас, просто дышите глубже.

— Собери ген... — захрипел он и, выгнувшись дугой, затих.

— Мать вашу, где же скорая?!! — Заорал я, надавливая скрещенными ладонями на грудную клетку.

Что было дальше, я помню плохо. Кажется, я делал шефу искусственное дыхание, потом появились люди с носилками, кто-то что-то говорил. Более-менее связно я стал мыслить лишь тогда, когда заплаканная Дайга, с черными кругами размазанной туши под глазами, влила в меня рюмку коньяка. Закашлявшись, я глотнул обжигающей жидкости, почувствовав, как по пищеводу она скатилась в желудок, и оглянулся вокруг. Наша лаборатория.

— Куда его увезли? — Спросил я девушку после того, как откашлялся.

— В Страдыня^[6], - всхлипнула она.

— Я поехал туда же, — встал я со стула. — Найди телефон его жены, позвони, пожалуйста...

— Хорошо, — кивнула она. Ее некрасивое лицо сморщилось, и из глаз на блузку закапали слезы. Я обнял ее и погладил по голове.

— Я сам позвоню, ты мне телефон только найди и смс-кой пришли, ладно?

— Ладно-о-о, — заревела она уже в голос. Продолжая обнимать девушку, я нащупал на столе бутылку и плеснул золотистой жидкости в рюмку, которую сам только что опустошил.

— На, выпей...

Глава вторая. Первые ласточки

Приклад винтовки ударил меня в плечо, звук выстрела пробился сквозь наушники, мягко хлопнув по ушам. Я пригляделся — в черном поле мишени, чуть левее центра появилась маленькая рваная звездочка. Едва я оттянул затвор, на стол упала гильза и откатилась к краю. Второй патрон без задержки вошел в камеру. Щека привычно коснулась полированного дерева, взгляд зафиксировал полулуния прицела и выровнял их со всех сторон. Полумилдотная^[7] прицельная сетка остановилась на мишени. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Вдох и палец медленно потянул спуск. В момент задержки дыхания приклад снова ударил. Рядом с первым отверстием появилось второе, края звездочек касались друг друга. Неплохо.

Стрельбище — одно из двух мест, где я чувствовал себя полностью счастливым уже несколько лет. Здесь нет работы, проблем с семьей и женщинами, интернетных споров и прочего мусора, которого хватает в нашей жизни. Лишь любимая винтовка, надежный прицел и мишень. Еще, правда, есть ветер, добавляющий случайностей и собственное тело, которое не всегда делало все как надо. Но это только добавляло интереса. Впрочем, сегодня ветра почти не было. Именно в такие дни чувствуешь, что весна все же пришла. С самого утра пригрело солнце, и термометр в машине показал аж пятнадцать градусов выше нуля. А еще появился запах весны. Тот самый, волшебный, едва уловимый аромат, который заставляет кровь играть в жилах и напоминает о пробуждающейся жизни. В этом была некоторая горькая ирония, ибо сегодня я вдыхал его на похоронах шефа.

После церемонии я не стал возвращаться в институт, а заехал домой за винтовкой и двинулся сюда. Надо было успокоиться и хорошенько подумать, что делать дальше. За неделю, прошедшую с конференции, много чего произошло. Отлежав три дня в реанимации, старик умер: обширный инфаркт. В Агентстве Инвестиций, через которое шло финансирование нашего проекта, была создана комиссия по проверке нецелевого расходования средств. В Институте — комиссия по этике. Я был назначен исполняющим обязанности руководителя лаборатории, поэтому все отчеты и проверяющие «свалились» на меня. От выводов обеих комиссий зависело как будущее лаборатории, так и моя карьера. Следовало хорошенько продумать, как себя вести и чего добиваться.

Выстрел. Отрыв на семь часов. Нервы, блин. Подумал о гадостях, отвлекся — вот и результат. Сзади заскрипел песок, я обернулся. К рубежу подошел Модрис, один из работников Шутинг Центра. Он с семьей жил прямо здесь, в лесу, рядом со стрельбищем. Не один раз я ловил себя на мысли, что завидую ему: живешь себе в глуши, следишь за оборудованием, стреляешь — и больше никаких забот.

— Как сегодня? — По-русски поинтересовался он, присаживаясь к трубе. Он был одним из тех людей, которые совершенно свободно говорили на обоих языках, и лишь по имени можно было сделать выводы относительно его национальности.

— Хуже, чем обычно, — вздохнул я, вытаскивая магазин. — С трудом в минуту^[8]

укладываю.

— Идет магнитная буря, — поморщился он, потерев рукой грудь. — Все какие-то дерганые. Слышал, говорят, в центре взорвалось что-то?

— Нет, не слышал, — покачал головой я, вставляя в магазин патрон за патроном. — Что взорвалось?

— Точно не знаю, только что по новостям сказали. Взрыв в районе вокзала. Больше ничего неизвестно, все оцеплено. Пробки жуткие.

Я глянул на часы. Половина третьего. Мать твою, Ольга же с Дашкой должны были возвращаться сегодня на электричке! Схватив телефон, я нашел в контактах бывшую и ткнул пальцем в экран. После пятого гудка послышался до боли знакомый грудной голос.

— Да?

— С вами все в порядке? — Спросил я, уже по ее интонациям понимая, что ничего страшного не случилось.

— А чего это ты обеспокоился? — Язвительно осведомилась она. — Совесть выиграла?

— Вы уже вернулись из Вецаков? — Привычно подавив раздражение, уточнил я.

— Нет, только собираемся. А что? — Язвительность пропала, зато появились намеки на беспокойство. Видать, уловила что-то в моем голосе.

— На вокзале взрыв. На электричке вы не доедете.

— Что за взрыв? То-то я смотрю, странно много народу на остановке...

— Я без понятия. Как будете добираться?

— Не знаю, — озадаченно пробормотала она. — Здесь народа столько, что в маршрутку не влезем. Света не сможет отвезти, мы выпили немножко...

— Я заеду. Где-то через час.

— Хорошо, — она положила трубку. Глянув с сожалением на винтовку, я разрядил магазин и, достав ключ, стал откручивать сошки.

— За женой поедешь, — понимающе кивнул Модрис. — Вы ж вроде разбегались?

— Да блин, она в Вецаках с дочкой застряла. Заеду, довезу до дома, а то мало ли что.

— Понятно, — Модрис протянул руку. — Заезжай почаще.

— Ты же знаешь, я б тут жил, — ответил я, пожимая ладонь. Усмехнувшись и кивнув на прощание, он пошел менять мишени на стенде.

Загрузив зачехленную винтовку в багажник, я расстегнул рюкзак, достал кобуру и закрепил ее на поясе. Сегодня собирался еще и из пистолета пострелять, поэтому захватил его с собой. Ситуация со взрывом была непонятной, лучше перестраховаться, пожалуй. Запихнув пятнадцать блестящих цилиндриков в магазин, я вставил его в рукоятку педвяносто девятого^[9] и засунул пистолет в кобуру. До сих пор я считал Ригу спокойным городом и редко носил оружие. Поправив куртку, убедился, что нигде не выпирает. Можно ехать.

— ...сообщает, что по предварительной информации взорвалось несколько цистерн с бензином, — сообщило радио, едва я завел двигатель. — Взрыв прогремел, когда состав стоял перед железнодорожным мостом в ожидании зеленого сигнала семафора. В результате взрыва, горящий бензин выплеснулся в сторону автовокзала. Площадь возгорания превысила несколько сот квадратных метров. К автовокзалу стянуты десятки пожарных расчетов и машин неотложной помощи. Достоверно подтверждена гибель семи человек, но по некоторым данным, количество погибших и пострадавших может превысить несколько десятков. На место трагедии прибыл премьер-министр, мэр Риги и...

Жесть! Вот и до нас докатилось... В центр, пожалуй, лучше не соваться. Впрочем, сейчас мне туда и не надо. Медленно выехав с территории Шутинг Центра, я свернул на рижскую окружную и двинулся по направлению к Вецакам, перебирая в голове имена знакомых, которые могли бы сегодня оказаться в районе автовокзала. За последние годы СМИ приучили нас к терактам, но, когда такое происходит в твоём городе, становится страшно. Я тронул регулятор, делая радио погромче.

— ... не исключена версия теракта. Представители прокуратуры и полиции безопасности уже прибыли к месту трагедии, однако приступить к расследованию они смогут только после того, как пожар будет окончательно потушен. Мэр Риги Нахимов призвал автомобилистов избегать движения по Набережной, в районе центрального рынка, по улице 13-го января и...

На окружной дороге машин было относительно немного, поэтому минут за двадцать я доехал до псковского шоссе, на развилке свернул в сторону центра, а затем сразу же вырулили направо, на Яунциемс. Тут стояла полиция.

Машина и мотоцикл были спрятаны в кустах, а двое инспекторов в светоотражающих жилетах тормозили все проезжающие мимо машины. Идущая впереди «вольво» прижалась к обочине, я тоже снизил скорость. Остановят?

Ближайший ко мне полицейский, дождавшись, пока машина приблизится, показал палочкой в сторону обочины. Я остановился, открыл окно и заглушил двигатель. Шофер «вольво» вышел из машины и открыл багажник. Инспектор, кинув взгляд внутрь, козырнул и вернул документы. Потом подошел ко мне.

— Добрый день, лейтенант Зариньш, дорожная полиция, — представился он полатышски. — Предъявите техпаспорт и права, пожалуйста.

— Добрый, — нехотя согласился я, передавая ему документы. Посмотрев внимательно то, что я ему протянул, он обошел капот и проверил наклейку техосмотра на лобовом стекле.

— Вы не будете против, если я попрошу вас открыть багажник? — Спросил он, вернувшись к водительской двери.

— А что случилось? — Поинтересовался я, выходя из машины. Впервые за двенадцать лет водительского стажа меня просили об этом.

— Слышали, что в центре произошло? — Спросил он, а я кивнул. — Поэтому усилены меры безопасности.

— Понятно, — я открыл багажник и сдвинул шторку.

Парень явно заинтересовался, увидев чехол от винтовки.

— Что у вас там? — Несколько напряженно спросил он, отходя на шаг от машины.

— Винтовка, — честно ответил я. — Был на стрельбище, возвращаюсь домой.

— Документы на оружие можете предъявить? — Уже спокойнее спросил он.

— Без проблем, — я достал из сумочки портмоне и протянул ему.

— Вот как, — хмыкнул он, доставая из коженого кармашка три зеленые и одну красную бумажку. Ну да, я фанат оружия. Семь стволов имею. В разрешилровке на меня тоже косо посматривают, а с другой стороны, что вы хотите? Два пистолета — самооборонный и спортивный. Точная винтовка для засидок и легкий карабин для загонной охоты. Мелкашка для развлечения. Ну и два ружья, полуавтомат и двустволка. Ничего лишнего. — Пистолет тоже с вами?

— Так точно, — кивнул я. — Будете номера сверять?

— Да, пожалуйста, — попросил он, снова приблизившись. Я расстегнул чехол и достал

«Тикку». Продемонстрировав открытый затвор и пустой магазин, ткнул пальцем в ствольную коробку, где был выгравирован номер. Глянув на цифры, парень сверил их с карточкой и кивнул. Я вернул винтовку на место и закрыл чехол. Затем достал пистолет, вытащил магазин, передернул затвор и передал инспектору. Сверив номера на пластиковом корпусе и патроннике, он отдал мне оружие, сообщив в рацию номер разрешения. — Вы состоите в ополчении?

— Нет, — покачал головой я. — А что?

— Объявлена мобилизация, — пояснил он.

— Из-за взрыва? — Поинтересовался я, закрывая багажник.

— Опасаемся восточного соседа, — покачал головой он, усмехнувшись. — Возможно, у военнообязанных тоже будут сборы.

— Понятно, — в свою очередь усмехнулся я. Мы оба понимали, что никакая мобилизация никого не спасет — если Россия решит, на всю Латвию будет достаточно одной Псковской дивизии и двух суток. Но парень всерьез считал эту угрозу реальной, ему каждый день СМИ об этом напоминали. Мне же было смешно — зачем России нужна одна из беднейших стран Европы, в которой кроме хуторов, моря, банков и нескольких десятков с трудом работающих предприятий больше ничего не было?

— Счастливого пути, — козырнул он, передавая мне документы, когда рация сообщила, что все в порядке.

— Спасибо, — ответил я, садясь в машину.

Вецаки — это небольшой поселок рядом с Ригой, расположившийся на берегу моря. Объехав Киш-озеро, я свернул направо и спустя пять минут уже подъезжал к Светкиному дому. Пока наша семья не распалась, мы пол-лета проводили в этом особняке. Света не могла долго находиться одна, и пока ее муж был в море, тащила к себе в гости всех, до кого могла дотянуться. Когда-то давно они с Ольгой учились в одном классе.

Выйдя из машины, я вдохнул воздух, состоящий из смеси запаха моря и сосен, и зашел в калитку. Обойдя стоявший во дворе икс-пятый, подхватил на руки бегущее ко мне чудо.

— Папка! — крикнула Даша, повиснув на мне. Потом так же быстро слезла и схватила меня за руку, потянув куда-то внутрь двора. — Иди, чего я тебе покажу! Тетя Света кроликов завела!!!

— Вот только кроликов ей и не хватает, — хмыкнул я, следуя за дочерью. Когда ушастые мохнатые комочки были рассмотрены и всячески исследованы, на крыльце показалась завернутая в шаль блондинка с короткой стрижкой. Света была красивой девушкой и всегда привлекала к себе взгляды мужчин. Когда она улыбалась, на щеках появлялись забавные ямочки, придававшие лицу очень милое и несколько застенчивое выражение.

— Как тебе мое новое хобби? — поинтересовалась она, широко улыбнувшись. — Привет!

— Привет. Что ты осенью с ними делать будешь? — усмехнулся я, подходя к ней ближе.

— Это пусть мужчина решает, — хмыкнула она, освобождая проход. — Заходи, холодно стоять.

Запустив вперед себя Дарью, я шагнул следом. Ольга сидела в комнате, за большим стационарным компьютером и напряженно вглядывалась в экран. Рядом стояла почти пустая бутылка «Мартини» и два стакана.

— В Даугавпилсе тоже взрыв, — моя бывшая, соизволила меня заметить. — Прямо на

вокзале взорвали поезд с дизельным топливом. Тут фотки и видео выложили... Жуть какая-то!

Ольгу нельзя было однозначно назвать красивой — несколько крупноватые черты лица, жесткие рыжие волосы и веснушки, покрывающие все ее тело, не подходили под общепринятые каноны красоты. Однако она была миленькой, и что немаловажно — очень сексуальной. Среднего роста, с неплохой фигурой, и красивыми ногами, эта женщина, если хотела, могла из любого мужика веревки вить. Но не из меня. За годы совместного проживания инъекции стервозности сформировали во мне неплохой иммунитет.

Я подошел ближе. Посмотрев через ее плечо, почувствовал до боли знакомый и, с некоторых пор, ненавистный аромат ее духов. Тем временем на экране демонстрировалось страшное видео, на котором пожарники пытались тушить огромную горящую лужу. Приглядевшись, в огне можно было рассмотреть скрюченные человеческие тела. На заднем фоне, сквозь клубы дыма виднелось здание вокзала.

Даугавпилс не был чужим для меня городом, я там родился, там же жили мои родители и младший брат с семьей. Поэтому, досмотрев видео до конца, достал телефон и, выбрав в «контактах» нужную строку, с некоторым напряжением стал вслушиваться в гудки. Потом в динамике что-то щелкнуло, и я облегченно вздохнул, услышав скрипучий голос отца. Но разговаривая с родными, я никак не мог избавиться от ощущения, что происходящие события являются лишь предвестником чего-то очень серьезного и страшного.

Глава третья. Сборка

Войдя в лабораторию, я остановился на пороге. Картина маслом! Три пары глаз уставились на меня: Дайга, Анцис и Данила сидели за большим столом. У каждого в руках была большая кружка, а посередине столешницы стояла огромная тарелка с горой булочек. Лица у ребят были невеселые, что, впрочем, вполне объяснимо. Еще в пятницу, в конце дня меня поймал директор и, отведя в сторону, вполголоса предупредил — скорее всего, расходы по проекту комиссия признает необоснованными. Зная, как новости распространяются по институту, я был уверен, что молодые докторанты уже в курсе.

— Лабдиен, коллеги, — поздоровался я, снимая куртку и вешая ее в шкаф. Потом отстегнул кобуру с пистолетом и запер ее в сейф. Еще неделю назад пошались бы шуточки на тему моей паранойи, но сегодня все промолчали, что неудивительно. Два теракта в один день, шестьдесят семь трупов и почти сотня пострадавших поневоле заставляют позаботиться о собственной безопасности. — Что такие мрачные?

— Привет, — нестройно отозвались они.

— Какое-то нереальное количество булочек сегодня, — заметил я, наливая из кофейника вязкую коричневую жидкость в персональную кружку с изображением кофейного зернышка на боку.

— Стресс заедаем, — ответила Дайга, усевшись так, чтобы продемонстрировать мне свои ножки, которые почти целиком можно было рассмотреть в разрезе длинной юбки.

Неплохие, да. Но до моего идеала им далеко.

— Стресс надо не заедать, а отрабатывать, — глубокомысленно изрек я, усаживаясь во главе стола и протягивая руку к ватрушке.

— А платить будут? — Поинтересовался Данила Сотников по-русски, глядя, как я откусываю кусок. Для парня вопрос зарплаты был актуален как никогда, месяц назад у него родилась двойня. Девочки.

— Значит так, — продолжил я, отхлебнув глоток кофе и внимательно оглядывая унылую компанию. — Во многом сейчас наше будущее зависит от нас. Сможем собрать генератор — докажем, что мы были правы, будет проект и не один. Не сможем — значит, ошиблись. И тогда грош нам цена как физикам, поедем в Англию клубнику собирать.

Нельзя сказать, что я их приободрил, но то, что они внутренне подобрались, было видно. Этого и добивался.

— Что у нас со сборкой? — Продолжил я, прожевав еще один кусок.

— Лазерный узел готов, — ответил Анцис Каулиньш, делая глоток кофе. — Сегодня закреплю его на камеру D-матрицы.

— Отлично, — кивнул я. — Тогда можем начинать наладку.

— Не можем, — покачал головой Данила. — Федор не закончил корпус и систему радиационной защиты. У него там какие-то проблемы. Петь, ты бы зашел к нему, поговорил...

— Знаю я его проблемы, — поморщился я. Федор Макаров был гениальным слесарем, от бога. Даже без чертежа, по одному наброску он четко улавливал идею и умудрялся реализовать ее так, что мы просто диву давались. С ним была одна беда — алкоголь. Федор пил, причем пил серьезно. Спусковым крючком запоя обычно служил разговор о политике. Слесарь был человеком старой школы, фанатом СССР и не мог простить Латвии независимости. — Зайду сегодня. Когда ты с ним виделся?

— Полчаса назад.

— Пьяный был?

Сотников пожал плечами.

— Я не понял. Вроде не пахло.

— Ладно, — вздохнул я. — Дайга, на тебе документы. Отчеты, ответы на запросы комиссии и прочее. Пока мы работаем, нас никто не должен отвлекать.

— Поняла, — кивнула она.

— Вот тебе мой телефон, — я передал девушке трубку. — Если кто-то будет звонить, я в «чистом помещении»^[10].

— Хорошо, — Дайга забрала трубку и положила на свой стол.

— И хватит жрать! — Скомандовал я, допивая последний глоток, — давайте все по местам.

Слесарка находилась в самом конце коридора. Подойдя к двери, я постучал и, не дожидаясь разрешения, потянул за ручку.

Федор, невысокий, худой и седой мужичок лет шестидесяти, сидел перед верстаком и, глядя в одну точку, слушал радио. В его правой руке дымилась сигарета, и я, войдя, первым делом нажал на кнопку включения вытяжки. Нам сейчас только не хватало скандалов по поводу курения в помещениях лаборатории.

— ... западные лидеры надеются, что после смерти Бутина, Россия повернется к Западу лицом. Исполняющий обязанности президента Дмитрий Волков сообщил, что выборы

пойдут согласно конституции и демократическим принципам...

— Здравствуй, дядя Федя, — поздоровался я с Макаровым за руку. Он привстал и несильно сжал мою ладонь, продолжая прислушиваться к новостям. Дело плохо. Я сразу понял, что он уже накатило и если его ничего не сделать, корпуса установки мы сегодня точно не увидим.

Шеф его держал за золотые руки, хотя проблем от Федора всегда хватало. Кроме пьянства немалой сложностью был вопрос с языком. Никто никогда не слышал, чтобы Федор говорил по-латышски. Хотя, понимал он вроде бы неплохо. Нам-то было все равно, но иногда в институт наведывалась комиссия Центра госязыка. На эти дни Федора приходилось отправлять в отгулы, и всяческая слесарная работа в лаборатории останавливалась.

Из работников лаборатории языковая напряженность у Федора складывалась только с Анцисом — тот приехал в Ригу из курземской глубинки и русского почти не знал. Пару раз спокойный шеф специально заставлял их работать вместе, видимо с целью побуждения в изучении языков. Без слез на это смотреть было нельзя. В ход шла жуткая мешанина русско-латышских и международных слов, сдобренных матом, которым, кстати, оба владели великолепно. После такого Федя обычно уходил в запой, а Каулиныш неделю ходил на работу с приколотой к лацкану красно-бело-красной ^[11] ленточкой. Устроив пару раз это шоу, шеф прекратил подобные эксперименты.

— Брось ты эти новости слушать, — начал я разговор, пытаюсь прощупать Федино настроение.

— Привет, Петя, — почему-то вздохнул он. — Писец настал России.

— С чего бы? — Усмехнулся я.

— Этот «лунтик» Волков просрет все, что Бутин создал, вот увидишь.

Вот значит, какая у нас печаль сегодня. Ну ладно.

— Грош цена всем этим достижениям, если их сможет спустить в унитаз один единственный неудачный президент, — высказал я ему свое мнение. — Посмотри на Штаты. Какой бы президент ими не управлял, они все равно ставят весь мир в позу пьющего оленя.

— В логике тебе не откажешь, — снова вздохнул он. — Давай помянем шефа.

Достав откуда-то два стакана и начатую бутылку водки, он налил каждый на треть и поставил один передо мной. Сев к верстаку на свободную табуретку, я отодвинул стакан в сторону и посмотрел Макарову в глаза.

— Дядя Федя, послушай меня внимательно, — внятно произнес я. — Меня в пятницу поймал директор и сказал, что наш проект закрывают. Понимаешь, что это значит?

Федор третий раз вздохнул и опустил голову.

— Зарплаты не будет.

— Вот-вот, — кивнул я. — У нас есть единственный шанс. Надо доказать, что мы правы — создать генератор D-поля. Причем срочно, пока решение не вынесено. Если мы сейчас начнем пить горькую, то завтра пойдем бутылки собирать. Понимаешь?

— Понимаю, — очередной раз вздохнул он.

— Я тебя в отпуск отпускаю. Как только сделаем. На целый месяц. Но чтоб ни капли пока. Договорились?

— Сколько у нас времени?

— До конца недели. Сразу после праздников ^[12] заседание комиссии, будет выноситься решение.

Макаров помолчал некоторое время, потом хекнул недовольно, аккуратно слил оба

стакана обратно в бутылку, закрыл ее и поставил под верстак. Забирать ее с собой не было смысла, у Феди наверняка нашлась бы еще заначка. Как только я выйду из слесарки, он, конечно, выпьет. Но после разговора был шанс, что работу все ж сделает.

— Я понял тебя, командир, — кивнул он. — Что надо в первую очередь?

Ему три года до пенсии, подумал я. Если я его выгоню, сопьется совсем. А здесь мне придется мучиться с ним все это время. Как быть?

— В первую очередь нужна защита. И нужна она через час. А до вечера надо сделать корпус D-камеры.

— Сделаю, — кивнул он. — Да, в принципе, все готово, только по мелочи осталось доделать кое-где.

— Вот и доделай их. Я жду тебя в «чистой», — поднялся я.

— ... по мнению лидера национального объединения, террористические акты в Риге и Даугавпилсе могли организовать пророссийски настроенные элементы... — продолжило радио.

Проходя мимо приемника, я выдернул из сети вилку питания.

— Можно я у тебя радио возьму? — Спросил я его, забирая бумбокс, который уже пару лет безвылазно стоял в слесарке. — Хочу проверить, как D-поле влияет на радиоизлучение.

— Хм, — Федор, мягко говоря, был слегка ошарашен моей наглостью. Но я знал, что делал. Две горячие политические темы, которые постоянно мусолили журналисты, обязательно увеличат количество спиртного, которое будет принято Федором, едва я выйду за дверь. — Бери, раз надо.

Хорошо, что он в интернете не сидит, подумал я, выходя из слесарки и двинувшись к чистому помещению. Электронный замок мигнул зеленым глазом. С силой толкнув дверь, я зашел внутрь. Чтобы избавиться от пыли, здесь поддерживалась избыточное давление. Сняв туфли и свитер, я перелез в специальный халат, надел стоящие здесь тапки и одноразовую шапочку.

Каркас генератора стоял на большом столе, посередине чистого помещения. Внешне он представлял собой пустотелый бериллиевый шар, в котором было проделано несколько отверстий. Переодеваясь, сквозь стеклянную дверь я видел, как Данила с Анцисом прикручивают к нему небольшой столик, на котором были укреплены несколько лазеров. Застегнув халат, я нацепил маску и через шлюз прошел внутрь помещения.

— У моей знакомой дочка погибла, — говорил Анцис глухим, из-за маски, голосом. — Двадцать два года девчонке. Собралась в Кулдыгу к родителям, приехала на автовокзал, и в этот момент взорвался поезд. Ее горящим бензином и накрыло...

— Жесть какая-то, — ответил Данила, закрепляя на столике бимсплитер. — Даже не представляю, кому понадобилось здесь такое творить.

— Пророссийски настроенным элементам, конечно, — невесело усмехнулся я, усаживаясь за компьютер. — Отражатель поставили?

— Да, — ответил Данила.

— Вот ты смеешься, а ведь действительно есть те, кто хотел бы присоединить Латвию к России, — глухо пробурчал Анцис. — Разве не так?

— Может и есть, — не стал спорить я, регулируя с клавиатуры движение отражателя. — Только терактами никого ни к кому присоединить нельзя. А ты, кстати, не задумывался, почему такие люди есть?

— Почему? — спросил Анцис, включая настроечный лазер.

— Вот ты представь, — я ввел параметры мощности. — Ты родился здесь, живешь ты в стране, говоришь на своем языке. Вдруг меняется власть, и та часть страны, где ты жил, объявляет о независимости. Но это полбеда.

Анцис поднял на меня взгляд, ожидая продолжения.

— Тебе вокруг все говорят, что ты оккупант. Что язык, на котором ты говоришь с детства — чужой. Тебя лишают гражданства и штрафуют за неиспользование языка, который тебе никогда не был нужен, потому что на нем в твоём окружении раньше никто не говорил. — Я настроил параметры D-поля, вытащив из лабораторной сети нужный файл. Анцис запыхтел, прикручивая крышку отражателя. — Как ты считаешь, это твоя страна? Будешь ли ты патриотом такой страны?

— Но ведь была оккупация! — Убедительно произнес Каулиньш, подсоединяя провода управления к приводу.

— А человеку насрать, была она или нет, — ответил я, включая поиск устройств. — Он персонально никому ничего плохого не делал и никого не оккупировал. Он просто жил в тех условиях, в которые его судьба поставила. Даня, включи зеленый лазер, пожалуйста, — отвлекся я. — Понимаешь, Анчи, получается, что он несет ответственность и лишения за то, чего не делал. А это — несправедливость.

— Но ведь он может выучить язык, стать гражданином, интегрироваться в латышское общество — это ведь не так сложно...

— Может, — кивнул я, настраивая параметры привода. — Многие так и сделали. Но с ними поступили несправедливо, вот в чем дело. А несправедливость — это такая штука, которая никогда не забывается. И не прощается.

— И теперь надо взрывать поезда? — хмыкнув, спросил он.

— Ну, это еще большой вопрос, кто их взрывал, — я включил программу тестирования. — Я хочу сказать, что те, кто у власти за тридцать пять лет независимости умудрились создать условия, в которых тридцать процентов населения чувствуют, что с ними поступили несправедливо. Это очень плохо, Анчи. Для нас всех.

— Но ведь это латышская земля. Значит, надо смириться и уважать такой порядок, — высказался он, включая в сеть систему обогрева.

— А они родились в русской семье, с рождения говорили по-русски, для них она русская, с чем они должны мириться? — Парировал я, включая второй тест.

— Неужели так сложно интегрироваться? Почему?

— Примерно потому, почему ты не разговариваешь по-русски с Федей, — усмехнулся я. — Анчи, вот чего ты русский не учишь? Давай интегрироваться взаимно!

— Не так уж это и просто, выучить ваш русский, — буркнул он.

— Вот, — поднял я палец, затянутый в резиновую перчатку. — И им не просто.

За стеклянными дверями появился Федор с большой блестящей сферой.

— Вспомни его, он и появится, — хмыкнул Анцис.

— Даня, заведи у него деталь, — попросил я. — Незачем ему переодеваться, время терять, пусть идет корпус собирать. Сегодня хочу попробовать снять хоть какие-то параметры поля.

Сотников кивнул и двинулся к двери.

Как хорошо, что меня никто не дергает, подумал я, когда на часах загорелись цифры 23.00. Полгода назад Ольга просто оборвала бы мне телефон. А сейчас — тишина. Усталости я не чувствовал, напротив меня пёрло. Ребята ушли еще два часа назад, а я все никак не мог откалибровать собранный агрегат. При включении рентгеновского лазера, возникали какие-то странные искажения, а откуда они берутся, я не понимал. Вроде бы все работало, при запуске D- контура кривая уверенно ползла вверх, что в принципе говорило — D-поле существует. Вот только его параметры отличались от расчетных на такую величину, что речь могла идти о принципиальной ошибке.

Двадцать пятый раз я обошел генератор по кругу. Метровый шар с окошками и сотнями подключенных к нему проводов тихонько потрескивал, остывая. Геометрия внутренней камеры было рассчитана до миллиметра, и с ней, насколько я видел, было все в порядке — перед откачкой воздуха я сам промерил все размеры и ввел их в программу. Почему же кривая упорно показывала, будто внутри появилось какое-то постороннее тело? А ну-ка...

Подойдя к компьютеру, я включил пространственный модулятор и ввел параметры, которые мне выдавал эксперимент. Пускай нарисует, какая там расчетная геометрия?

Комп думал несколько минут, потом открыл графическое окно и выдал трехмерное изображение внутренней камеры. Ну вот, так и должно быть... Стоп! А это что такое???

В самом низу, там, где, по чертежам, должна была быть ровная поверхность основания, возникло пространственное изображение отвертки. Красиво так нарисована, ручка с пупырышками, крест на конце. Блииин, физик, твою мать... Неужели внутри отвертку забыл?

Повернувшись к генератору, я замер — в голове начало зарождаться некое интуитивное понимание, что тут не все так просто. Дело было не только в отвертке... А вакуум, который вдруг исчезал при включении D-матрицы?

— Да вот же она! — Пробормотал я, уставившись на отвертку, лежащую рядом с основанием, на котором покоился корпус генератора. Ничего не понимаю!!! Отвертка такая у нас одна, не может быть второй внутри.

Подойдя к вакуумному крану, я его открыл, запустив воздух внутрь камеры, и спустя минуту, щелкнул тумблером привода. Заскрипел двигатель, бериллиевый шар медленно стал подниматься вверх. Не выдержав ожидания, я опустил на корточки и уставился внутрь.

Твою мать!

Прямо на полированном основании, рядом с блоком D-матрицы, лежала отвертка.

Поднеся к ней дозиметр, который показал вполне себе нормальный фон, я взял инструмент в руки и пораженно уставился на нее. Потом протянул руку и взял со стола *вторую* отвертку. Сказать, что они похожи — не сказать ничего! На вид они были полностью идентичны! Маленький скол пластмассовой ручки, царапины на торце, словно кто-то колотил по ней молотком... Блин, игра «найди десять отличий»... Да тут ни одного нет!

Что же это получается?..

Я вдруг почувствовал, что уже давно хочу в туалет. Выскочив за дверь, снял с себя халат

и, как был босиком, рванул к туалету. Сделав свои дела, вернулся в лабораторию, зашел в кабинет и щелкнул тумблером чайника, сел на стул, схватил лист бумаги и принялся считать...

Спустя полчаса, забыв про кофе, вбил в компьютер полученную формулу и нажал кнопку «calc». Программа считала недолго, через десяток секунд я получил кривую, при виде которой сердце пропустило удар.

Все еще не веря, я рванул обратно в чистую комнату. Мне потребовалось двадцать минут, чтобы откачать воздух из камеры и ввести все параметры D-поля. Дурацкая программа, каждый раз все надо вводить заново... Замерев на мгновение, я достал из кармана двухевровую монету и осторожно положил ее в расчетную точку. Подойдя к компьютеру, вдавил кнопку «ввод» и замер, внимательно глядя на генератор. Ничего не случилось — ни звука, ни искры, ни удара, лишь показатель вакуума на мониторе знакомо скакнул вниз. Отключив питание от матрицы, я снова запустил воздух внутрь и включил привод. Спустя минуту, на моей ладони лежали две совершенно идентичные монеты в два евро.

— Добро пожаловать в клуб фальшивомонетчиков, — пробормотал я. — И что ж теперь делать?

Вот она, подлинная суть D-поля! Каждая материальная вещь, состоящая из атомов, «продавливает» реальность. Эту «форму» можно смоделировать с помощью D-матрицы. И заполнить материей. Но откуда она, эта материя, берется?

Схватив лист бумаги, я опять принялся за расчеты. Вручную геометрию посчитать не удалось, пришлось вновь воспользоваться пространственным модулятором. Комп думал минут семь, затем выдал координаты точки, откуда должна браться материя для превращения. Достав рулетку, я подошел к генератору и, прикинув направление, отмерил требуемое расстояние. Ну, конечно, как я раньше не догадался? В расчетной точке находился бак с охлаждающей жидкостью, сейчас залитый водой. Проверив уровень, я кивнул. Да, именно отсюда вода и взята. И в отвертку превращена. А потом и в монету.

Вахтер волком посмотрел, когда я выходил из института — я его разбудил и заставил открывать входную дверь. Еще бы, четвертый час утра. Имеет ли смысл ехать домой, подумал я, садясь в машину. Имеет, пожалуй. Надо нормально выспаться и все обдумать. Блин, это даже не нобелевская премия, это вообще что-то невероятное! Плюнув на время, я достал телефон и набрал Данилу.

— Да, — как-то очень быстро ответил он.

— Не спишь, что ли? — усмехнулся я.

— Я-то не сплю, — хмыкнул он в ответ. — У меня дочки день и ночь перепутали. А вот ты чего, шеф?

Это «шеф» резануло по ушам. Н-да... Король умер, да здравствует король.

— Слушай меня внимательно, Даня. Завтра в чистую комнату ни ногой! И Анциса не пускай. Скажи, я запретил под страхом вечного отлучения от булочек.

— Но почему?

— Все объясню позже. Я приеду после обеда, надо выспаться...

— А как же проект, время?

— Все у нас будет, Даня, не переживай. Понял?

— Ничего не понял. Но в чистую никого не пущу, — ответил он, вздыхая.

— Ну и молодец! Спокойной ночи!

— Издеваешься, да? Тебе бы такой ночи...

Нажав на красную кнопку отбоя, я открыл окно и вдохнул полной грудью. Прохладно. И черемухой пахнет. Спать не хотелось совершенно. Не так уж часто в жизни бывают мгновения, когда у тебя все получилось, и ты чувствуешь себя победителем. Хотелось растянуть эти минуты и разделить с кем-то радость существования. Повернув ключ в замке зажигания, я выехал со стоянки и направился в центр. Нет, не поеду домой. Это событие надо как-то отметить!

Машин на дорогах почти не было. Выехав на Набережную, я надавил на газ наслаждаясь скоростью. Городские огни неслись навстречу, выметая мысли. В последний момент, вспомнив про теракт и, вероятно, еще перекрытую дорогу под железнодорожным мостом, я, почему-то, свернул возле Молса ^[13] направо, пытаясь дворами выехать к центру. Когда машина поворачивала на Гребенщикова, фары высветили компанию молодежи. Я снизил скорость и, подъехав ближе, надавил на клаксон — пацаны дрались прямо посреди дороги. В свете фар, обернувшись ко мне лица вызвали ассоциации с какими-то потусторонними существами, типа вурдалаков или вампиров.

Неохотно расступившись, пацаны выразили свое недовольство неприличными жестами, показанными в мою сторону. Внезапно, один разгоряченный дракой персонаж подбежал к машине и, размахнувшись, стукнул ногой по колесу. Такой наглости я уже стерпеть не мог. Выхватив из кобуры пистолет, я передернул затвор и, выйдя наружу, выстрелил в воздух. Хлопок сильно ударил по ушам, отразившись эхом от стен зданий. Аж в голове зазвенело.

— Это был предупредительный, — крикнул я.

Впрочем, этого мог и не делать. Молодежь в рассыпную бросилась от машины, оставив меня победителем на пустой улице. Хм... Нет, не на пустой. Возле забора Диагностического центра кто-то лежал.

Подобрав с асфальта гильзу и сунув ее в карман, я подошел к лежащему человеку. Н-да, надо было ехать домой. Нашел приключения себе на пятую точку...

Это была девушка. Возраст — в диапазоне от шестнадцати до двадцати пяти. Из-под смешной шапочки выбивались короткие темные волосы. Правильные черты лица. Симпатичная... Черная куртка немного задралась, обнажив полоску худого живота. Темные джинсы, ботинки с высокой шнуровкой... Готка, что-ли? Я прикоснулся к шее. Кожа теплая, жилка билась под пальцем, но глаза были упорно закрыты. Вроде алкоголем от нее не пахнет. Что ж делать?

Следовало решать быстро, на выстрел могла приехать полиция, с которой беседовать не хотелось. В зависимости от настроения муниципалов, на меня вполне могли составить протокол за неправильное использование оружия. Оно мне надо? Оставлять же девчонку лежать здесь не хотелось, холодно все-таки, да и район не самый спокойный. Скорую вызвать? Так придется дожидаться. Решившись, я открыл пассажирскую дверь, взял девушку на руки (очень легкая!) и посадил на сидение. Потом запрыгнул на свое место, и резко рванул с места. Сдам в «Страдыня», а там видно будет...

Едва я выехал на Каменный мост, пассажирка пошевелилась и открыла глаза. Оглядев машину и меня мутным взглядом, она что-то пробормотала.

— Что? — Переспросил я.

— К-куда мы едем? — Повторила она более внятно. По-русски.

— В больницу. Ты лежала на улице без сознания, — ответил я, притормаживая.

— Да? Я вроде уве в совзнании, — пробормотала она, очень забавно проглатывая

шипящие звуки.

— Ну тогда, говори, куда тебя везти?

— А ты кто? — Спросила она, вглядываясь в меня. Все-таки что-то с ней было не так — взгляд уж больно мутный. Наркоманка, что ли?

— Просто проезжал мимо, смотрю — ты лежишь. Подобрал, решил отвезти в больницу. Меня Петром звать, — представился я. — Так куда тебя везти?

— Ой, а куда меня везти... — Она вдруг задумалась на несколько секунд, потом лицо девушки сморщилось, и она заплакала. Так горько и безнадежно, что у меня сжалось сердце. Прижавшись вправо, я остановился и включил аварийку.

— Что с тобой, красавица? Что случилось?

— У меня... У меня мама умерла, — сквозь всхлипывания пробормотала она.

Твою мать, выругался я на себя. Лучше бы я поехал домой спать. Разделил радость момента, нечего сказать!

— Соболезную, — пробормотал я. — Давай я тебя домой отвезу?

— Мне нельзя домой... Там пьяный отчим, он... Он... — И она заревела в голос.

Я растер ладонями лицо. Кураж пропал, откуда ни возьмись, навалилась усталость, резко накатила апатия. Отключив аварийку, я тронулся с места и свернул направо, под мост. В конце концов, у меня есть второй диван. Переночует, а завтра видно будет.

— Куда мы едем? — Спросила она, успокоившись, когда мы уже были в Зиепниекалнсе^[14].

— Как тебя звать-то?

— Ли́ка, — шмыгнула носом она.

— Очень приятно. Я Петр, если ты не расслышала. Если тебе некуда идти, предлагаю переночевать у меня. Второй диван найдется, а когда выспишься, решишь, что тебе делать.

— Нет, я так не могу, — испуганно посмотрела она на меня.

Я нажал на тормоз, машина резко остановилась. Не пристегнутую девушку кинуло вперед, и она чуть не стукнулась лбом о бардачок.

— Не можешь — выходи из машины и решай сама свои проблемы, — разозлился я.

Она несколько секунд смотрела на меня огромными голубыми глазами, хлопая мокрыми ресницами, потом знакомо сморщилась и снова заревела. Ну что ты будешь делать?!!

Начало светать. Припарковав машину возле дома, я завел все еще плачущую девушку в подъезд. Поднявшись на четвертый этаж, мы вышли из лифта. Ли́ка, наконец, перестав реветь, испуганно смотрела, как я открываю дверь. Посторонившись, я отошел в сторону, пропуская ее в квартиру. Помедлив мгновение, девушка вошла в темную прихожую.

Скинув куртку и заперев отстегнутую кобуру и бумажник в сейф, я снял туфли и, прямо в одежде, рухнул на кровать.

— Диван там, — ткнул я пальцем на дверь в другую комнату. — Остальное сама все найдешь. Чувствуй себя как дома...

Пробуждение было неприятным. Огромным комаром в голову впивался писк и переливы до боли знакомой мелодии. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что звонит телефон. Нащупав на тумбочке трубку, я с трудом разлепил глаза. На мониторе высветилась фотография Ольги. Девять двенадцать. Что ей от меня надо в такую рань?

— Да? — прохрипел я.

— Петя, ко мне только что приходили!!! — Истеричный голос бывшей жены ударил по нервам. — Двое каких-то отморожков! Лысых!!! Тебя искали!

— Не понял, — пробормотал я, пытаюсь проснуться и заставить мозг работать. — Какие отморозки? Ты, вообще, о чем?

— Они мне угрожали, про Дашу говорили, я должна была это сделать...

— Так, стоп, — рыкнул я, садясь на диване. — По порядку. С самого начала. Что произошло?

— Я отвела Дашу в садик, — успокоившись, начала Ольга. — Подхожу к дому, а возле подъезда машина. Большой черный джип. Вышли двое мужиков, здоровых, лысых таких. И ко мне, — она всхлипнула. — Спросили — ты Ольга Мечникова? Я говорю — да. Нам, говорят, твой муж нужен. Ну я и сказала, что мы живем отдельно. Они говорят, давай адрес. А я его знаю? Говорю, не знаю где он живет, где-то в Зепниккалнсе. Они мне — ты правду говори, не забывай, что у тебя дочь есть...

— Что так и сказали? — Переспросил я, чувствуя, как в груди зашевелился зверь.

— Так и сказали! — Вдруг заорала она. — Во что ты влез, еще и нас втянул???

— Не ори, — оборвал я ее. — Дальше что было?

— Ну, я разревелась. Сказала, правда не знаю. И телефон твой дала...

— Млять, — выругался я. — И что?

— Ничего, записали и уехали. Сказали, чтоб помалкивала. А я, дура, тебе звоню, — она засопела, видимо расплакалась.

Я потряс головой, пытаюсь собрать мысли в кучу.

— Слушай меня внимательно! Слушаешь?

— Слушаю...

— Прямо сейчас пойдешь в полицию. И напишешь заявление.

— Куда? В какую полицию? Я ж не знаю, куда идти...

— Оль, включи мозги! Мы с тобой ездили в отделение, когда у тебя сумочку сперли.

— А, ну да...

— Поедешь прямо сейчас. Напишешь все, как было, регистрируешь обязательно у дежурного, — встав с дивана, я открыл створки шкафчика и вытащил коробку с лекарствами.

— А если откажутся?

— По закону должны. Если что, припугнешь, что в интернете шум поднимешь. Поняла?

— Д-да...

— Дальше позвонишь Свете, договоришься, что поживешь у нее. И сразу поедешь к ней. Я заберу Дашку и привезу к тебе.

— Ты с ума сошел? Мне на работу надо!

— Ты дура или где? Тебе жить надоело? Возьмешь отпуск за свой счет, — я поморщился от головной боли, пытаюсь найти в коробке ибуметин.

— Ты, между прочем, мне всего три сотни даешь, — вдруг заорала она. — На что я жить

буду?

— Привезу я тебе денег, не ори, — оборвал я очередную истерику.

Дверь маленькой комнаты с легким скрипом открылась, и в проеме появилась моя ночная проблема. Девушка где-то отыскала мою футболку, которую использовала как ночнушку. Каре было в полном беспорядке, большущие сонные голубые глаза с вопросом и испугом смотрели на меня. Пухлые губки, правильные черты лица... Голые ножки идеальной формы сразу притянули мой взгляд, словно магнитом.

— Что-то случилось? — спросила Лика.

— Нет, все в порядке, — ответил я ей, не в силах оторвать взгляда от ее ног.

— Кто это там у тебя? — Подозрительно спокойным голосом вдруг спросила Ольга.

— Тебя это не касается, — оборвал я. — Делай, как сказал! — Я нажал отбой. — Доброе утро. Как ты?

— Я взяла твою футболку, — пробормотала девушка, протирая глаза.

— Ну и молодец, — усмехнулся я. У нее явно какие-то нелады и с шипящими звуками. Но звучало это очень мило, да. — Мне надо срочно уехать. Дождись меня, пожалуйста, — Еще минуту назад, я был уверен, что ни за что не оставлю у себя в квартире незнакомого человека. Но эти ножки... Да и что тут брать у меня? Единственные ценные вещи — винтовки, глок и пара ружей были спрятаны в сейфе. Отпускать же эту девушку не хотелось категорически.

— Хорошо, — кивнула она, обхватывая себя руками. — Завтрак приготовить?

— Приготовь. И съешь. Можешь использовать любые продукты, которые найдешь. У меня будут ключи, поэтому дверь никому не открывай, поняла?

— Хорошо, — опять согласилась она. — Что-то случилось?

— Ничего. Просто какие-то непонятные личности меня ищут. Если найдут, пусть думают, что в квартире никого нет.

Выражение лица девушки изменилось, но я затруднился расшифровать мысль, пришедшую ей в голову.

— Ты оставишь свой номер телефона?

Я продиктовал цифры, девушка исчезла в комнате и, спустя мгновение, вернулась с большим розовым смартфоном, куда вбила мой номер. Надев кроссовки и накинув куртку, я достал из сейфа пистолет. Укрепил кобуру на ремень, потом подумав, нашел второй магазин, открыл пачку патронов и зарядил его. Затем, плюнув на правила, передернул затвор. На всякий случай. А то что-то мне совсем не нравилось происходящее. Денег я никому не должен, гадостей тоже не делал, а тут сразу с угрозами подъезжают.

— Ты полицейский? — Спросила Лика, внимательно следя за моими манипуляциями.

— Неа. Я ученый, — усмехнулся я, мельком кинув взгляд на ее ножки.

— Нифига себе, — пробормотала она. — А чьи медали в той комнате?

— Мои. Я стрелковым спортом занимаюсь, — ответил я, одевая куртку. — Не скучай. Я ушел.

— Пока, — сказала она, когда я выходил. — И спасибо... — Донеслось из-за уже закрытой двери.

Девушке с такими ногами не к кому пойти? Куда этот мир катится, подумал я, сбегая по лестнице. Но блин, кто ж меня ищет-то?

Будто в ответ на мой мысленный вопрос в кармане зазвонил телефон. Номер незнакомый.

— Да?

— Петр Мечников? — Спросил грубый мужской голос.

— Да, — согласился я, выходя из подъезда и внимательно оглядываясь по сторонам.

— Есть люди, которые хотят с вами поговорить.

— Это прекрасно, — хмыкнул я, подходя к машине. — А о чем будет разговор?

— Это мы сообщим при встрече. Но, поверьте, разговор в ваших интересах.

— Я дико извиняюсь, — усмехнулся я, садясь в машину. — Но все, что меня интересует, я нахожу сам.

— Это касается безопасности вашей дочери, — буркнули на том конце.

— Это угроза? — Вкрадчиво поинтересовался я.

— Нет, что вы, — ответил мужик. — Просто констатация факта.

— Хорошо. Где и когда? — Спросил я, заводя машину.

— В четыре дня, в Лидо на Краста сможете?

— Смогу. Как я вас узнаю?

— Я вам позвоню. И мой вам совет, не надо никому рассказывать о предстоящей встрече.

Я хотел сообщить ему место, куда он мог бы засунуть свои советы, но потом решил, что пока не стоит. Пусть думает, что я испугался. Я, впрочем, действительно испугался. Просто эти ребята еще не знают, как я реагирую на испуг. Им это не понравится. В телефоне слышались короткие гудки.

Резко взяв с места, я вылетел на Валдекю и надавил на газ. Даша ходила в садик в Золитуде^[15], и я надеялся, что, не смотря на пробки, минут за двадцать туда доеду. Только бы успеть, как мантру повторял я про себя.

Солнечный луч отразился в зеркале, и я надел темные очки. Как ни странно, сегодня тоже было тепло. Остановившись на светофоре, я схватил телефон и выбрал из списка контактов Семеныча.

— Алло, — ответил он, спустя три гудка.

— Привет, Семеныч. Говорить можешь?

— Могу, уже с двух лет, — усмехнулся он. — Но вообще, сейчас резать буду. Поэтому, давай или быстро, или я тебе потом перезвоню.

Семеныч работал ветеринаром. Причем, хорошим и никогда не сидел без работы. Вот и сейчас, в его операционной, видимо, лежала под наркозом очередная несчастная собака. Но звонил я ему совсем не из-за его профессиональной деятельности. Из всех моих знакомых только он, пожалуй, смог бы помочь в сложившейся ситуации.

— Я к тебе днем смогу подъехать? Есть разговор.

— Серьезный?

— Серьезней некуда, — подтвердил я.

— Подъезжай, — ответил он и отключился. А я снова надавил на газ.

Не смотря на час пик, до Золитуде удалось доехать довольно быстро. Основные потоки машин сейчас двигались в центр, а мне просто нужно было добраться до соседнего спального района. Через пятнадцать минут, виляя между домами я подъехал к стоянке, рядом с которой разместился нужный мне детский сад.

Бросив машину, я бегом ринулся к решетчатому забору. Погода хорошая, дети уже гуляли, и я приник к железным прутьям, ища глазами дочь. Блин, да где она? Вот же ее группа... Уф! Волна облегчения прокатилась по позвоночнику — довольный ребенок как раз

съезжал с горки. Постояв несколько минут, я отдышался и уже спокойно потопал к калитке. Дашка, увидев меня, обрадовалась необычайно. Я подхватил ее на руки и прижал к себе. — Что-нибудь случилось? — Спросила воспитательница, узнав меня и подойдя ближе. — Можно сказать, и так, — кивнул я и соврал, — удачно попалась путевка в Египет. — Как вам здорово! Желаю хорошо отдохнуть, — завистливо протянула нестарая еще женщина. Ее зависть я хорошо понимал — с такими зарплатами несладко приходится, какой уж тут курорт? Ну если только муж зарабатывает.

Взяв дочь за руку и оглядываясь по сторонам, я двинулся к машине. Вроде за нами никто не следил, хотя я, конечно, не профессионал. Решив подстраховаться, проехал через переезд, развернулся и повернул на Юрмалас гатве, а затем резко ускорился. Никто не стал повторять мой маневр. Через пять минут я уже был на окружной и облегченно вздохнул. Может, конечно, это паранойя, но, случись что с малышкой, я бы потом себе никогда не простил, что отнесся к угрозе спустя рукава.

— А куда мы едем? — поинтересовалась Даша, разглядывая весеннюю зелень за окном.

— Кроликов смотреть, — усмехнулся я, надевая солнечные очки.

— Ой, к тете Свете? А почему сейчас? И зачем ты забрал меня из садика так рано? — Затараторила она.

— Отвечаю по порядку, — сделав серьезный вид, посмотрел я в зеркало на дочь. — Да, к тете Свете. Сейчас потому, что так надо. А забрал я тебя из садика потому, что тетя Света отказалась привозить кролика туда.

Даша рассмеялась.

— Опять шутишь, да, папа?

— Да, малыш. А теперь серьезно. Какие-то плохие дядьки ищут нас. Вы с мамой спрячетесь у Светы, пока я буду с ними разбираться.

Ребенок замолчал на несколько секунд. Потом серьезно посмотрев на меня, спросила:

— Ты их застрелишь, да?

— Будем надеяться, что до этого не дойдет, — невесело хмыкнул я.

— ... экстренный выпуск новостей, — я сделал громче радио. — Час назад в Юрмале, выстрелом снайпера застрелен бывший премьер-министр страны и евродепутат от Латвии Валдис Бобровский. Преступление произошло, когда Бобровский выходил из собственного дома в Юрмале. На место преступления прибыли сотрудники полиции и бойцы подразделения «Омега»...

Вот так вот! Спокойная и скучная Латвия превращается в какое-то странное и неуютное место... Что ж происходит-то? Нет, этого-то господина как раз не жалко, но сам факт! Где-то внутри окрепло предчувствие больших перемен и ощущение неумолимо приближающейся полярной лисицы. Пожалуй, мои планы стоит немного скорректировать...

Глава шестая. Золото

«Молс» — сравнительно небольшой торговый центр, расположенный на Набережной.

Вычурное красное здание скрывает в своем чреве пару десятков магазинчиков, несколько ресторанов и закусочных, а также то, без чего современная жизнь невозможна: клиентские центры мобильных операторов и кредитно-финансовых организаций. Вот ради посещения одной из таких контор я сюда и заявился.

— Здравствуйте, — обратился я к рыжеволосой девушке, сидящей в офисе, отгороженном от посетителя большим стеклом с небольшим окошком в самом низу. — Я бы хотел купить золотую монету.

— Какую именно? — Поинтересовалась огненноволосая, устремив на меня раскосые карие глаза. Ох, что-то я стал заглядываться на женщин... Да еще эти ножки у меня дома... Н-да.

— А вот эту, десять рублей, — показал я пальцем на витрине первую попавшуюся из старинных, оказавшуюся червонцем царской чеканки.

— Четыреста пятьдесят три евро, пожалуйста, — я отсчитал требуемую сумму и просунул деньги в маленькое окошко. Девушка, проверив купюры на подлинность, передала мне сдачу и маленькую пластиковую коробочку с монетой.

— Спасибо, — поблагодарил я, еще раз окинув ее взглядом. Не монету, девушку. А уж потом внимательно рассмотрел свою покупку. Двуглавый орел, а с другой стороны чеканный силуэт Николая. Червонец местами был сильно поцарапан, раньше к золоту относились менее бережно, чем теперь. Сейчас монета была упакована в прозрачный, твердый пластик.

Требовалось срочно пополнить бюджет, и я решился воспользоваться генератором. Копировать деньги напрямую было бы глупостью, рано или поздно кто-то заметил бы совпадение номеров. Поэтому, поразмыслив, я пошел другим путем. «Аурумекс», где мне только что без труда и инкогнито удалось купить монету, зарабатывал на купле-продаже инвестиционного золота. Покупать слитки я не рискнул — на них тоже номер выбит. А вот с монетами было проще.

Конечно, можно найти что-нибудь дороже золота, но при некотором размышлении я этот вариант отложил на будущее. Драгоценные камни, микросхемы, электронику и солнечные батареи можно было бы продать выгоднее, если считать на вес вещества, но этим требовалось плотно и много заниматься. На что сейчас не было времени. Золото же всегда можно продать, пусть и дешевле чем купил, но в моем случае это не имело никакого значения.

Когда я привез Дашку, Ольга закатила настоящую истерику. Даже Светка, знавшая мою бывшую много лет, была в шоке. Чтобы хоть как-то сгладить ситуацию, пришлось оставить им все деньги, что у меня были, и даже снять заначку со счета. А полчаса назад для покупки монеты я частично опустошил кредитку, сняв наличку. Платить картой не решился, незачем такой след оставлять, все ж мероприятие сомнительное.

Взглянув на часы, я покинул торговый центр и быстрым шагом двинул к машине, припаркованной на крытой стоянке. С установкой придется повозиться, неизвестно, сколько времени уйдет на копирование монет. А в четыре встреча эта непонятная. Цигель-цигель, хорошо бы ай-лю-лю, как говорил известный персонаж.

— ... премьер-министр считает, что на Латвию началась террористическая атака, — сообщило радио, стоило мне завезти двигатель. — На вечер назначено экстренное заседание правительства. Полиция и органы государственной безопасности переведены на усиленный режим службы...

Усиленный режим... Толку от вашего усиленного режима? Снайпер бахнул

евродепутата, выкинул винтовку в Лиелупе, ищи его теперь. Если работал профи, а сие очень вероятно, то на камерах он вряд ли засветился. Впрочем, хрен с ним. У меня своих проблем хватает, нечего ерундой голову забивать.

Быстро добравшись до Кенгарагса^[16], я свернул к институту, подъехал к своему месту и с удивлением уставился на большой черный «жып широкий», занявший мою парковку. Это еще кто? Насколько я знал, у сотрудников института таких машин не было. А для гостей оборудовано специальное место. Ладно, в принципе, есть где поставить, но непорядок, да.

Припарковавшись на месте покойного шефа, я почти бегом направился внутрь здания. Махнув вахтеру рукой, поднялся на третий этаж, приложил карточку к замку и вошел внутрь. И еще не войдя в «кают-компанию», как мы называли наш общий кабинет, понял, что предстоит не очень приятный разговор. Громкий голос замдиректора с характерными раздраженными интонациями доносился из-за закрытой двери. Я потянул за ручку.

— ...а я говорю, не надо питать иллюзий! — говорил Раугс, стоявший напротив Каулиньша. Замдиректора так яростно жестикулировал, что чуть не заехал мне по физиономии. Даня и Дайга, какие-то потерянные, сидели за столом в дальнем углу и молча смотрели на него. — Комиссия признает расходы необоснованными, институт потерпит огромные убытки...

Вот, кого стоило бы пристрелить, без малейших угрызений совести подумал я. И даже нащупал локтем рукоятку пистолета. Но это, конечно, были только несбыточные мечты...

— Что здесь происходит? — Я остановился в дверях.

Раугс развернулся ко мне.

— Вот, замдиректора требует отдать все материалы по проекту, — ответил мне Анцис, пожимая руку.

— Ага, вот и ты... Петерис, мне необходимо все, — Раугс протянул мне ладонь для рукопожатия, но я сделал вид, что не ее заметил. Не смутившись, он убрал руку и продолжил: — Я имею ввиду, все, что куплено — оборудование, материалы, измерительные установки. Сделаю инвентаризацию, может быть, что-то получится снять с баланса института, пока комиссия не вынесла своего решения.

— Хотелось бы увидеть письменный приказ директора, Мартыньш, — спокойно ответил я, делая шаг в сторону кофейника. Ребят он мог напугать своим наездом, но со мной такое не пройдет. Когда надо, я отлично умел использовать существующие в латвийских государственных организациях бюрократические порядки. Кроме того, после той памятной конференции, многие коллеги, включая директора, были на моей стороне. Раугс, в какой-то степени оказался изгоем и теперь, видимо, пытался отыграть утраченные позиции. Помогать ему в этом я не собирался. Скорее, наоборот.

— А моего устного указания недостаточно? — неприятно сморщившись, с затаенной угрозой спросил он. Ха, напугал ежа голой задницей!

— К сожалению, нет, — я невозмутимо пожал плечами. — Материально-ответственным лицом является некий Петр Мечников, знаешь такого? Так что, без официальной бумаги я тебя даже на порог чистой комнаты не пушу.

Он некоторое время сверлил меня глазами, потом фыркнул и пожал плечами.

— Ладно. Будет тебе бумага.

Окинув всех нас напоследок каким-то странным взглядом, он вышел в коридор. Я демонстративно выглянул за дверь и убедился, что он покинул лабораторию.

— Что приуныли? — Усмехнулся я, вернувшись в «кают-компанию». — Отбились уже.

Где булочки?

— Съели, шеф, — виновато пробормотала Дайга. — Понервничали и съели. Я сбегаю...

— Сбегай, — согласился я, наливая полную кружку кофе и усаживаясь за стол. А едва Дайга выскочила за дверь, показал глазами все еще стоявшему Каулиньшу на кресло.

— Садись, в ногах правды нет. Есть серьезный разговор.

Анцис опустил сиденье на соседний стул.

— Что-то вчера случилось, Петь? — Спросил меня Сотников, взъерошив свои невымытые волосы. Глаза красные, тоже поспать не удалось...

— Получилось, — кивнул я. — Не совсем то, что ожидалось, но получилось.

— Значит, мы были правы! — Обрадовано заявил он. — Проект оставят?

— А что это было такое за явление Мартыня? — Спросил Анцис.

— Проект закроют, — покачал головой я. — Мне только что звонил директор. Им проще закрыть проект, чем разбираться. Взамен нам предложена сделка — мы спокойно сдаем материалы и не поднимаем шума, а они относятся к институту на общих основаниях при подаче следующих проектов. А Мартыньш, как всегда, просто бежит впереди паровоза.

— И ты согласился? — Потеряно спросил Данила.

— Согласился, — кивнул я. — Но это еще не все. Я уйду из института.

— Как?

— Почему? — Чуть ли не одновременно воскликнули ребята.

— Я нашел инвестора. Буду делать свой... проект.

— Вау! Ничего себе! — У Сотникова аж глаза загорелись. — А нас возьмешь?

— Если согласитесь, — усмехнулся я, глядя на Анциса.

— Надо подумать, — дипломатично пробормотал он.

— Подумай. Зарплату обещаю хорошую, тему нашу продолжим. Есть правда одно «но», — загадочно проговорил я.

— Какое?

— Публикаций не будет. Исследования будут секретными.

— Вот как, — удивился Анцис и зачем-то подергал себя за ухо.

— Вот так. Зато никаких отчетов, бумаг и прочей фигни.

— Но если не будет публикаций, что же будет результатом работы? — Спросил Анцис. — Это же фундаментальная тема, она практически неприменима будет еще лет пятьдесят...

— Ну это мы еще посмотрим, — усмехнулся я. — Все подробности немного позже. А сейчас соберите программные файлы, все реальные расчеты и чертежи ну и скопируйте на флэшки. А в лабораторных компах все подотрите, чтоб концов не осталось. А то Раугс не растеряется...

— Да уж, — хмыкнул Даня.

Вбежала Дайга с целым мешком булочек. Я незаметно для нее поднес палец к губам, показывая ребятам, чтоб не болтали о нашем разговоре. Как не печально, но эту девушку я в своей будущей команде не видел, нечего ей там делать. Оба парня изобразили удивление, но кивнули.

После кофе, разогнав коллег работать, я порылся в шкафу и отыскал свой старый титановый «дипломат», в котором когда-то раньше таскал радиоактивные материалы. Тщательно осмотрев его, сильно подергал за ручку. Золото тяжелое, не отломается ли? Впрочем, альтернативы пока не было, а тратить время на покупку нового чемодана я не счел

нужным.

Проверив, как ребята подтирают файлы и, засадив Дайгу писать отчеты, я пошел в чистую комнату. Здесь ничего не изменилось. Генератор, как и ночью, сиротливо стоял посередине стола. Включив питание лазеров и системы охлаждения, я уселся за компьютер и принялся за настройку. Когда все было закончено, мысленно помолился, вытащил из кармана червонец и поместил его на платформу, в то место, где ночью лежала отвертка-прототип. Работа предстояла нудная, но что делать — аппарат предназначался совсем для других целей, а вовсе не для копирования предметов. С некоторым трепетом, я нажал фигурную кнопку «Enter» и дождался скачка индикаторов. Выключив D-поле, запустил воздух и облегченно выдохнул, вытащив из камеры второй червонец. До последнего меня мучили сомнения — не привиделось ли мне все это прошлой ночью? Нет, не привиделось!

Дальше работа пошла результативнее. Разместив два червонца, через десять минут я получил уже четыре монеты, потом восемь, шестнадцать... Время от времени надо было лишь подливать воду в систему охлаждения — именно оттуда бралась материя. В конце концов, это и оказалось проблемой — я положил тридцать две монетки четырьмя столбиками, и при включении матрицы у меня резко скакнула температура контура — вся вода и часть шланга просто исчезли, их атомы были мгновенно телепортированы в камеру. Там, под действием D-поля, они разбивались в элементарные частицы и снова упаковывались в атомы, но уже другие — с атомным весом сто девяносто семь, по образу и подобию столбиков из золотых монет. Часть из них бесследно исчезала, преобразуясь в энергию связей или просто в излучение, которое матрица выводила, согласно расчетам, в другое измерение.

Кляня себя за жадность, я нашел и поставил новый шланг, немного переделал конструкцию и открыл воду напрямую, из крана, копируя теперь по двадцать пять монет зараз. Наконец, заполнив «дипломат» червонцами, вздохнул и присел рядом. Две тысячи сто восемьдесят девять монет. Почти на миллион евро. Должно хватить на первое время.

Как и предполагалось, чемоданчик оказался весьма тяжеленьким — почти двадцать килограммов. Ничего, своя ноша не тянет. Демонтировав из аппарата самое ценное — D-матрицу, я положил ее в полиэтиленовый мешок — заберу с собой. После этого скопировал с компьютера все программное обеспечение и данные на переносной терабайтный диск, а затем, вставив системную флешку в гнездо, перезагрузил компьютер и набрал команду «format C».

Когда я закончил уничтожать результаты нашей работы, часы показали половину третьего. Пора. Попрощавшись с коллегами и отмахнувшись от вопросов, я схватил тяжеленный «дипломат» и, спустившись на лифте, с некоторым трудом дотащил его до машины, загрузив в багажник.

Клиника, где работал Семеныч и которая частично ему и принадлежала, находилась в Пурвциемсе^[17]. Семеныча звали Сергеем, а познакомился я с ним в охотничьем коллективе — невысокого роста, с солидным животиком и небольшой лысиной, Серега был невероятно харизматичным и интересным человеком, а также непревзойденным стрелком. Со временем мы подружились и не раз вместе ездили на стрелковые соревнования и охоту. Вследствие своей харизмы и профессии, доктор, как его называли, имел огромное количество полезных связей. Причем, как среди власть имущих, так и среди жуликов. Из всего моего окружения, он единственный мог помочь в сложившейся ситуации не только советом, но и реальным делом.

Встретив меня в приемной, Серега пожал мне руку и кивнул на дверь свободной смотровой.

— Кофе будешь? — Поинтересовался он, входя следом и придвигая мне стул, на который я сразу же уселся.

— Буду, — не стал отказываться я. Бессонная ночь давала о себе знать. Он подвинул ко мне банку с ароматным порошком, который я, не жалея, насыпал в чашку и залил кипятком из большого, только закипевшего электрического чайника. Пока кофе заваривался, я рассказывал Сереге историю наезда.

— Просто так никого не ищут, — рассудительно проговорил он. — Вспоминай, кого ты задел в последнее время?

— Ну, есть у меня на работе трабл один, — я почесал в затылке. — Но ученые обычно не решают вопросы бандитскими методами.

— Тогда просто послушай, что они скажут. Ничего не обещаю, пусть выскажут свои претензии. Стрелку тебе забили в людном месте, так что вряд ли станут сходу наезжать. Дай-ка номерок, с которого они звонили.

Я продиктовал Семенычу номер. Записав его на обратной стороне какого-то медицинского бланка, он достал телефон и потыкал в экран пальцем.

— Привет, Гунча, — заговорил он по-латышски. — Доктор беспокоит. Как собака? — С минуту послушав собеседника, продолжил: — А сколько раз в день даешь? Двух мало, надо три... Да... Угу! Чего звоню, тут у меня на друга наехали какие-то непонятные ребята... Да... Можешь номерок пробить? Эсэмэской пришлю... Окей, жду, — он нажал на отбой, набил эсэмэску и со значением посмотрел на меня. — Отзвонит в течение пятнадцати минут.

— Подождем, время терпит, — кивнул я и отпил из кружки.

— Дочку ты хорошо спрятал?

— Ну, спрятал, — я пожал плечами. — Надеюсь, что да.

Некоторое время мы болтали о всякой ерунде, вспомнив последнюю охоту. Спустя минут десять запиликал телефон, и Семеныч поднял трубку.

— Да? Да... Понял... Угу, договорились. Давай, и тебе удачи, — Сергей посмотрел на меня, бросив аппарат на стол. — Ничего нет, просто О-карта^[18]. Он посоветовал записать разговор на диктофон.

— Это уж обязательно. Ладно, дружище, спасибо, — я протянул ему руку.

— После встречи позвони обязательно, — потребовал он, пожимая мою ладонь.

— Это непременно, — пообещал я и вышел из клиники.

Возле «шкоды» кинул взгляд по сторонам и почувствовал, как по коже поползли мурашки. Знакомый «жып широкий» стоял на противоположной стороне улицы. Стараясь не подать виду, я сел в машину и вытащил телефон.

— Семеныч, — побормотал я в трубку, едва Сергей ответил. — Меня пасут. Джип «Чероки», номер... — я продиктовал буквы и цифры. — Возле института три часа назад заметил, а сейчас он здесь стоит. Можешь узнать, кто хозяин?

— Попробую, жди, — ответил он, отключившись.

Я медленно тронул машину с места. Выезжая со двора, заметил, как «жып» двинулся следом. Подумав, я достал пистолет из кобуры, проверил, есть ли патрон в стволе, и положил на сидение, прижав бедром. На всякий пожарный.

«Лидо» на Набережной — одно из культовых мест в Риге. Большой трехэтажный

ресторан располагался посреди парка аттракционов и уже много лет привлекал рижан неплохой кухней. Переехав «стаханчик» и спустившись с виадука, я заехал на стоянку и приткнулся на свободное место, которых в это время оказалось достаточно. Джип медленно проехал мимо и встал через две машины от меня. Будут выходить?

Зазвонил телефон. Ага, это они!

— Да?

— Ты можешь выходить, это мы за тобой ехали, — раздался знакомый голос. — Пойдем покушаем. Покалякаем о делах наших скорбных.

— Ну, пойдем, покалякаем, — хмыкнул я, возвращая пистолет в кобуру и выходя из машины. Тоже мне, «Горбатый» нашелся.

Глава седьмая. Девушка-проблема

— Слушаю вас очень внимательно, господа, — проговорил я, усевшись за стол и включая диктофон на телефоне. Брать еду не стал, хотя был голоден. Терпеть не могу есть в неприятной компании. Ограничился чашкой кофе. Мужики же не стеснялись, набрали основательно — суп, второе, салатки, да по кружке пива. Тот, который повыше, взял еще и десерт.

— Ты этой ночью ехал по Гребенщикова, — начал один из них, невысокий и довольно плотный, одетый в джинсы и короткую кожаную куртку. С лицом, как говорил классик, явно не обезображенным интеллектом. Я его окрестил про себя «Шкафом». — Остановился и подобрал обдолбанную деваху. Где она?

Второй, высокий и тоже довольно здоровый, одетый в черные брюки и теплую серую жилетку поверх рубашки, лицом чем-то напомнил мне быка Фердинанда из диснеевского мультика. Хотя, если мне память не изменяет, Фердинанд был добрым персонажем. От этого же добротой и не пахло. Он пока в разговор не вступал, а с аппетитом хлебал суп, громко сёрбая.

— Назови мне хоть одну причину, почему я тебе должен что-то рассказывать? — Огрызнулся я для того, чтобы немного потянуть время и подумать. Значит, дело не во мне, а в Лике. Но эти ребята чересчур быстро вычислили меня. Пробили по номеру машины? Кто-то из драчливой компании запомнил?

— Петя, ты не борзей, — Бык отвлекся от своей тарелки. — Мы тебя по-хорошему спрашиваем, не наезжаем. Прояви понятие, умный же мужик, дохтор физики. Не надо было бы, не беспокоили б.

Я задумался. Перед глазами встала фигурка девушки в моей футболке. И ножки...

— Ладно, хрен с вами, — я кивнул. — Хотел отвезти ее в больницу, но по дороге она очнулась. Попросила остановить, я ее и высадил за каменным мостом. И ради этого стоило меня вычислять, искать?

— А ты не волнуйся за нас, — хмыкнул Шкаф. — Мы сами решим, что нам стоит делать, а что нет. И советуем тебе правду говорить.

Он сделал паузу, выжидающе взглянув на меня.

— Я все сказал, — буркнул я, глядя ему прямо в глаза. Взглядами мы тоже бодаться умеем.

— Ну, если все, тогда тебе незачем волноваться, — усмехнулся Бык. — Поедем щас к тебе на хату, если ее там нет — разбежимся полюбовно.

— А я и не волнуюсь, — пожал я плечами в ответ. — Но на хату ко мне вы не поедете.

Мужики демонстративно переглянулись.

— А чо так? — поинтересовался Шкаф.

— Не прибрано у меня там, — оскалился я, нащупывая локтем рукоятку пистолета.

— Да мы не бабы, грязные сырки нам похрен, — заржал Бык.

В этот момент зазвонил телефон. Взяв трубку, я глянул на экран. Семеныч.

— Да?

— Мечник, короче так, — заговорил Серега. — Машина эта принадлежит охранной фирме «Ригас сарги». Знаешь, что за контора?

— Нет, — ответил я, прижимая телефон плотнее к уху, чтобы мои оппоненты не слышали, того, что Семеныч мне говорит. Было видно, что им интересно, Бык аж голову повернул, чтобы ухо «смотрело» в мою сторону.

— Фирма Виктора Моргунова, слышал о таком?

— Знакомая фамилия... Но сейчас не соображу, где слышал.

— Бывший бандит, а нынче респектабельный бизнесмен, — усмехнулся в трубку Семеныч. — Владелец парочки алкогольных заводов, ну и еще кое-чего по мелочи. Как там дела?

— В процессе. Спасибо, Серега, с меня причитается.

— Сочтемся. Звони, — он положил трубку.

Я оглядел мужиков, которые с интересом смотрели на меня.

— Девочка что, падчерица Моргунова? — Бросил я пробный шар, внимательно глядя на сотрудников «Ригас сарги».

Мужики явно опешили. Переглянулись, потом Бык посмотрел на меня с некоторым уважением, будто заметив то, чего раньше не было видно. Шкаф только покачал головой.

— Значит так, ребята, — продолжил я развивать наступление. — Я не буду писать заявление в полицию, что сотрудники фирмы «Ригас сарги», которая принадлежит господину Моргунову, угрожали мне. А вы оставите меня и мою семью в покое. Как вам такое предложение?

— А мы ему угрожали? — спросил Бык, глядя на Шкафа.

— Чего-то не припомню, — хмыкнул в ответ тот.

— Ну и славно, — кивнул я. — Значит, разойдемся полюбовно прямо сейчас. Девочку я подобрал на Гребенщикова, а высадил в Пардаугаве. Она мне рассказала, что сбежала от отчима и у нее проблемы, но от моей помощи отказалась. Если ко мне еще вопросы есть, ради бога. Если нет, то у меня много дел, — я вопросительно глянул на мужиков.

— Ладно, хрен с тобой, — сморщившись, буркнул Шкаф. — Но если сфиздил...

Бык тронул напарника за руку, останавливая готовую сорваться фразу.

— Позвони нам, телефон ты знаешь, — проговорил он, внимательно глядя мне в глаза. — Если девочку увидишь или узнаешь, где она. Не пожалеешь.

— Хорошо, — соврал я. — Позвоню. Приятного аппетита.

Поднявшись, я сделал мужикам ручкой и направился к выходу. Они остались сидеть за

столом, проводив меня взглядами. Выйдя на улицу, я вдохнул свежий воздух и выругался про себя. Повелся на ножки, дурак. Мало у меня было проблем?

Сев за руль, я отыскал в кармане стояночный жетон — да, да, в Лидо надо платить за стоянку при выезде. Доехав до шлагбаума, кинул монету в щель и резко рванул с места. Во-первых, нужны были деньги. Во-вторых, я все-таки хотел поговорить с моим ночным приключением. Виктор Моргунов — не тот человек, которого стоило иметь во врагах.

Сдавать монеты в «Молсе», там же, где их покупал, я не решился. Поэтому, добравшись до Островного моста, переехал по нему на ту сторону, свернул на Мукусалас, чтобы через минуту, припарковался на стоянке торгового центра «Рига Плаза». Открыл багажник, постоял, оглядываясь по сторонам — убедился, что никто на меня не смотрит. Потом набрал код на замках титанового чемодана и, приоткрыв крышку, достал шесть коробочек с монетами.

Здесь, в стеклянном офисе «Аурумекса» сидела брюнетка средних лет, не вызвавшая у меня никакого сексуального интереса. Я лишь молча протянул ей шесть монет.

— Подождите, пожалуйста, — по-латышски попросила она, после чего встала и вышла за дверь на задней стене своей коморки. Вернулась спустя минут пять, уселась на крутящийся стул и кивнула. — Монеты в порядке.

— Очень хорошо, — улыбнулся я. — Триста девяносто пять за каждую, не так ли?

— Да, — улыбнулась она в ответ, отсчитывая деньги. — Пожалуйста, две тысячи, триста семьдесят евро.

— Спасибо, — облегченно вздохнул я. Все ж до последнего не верилось, что получится. Умом понимал, что все в порядке, но не верил. Ощувив хруст двухсотевровых купюр в руке, на несколько секунд замер, наслаждаясь пониманием — да, получилось!

В приподнятом настроении заскочил в «Призму», набрал еды и с удовлетворением расплатился только что полученными деньгами. Потом быстрым шагом двинулся к машине. Спустя десять минут я уже тормозил возле своего подъезда.

Не дождавшись лифта, взбежал по лестнице, засунул в скважину ключ, повернул в замке и вошел в квартиру. И не обнаружил никаких следов ночной гостьи.

Настроение вдруг упало. До плинтуса. И даже ниже. Что ж такое, обещала же, что дождется!

Ее можно понять, Петь, — шепнул внутренний голос, чуть приглушив обиду. Утром она поняла, что на тебя вышли ребята ее папаши и слиняла.

Я обошел всю квартиру, приглядываясь к мелочам. Вся посуда на кухне была вымыта. Хм, благодарность? Заглянул в холодильник. Ага, пару яиц слопала. Ну, хоть не голодная ушла. На балконе сушилась моя выстиранная футболка. Кровать застелена. Ни записки, ничего. Млять, почему я не взял номер ее телефона? Баран!

Вздохнув, спустился к машине, вытащил «дипломат» и, уже на лифте затащил его в квартиру. Чемодан целиком в сейф не поместился, поэтому я выгрузил червонцы прямо на дно, так и оставив их лежать между винтовочными прикладами. Потом закрыл дверцу, схватил планшет и, завалившись в одежде на кровать, залез в сеть.

Информации о Моргунове было немного, но что-то нарыть удалось. Три года назад он женился на Елене Строгоновой. На одном из сайтов светской хроники была фотография. Да, эта женщина вполне могла быть матерью Лики. Про детей не было сказано ни слова. По запросу «Ли́ка Строгонова», гугль выдал ссылку на европейский закон о защите частной информации, и несколько фейсбучных аккаунтов. Во втором из них я нашел фотку моей

ночной гостыи. Остальная информация была скрыта, фейсбук лишь предложил мне добавить ее в друзья. Подумав, я не стал этого делать. Не исключено, что «Ригас сарги» имеет доступ к какому-нибудь Ликиному девайсу. Высветившись там, я открою свою заинтересованность, чего сейчас делать было нельзя.

Я не смог себе ответить на вопрос, зачем я ее ищу. Логика в этом не было. Я просто хотел ее увидеть. И еще мне почему-то казалось, что она в беде.

Приготовив себе поесть, я принялся составлять план дальнейших действий. Но мысли невольно возвращались к девушке. Куда она могла пойти, если не хотела, чтобы ее нашли? Друзья-подруги наверняка под контролем «Саргов». И еще — Шкаф сказал, что она была обдолбанной. Неужели девчонка — наркоманка? Не похоже, малышка приготовила завтрак, навела у меня порядок. Сомневаюсь, что б наркоманка так себя вела. Однако, ночью она была под кайфом...

Пытаясь выкинуть Лику из головы, я позвонил Ольге. У нее как раз было все в порядке никто к ним не приезжал и за домом вроде не следил. Тогда, подумав, набрал Семеныча.

— Ну, как дела? — Вместо «алло» произнес он. Вкратце пересказав ему наш разговор с кунаками Моргунова, я поинтересовался, нет ли у него толкового специалиста по безопасности?

— А ты им правду про девчонку рассказал? — Поинтересовался Серега.

— Это не телефонный разговор, — хмыкнул я в ответ.

— Понятно, — усмехнулся он. — Мечник в своем репертуаре, ни одной юбки не пропускает.

— Это совсем не то, что ты подумал, — заржал я.

— Да ладно, — хихикнул он в ответ. — Мне пофиг. Сам такой. А специалист есть, — уже серьезно продолжил он. — Только ему деньги очень нужны, поэтому берет он дорого. Но толковый, да.

— Это как раз не проблема, — кивнул я. — А что, с ним что-то не так?

— С ним все так, — ответил он. — Парень просто потерял бизнес в России несколько лет назад. И еле живой выбрался в Латвию. Не с теми, с кем нужно связался. Сейчас в долгах, серьезных. Но человек надежный, я его с детства знаю и профи каких мало.

— Если профи, что ж без бизнеса остался?

— Его подставили там, вроде как. Просто не повезло. Так бывает.

— Бывает, — согласился я. — Ладно, диктуй номер, — записав цифры на клочок бумаги, я распрощался с Семенычем, накинул куртку и двинулся к выходу. Следовало поставить машину на стоянку.

Едва я открыл дверь, как кто-то сильно ударил меня по голове. Реальность поплыла, мигнула и наступила тьма.

Глава восьмая. Техника безопасности

Пульсирующая боль в переносице — первое, что я почувствовал, когда очнулся. Открыв

налитые свинцом веки, некоторое время не мог понять, где я и что случилось. Лишь спустя минуту или две стал хоть как-то воспринимать действительность. Когда картинка перед глазами обрела четкость, то увидел, что надо мной возвышаются Шкаф и Бык.

— Ну ты и мудака, — с чувством сказал Шкаф, качая головой. — Вот и нахрена было борзеть? Приехали бы спокойно, посмотрели — девахи нет, и разошлись бы миром.

— А теперь тебя мочить придется, — буркнул Бык. — Решил, типа, самый умный? Вольной запасся, гля, — продолжил он, положив на журнальный столик мой «вальтер».

— Думал, типа от нас защищаться? — сощурившись, усмехнулся Шкаф. — Защищалка не выросла еще. Давай, рассказывай, как на самом деле было. Куда девчонку отвез?

— Я все сказал, — прохрипел я, пытаюсь сесть на диване поудобнее. Связывать никто меня не стал. Стоило мне пошевелиться, как Шкаф достал из-за полы куртки пистолет с накрученным на стволе глушителем и передернул затвор. «Глок», машинально определил я. Тридцать четвертый.

— Слышь, Паша, найди уют какой, что ли, — буркнул Шкаф, нехорошо глядя на меня. — А то он не понимает по-хорошему.

Сказать, что я испугался — это было бы не верно. Скорее, стало тоскливо до невозможности, как бывает лишь при осознании, что вот сейчас, спустя несколько минут придется умирать. И выхода другого нет. Млять, вот попал же! Бык послушно осмотрелся по сторонам и, не увидев нужного ему предмета, пошел в маленькую комнату. Взглянув на меня, Шкаф вдруг положил свой «глок» на стол и взял в руку мой «вальтер». Приложился, прицелился в окно, потом в меня. Я весь сжался от неприятного ощущения, едва ствол устоялся мне в лицо и машинально увел голову с линии прицеливания. Этот идиот положил палец на крючок! У модели «quick action» изначально был очень тяжелый спуск, поэтому, едва купив пистолет, я подточил его так, чтобы усилие не превышало полкилограмма. Видимо, видок у меня был очень испуганный, потому что Шкаф вдруг заржал и опустил руку с пистолетом.

— Что, зассал? — спросил он, и в этот момент грохнул выстрел. — Ааааа, мляяяяяяя!!!

Мысль, словно молния, ударила в сознание: этот идиот прострелил себе ногу! От боли и шока он выронил пистолет и упал на ковер, схватившись за простреленный ботинок, из которого хлестала кровь.

Будто кто-то толкнул меня в спину — вот твой шанс! Сейчас! Я прыгнул и, схватив лежащий на столешнице «глок», перелетел через столик, мгновенно поднялся на одно колено и направил ствол в сторону маленькой комнаты, дверь которой уже открывалась. Едва Бык появился в проеме, я четко, как на тренировке, отработал двойку ему в грудь и, развернувшись, выстрелил в голову корчившемуся от боли Шкафу. Хлопки выстрелов были тихими, слышен был только лязг затвора и глухие удары пуль. Не то, что грохот моего «девьяносто девятого». В «глок» бандиты зарядили явно дозвуковые патроны.

Несколько мгновений я приходил в себя, толком не осознавая, что натворил. Так бывает, когда мозг отключается, а тело работает лишь на рефлексам. Четыре года тренировок и соревнований по практической стрельбе сделали свое дело. Лишь когда рухнувший, словно мешок, Бык перестал дергаться, до меня дошло. Руки затряслись, я медленно поднялся на ноги и, обойдя журнальный столик, подошел к Шкафу. Кровь из ботинка перестала течь, зато под головой образовалась горка сероватого вещества, вокруг которого расплылась темно-красная лужа. Дырка в переносице и левый глаз почти вылезший из глазницы...

— Представь, что ты на охоте, — пробормотал я, чувствуя, как постукает тошнота. Мантра помогла слабо. Рванув в туалет, я согнулся над «белым другом» и вернул все, что съел полчаса назад. Умывшись и напившись воды прямо из-под крана, вернулся в комнату. Блин, и что теперь делать?

Посидев некоторое время на диване, я окончательно пришел в себя и стал размышлять. Слышали ли соседи выстрел? Если да, то отреагировали ли? Что будет, если я вызову полицию? А плохо будет, ответил я сам себе. Изымут оружие. Меня задержат, сто процентов. А потом подключится Моргунов, и я отгребу на полную катушку. Ну и, конечно, найдут золото в сейфе.

Подошел к Быку. Стеклообразный взгляд в потолок и две дырки ровно в середине груди. Пули, похоже, остались в корпусе, поэтому этот труп выглядел куда эстетичнее тела напарника. Если про труп вообще можно так сказать.

Нажав кнопку защелки, я достал магазин и посмотрел на патроны. Ну да, пустоголовые. Запрещены, кстати у нас, как и глушители.

— Стволы нелегальные, что ли? — Пробормотал я, вытаскивая из руки Быка полностью идентичный «глок» с глушителем. Обыскал оба трупа. Два ай-фона. Бумажники, по одному запасному магазину. Одинаковые кобуры на поясах. Ключи от «жыпа широкого». У Шкафа на лодыжке еще один ствол, на который как раз нашлась оранжевая бумажка в портмоне. Ага, Зиг Зауэр, Пэ девять три восемь, не слышал про такой... В бумажниках, на двоих триста евро и несколько кредиток. — Блин, что же делать???

Подойдя к окну, отодвинул в сторону занавеску и выглянул наружу. Тихо, спокойно. Вон их «жып» стоит. Расчленю и загружу в машину, решил я. На помощь никого звать нельзя, нет у меня таких друзей...

Мешки нужны. Вздохнув, я снял с себя куртку и в четыре приема затащил оба трупа в ванную комнату, где раздел их и загрузил в ванну. Потом, как мог собрал с пола мозги, вытер и вымыл следы крови с ламината. Выковырял пули из пола, собрал гильзы. В щелях и дырках, конечно, что-то осталось, но этот вопрос буду решать потом. Отмыл руки от крови, переоделся и глянул в зеркало. Мать честная... Удар по голове не прошел бесследно. Под глазами и на переносице появились синие круги. Красавчик! Нашел кепку с козырьком, сверху натянул капюшон и вышел на улицу.

С телефонами бандитов я поступил жестко — отключил и просто сломал пополам, выбросив в мусорник в подъезде соседнего дома. Пока шел в магазин и покупал большие мусорные мешки, думал — а как они меня нашли? Когда я уезжал из Лидо, за мной никто не ехал. Если следил еще кто-то, тогда точно «крышка»! Или они знали адрес, или сунули в машину какую-нибудь электронику. На старую бабушкину квартиру я переехал полгода назад, и, в принципе, этот адрес не скрывал. Но и не орал о нем на каждом углу.

Следующий час был одним из самых неприятных в моей жизни. Нет, на охоте, конечно, я занимался чем-то подобным. Но лось и кабан — это одно, а человек, все-таки, немного другое. Психологически, так сказать... Неимоверным усилием я удержал себя, чтобы не хлебнуть коньяка: мне надо ж будет все это вывезти. Но все проходит, прошло и это. Наконец, когда бандиты и их одежда были упакованы в шесть мешков, а ванна отмыта от крови и ошметков, я устало опустился на диван, глядя на свои трясущиеся руки. В голове крутилась только одна мысль — какого хрена я прошлой ночью сразу из института не поехал домой???

Видимо я отключился, потому что, когда очнулся, за окном было уже темно. Мобильник

показал час сорок семь. В принципе, самое время. Спустившись вниз, я открыл багажник джипа и, убедившись, что кроме пластиковой канистры с соляркой в нем ничего нет, в шесть ходок загрузил его мешками. Последний в багажник не влез, поэтому пришлось засунуть его в салон. Прихватив из своей машины саперную лопатку, которую я иногда брал с собой на охоту, я уселся за руль «широкого».

На пассажирском сидении лежал планшет. Очень интересно, ну-ка посмотрим... На экране высветилась Риги, в центре которой горела красная точка. Ага, мой адрес. Программа странная, я с такой раньше не встречался. Но не навигация. Видимо, все-таки показывает положение какого-то передатчика.

Подумав, с планшетом я поступил точно так же, как и с телефонами, только выкидывать пока не стал, сделаю это по дороге.

Заведя двигатель, я позволил дизелю прогреться и тронулся с места.

Медленно двигаясь по ночной дороге и избегая мест, в которых обычно стояла полиция, я усиленно размышлял, пытаясь поставить себя на место Моргунова. Наверняка он уже знает, что парочка не вышла на связь. Будет ли он заявлять в полицию? Ну, не сразу, пожалуй. Не знаю, какой у них порядок доклада, но, судя по манере, это они мой труп сейчас должны где-то прятать. Вероятно, с тревогой он подождет до послезавтра. Ну и, конечно, отправит кого-нибудь еще свою падчерицу искать. Ну-ну... А мы теперь настороже будем.

Спустя час я добрался до цели — лесной дорожки в тридцати километрах от Риги, петлявшей от шоссе к небольшому озеру. Никто меня по дороге не остановил, я даже полиции не видел, чему был несказанно рад — вот вам и усиленные меры безопасности... Переезжая через какую-то речушку, остановился на мосту, чтобы выкинуть в воду трофейные стволы.

К этому озеру мы когда-то ездили на пикник вместе с Ольгой. Один из наших приятелей купил здесь землю, собираясь строить кемпинг. Но деньги у парня закончились, а строительство так и не началось. Помыкавшись, приятель уехал в Англию на заработки, а земля так и осталась, зарастая лесом. Однако, в окрестностях Риги не так уж много озер, поэтому знающие люди частенько приезжали сюда, в хорошую погоду, жарить шашлыки и купаться. Со временем неподалеку образовалась свалка отходов, которую, за отсутствием хозяина, никто не убирал.

Подъехав к горе мусора, я нашел свободный песочный пяточок и взялся за лопату. Минут сорок мне понадобилось, чтобы в свете фар раскопать достаточно глубокую яму. Закинув в нее останки, я их зарыл, а затем развел рядом небольшой костер, сжигая мешки, перчатки и одежду. Пепел потом тоже прикопал песком, а сверху на свежую могилу набросал мусора. Вместо креста вам, ребята. Извиняйте, что заслужили.

Почистившись, я забрался в машину и двинулся обратно. Что ж мне с ней делать? Придется сжечь, чтоб следов не оставлять...

В Ригу я вернулся в пятом часу, подумав, что перехожу на ночной образ жизни. На въезде в город я впервые за эту ночь увидел полицию. Однако стражи порядка останавливать меня не стали, скорее всего просто спали в машине. Быстро проскочив через пустую от машин Ригу, я вырулил на юрмальское шоссе и, спустя десять минут, не въезжая в город-курорт, свернул на Венстпилс. Проехав еще километров сорок, выбрал подходящее место, повернул на лесную дорожку и, заехав в болото, остановился. Тщательно облив машину соляркой внутри и снаружи, открыл бензобак и сделал небольшую дорожку метров на десять в сторону. Потом вернулся, чтобы кинуть пластиковую канистру обратно в машину.

— Прощай, «жып»! Извини, что так вышло, — пробормотал я.

Отойдя к краю сделанной «дорожки» из солярки, поджег ее спичкой. И бегом бросился к дороге. За спиной полыхнуло.

Уже светало, но зарево от горящей машины я видел даже тогда, когда подошел к железнодорожной станции. Натянув кепку на глаза, я уселся на скамейку подальше от попутчиков — двух мужиков бомжеватого вида и женщины в годах, которые тоже ждали электричку. Поезд пришел минут через двадцать, когда я уже основательно замерз, кутаясь в куртку. Одежка не могла предохранить от пронизывающего холода, тянувшегося с моря.

Заплатив за билет сонной девушке-кондуктору, я уселся в пустом конце вагона и съезился, пытаюсь согреться. Мыслей не было. Очень хотелось спать, однако я держался, чтобы не проехать нужную мне станцию.

Наконец, электричка, прогудев, въехала на станцию Торнякалнс, где я и вышел. Пройдя по алее на Виенибас Гатве, минут через десять поймал проезжающее мимо такси. Большой, толстый и усатый таксист, болтающий без умолку, видно, чтобы самому не заснуть, довез меня до Зепниккалнса, где я и вылез за квартал от своего дома.

Несмотря на жуткую усталость, я заставил себя подойти и осмотреть машину. Под передним бампером обнаружилась небольшая коробочка, прикрепленная с помощью магнита. Сняв ее и разбив каблуком, я выкинул обломки в мусорник.

Дома все еще пахло порохом и немного кровью. Вздохнув, я приоткрыл окно, закинул одежду в стиралку, хлебнул коньяка прямо из горлышка и упал на кровать. Пошли все лесом! Даже если начнется война, я буду спать!

Разбудил меня, конечно, телефон.

— Да? — Пробормотал я, не глядя, кто мне звонит.

— Шеф, а ты где? — Взволнованно заговорил телефон голосом Сотникова. — Тут пришел Раугс с бумагой от директора и затеял инвентаризацию. Многого не досчитался, требует тебя.

— Я заболел, — прохрипел я. Жутко болела голова. — Так ему и скажи.

— Мы все сделали, как ты сказал, — громким шепотом проговорил он. — Все в силе?

— Да, в силе. Даня, я тебя позже наберу.

— Хорошо, шеф, выздоравливай...

Я нажал кнопку отбоя, глянув на время. Одиннадцать двадцать три. В сердцах плюнув на все и всех, я выключил телефон и провалился в сон.

Глава девятая. Специалист по безопасности

Бельгийский бар — одно из самых приятных мест Риги. Если от площади Латышских стрелков пройти пару кварталов по улице Грециниеку и затем свернуть на Марсталю, то с левой стороны вы увидите скромную вывеску «Bon Vivant». Однако за скромностью фасада скрывается великолепная кухня, прекрасное обслуживание и одно из редких мест Риги, где предлагается вкуснейшее бельгийское пиво.

Приткнув машину напротив РТУ^[19] и с помощью мобильного заплатив за парковку, я перешел Набережную и неспешным шагом двинулся к бару. Под вечер выглянуло солнце и стало теплее, да так, что на улице показались девушки в коротких юбках. Я специально заставил себя не торопиться — последние двое суток выдались очень бурными, следовало немного остановиться и подумать. Фигурально остановиться, конечно. Я очень не люблю, когда события управляют мной, вместо того, чтобы я управлял ими. Отключенный телефон позволил мне выспаться, и мои мозги, наконец, заработали. Поэтому, проснувшись и приняв душ, я нашел клочок бумаги с записанным на нем телефоном и позвонил «специалисту по безопасности».

— У вас заказан столик? — Поинтересовался парень-официант, едва я открыл тяжелую дверь и прошел внутрь небольшого помещения, фронтальная стена которого была занята барной стойкой.

— Да, на имя Петр, — ответил я, снимая куртку и поправляя рубашку так, чтобы она прикрывала кобуру с пистолетом.

— Проходите, пожалуйста, во второй зал, — провел он меня по коридору в соседнее помещение. В ресторане было полно народу, здесь вечерами практически никогда не бывает пусто. Показав мне столик в углу, парень принес меню и положил на стол.

— Бланш, ноль пять пожалуйста, — попросил я пиво, не открывая кожаную папку. Без пятнадцати семь. Дмитрий, а именно так звали «специалиста по безопасности», должен был подойти к семи. Для того, чтобы он меня узнал, я положил на стол черную кепку с логотипом IPSC Latvia.

Пиво, как, впрочем, и всегда, было отличным. Не успел я опустошить и трети бокала, как к моему столику подошел высокий и худой парень, приблизительно моих лет. Одет он был в черные брюки, легкий серый свитер с горлом и короткую замшевую куртку. Совершенно непримечательная внешность. Мимо такого пройдешь — и не заметишь.

— Добрый вечер, — поздоровался по-русски он, внимательно разглядывая меня. — Петр?

— Да, — я привстал, протягивая руку. — А вы — Дмитрий?

— Именно, Дмитрий Гордеев, — рукопожатие было в меру крепким. Усевшись напротив, он оглядел зал. — Первый раз здесь. Хорошее место?

— Да, — кивнул я. — Одно из лучших в Риге, я считаю.

— Буду знать, — располагаяще улыбнулся он. Вокруг серых глаз разбежались морщинки, и мне подумалось, что с возрастом я не угадал. Он, пожалуй, старше. Под сорок ему, если не за. — Сразу к делу? — он поймал мой взгляд.

— Было бы здорово, — усмехнулся я. — Если вы не голодны.

— Может на «ты», — вдруг предложил он. — Мы вроде почти ровесники.

— Конечно, — кивнул я.

— Ну, тогда рассказывай, в чем проблема, — сказал он, кивнув официанту и показывая на мой бокал. — То же самое, пожалуйста.

— У меня, собственно, проблемы две, — пробормотал я, не зная, как начать.

— Тогда начинай с самой острой, — кивнул он.

Подумав, я рассказал ему про Лику. Как привез ее домой, как утром мне позвонили, о разговоре с бандитами и их визите ко мне на дом.

— Пришлось рассказать им все, что знаю, — соврал я, показывая на собственное лицо. — Они собрались и уехали. Пнув пару раз ногами меня напоследок.

— Хорошо, — кивнул он. — В чем наша задача? Думаешь, вернутся?

— Могут, — пожал плечами я. — Но это не главное. Я хотел бы найти девушку. И помочь ей.

Дмитрий внимательно оглядел меня. Что-то странное мелькнуло в его взгляде. Сочувствие?

— Девушка — падчерица Моргунова? — уточнил он.

— Вероятно, — кивнул я.

— Хорошо, — снова сказал он. — Давай сформулируем точно мою задачу, — он достал из кармана небольшой блокнот с закрепленной на нем маленькой ручкой. — Первое, я должен найти девушку. Лику Строганову. Фото которой изображено в том самом аккаунте фейсбука, который ты нашел. Так?

— Так, — кивнул я.

— Второе. На время поисков, я должен обеспечить твою безопасность и безопасность твоей дочери и бывшей жены. Так?

— Так, — снова согласился я.

— Третий момент, — продолжил он и вдруг замолчал. Подошел официант и поставил перед ним запотевший бокал с мутным светло-янтарным пивом. Кивком поблагодарив, Гордеев отпил глоток и удовлетворенно кивнул головой. Когда официант отошел, он продолжил, — я должен помочь девушке выпутаться из тех неприятностей, в которые она попала. Так.

Я кивнул.

— Я возьмусь за первые два пункта, — ответил он, глядя на мне в глаза. — Третий же мы обсудим, когда Лика будет найдена. Мы же не знаем сейчас, в чем ее проблема, верно?

— Да, не знаем, — кивнул я. — Меня это устраивает.

— Отлично, — Дмитрий пригубил еще пива. — Стоимость услуги составит пять тысяч евро плюс накладные расходы. Срок — две недели. Если за это время девушку найти не удастся, будем обсуждать условия дальше. Договор оформлю сегодня, аванс — тысяча. Устраивает?

— Да, — кивнул я. — Только хотелось бы, чтоб к работе ты приступил прямо сейчас.

— Хорошо. Тогда аванс тоже сейчас, — Гордеев вопросительно взглянул на меня.

— Без проблем, — кивнул я, доставая из кармана деньги. Отсчитав пять желтых двухсотевровых бумажек, я положил их на стол, поближе к моему собеседнику. — Держи. Что мне делать?

— Прежде всего, ты должен прямо сейчас отправиться в гостиницу, — он аккуратно положил деньги внутрь бумажника и вернул его во внутренний карман куртки.

— И?

— И поселиться там. На две недели. Это раз. Второе — бывшую жену и ребенка...

Я слушал и медленно «выпадал в осадок». Оказывается, обеспечить безопасность стоит сумасшедших денег. Дмитрий говорил негромко, делая паузу, когда кто-то проходил мимо нашего столика. Когда он закончил, я несколько минут молча переваривал услышанное.

— Мне надо вернуться домой, и кое-что забрать. Иначе я просто расплатиться с тобой не смогу, — сообщил я, пытаюсь сообразить, как мне реализовать свои задумки и одновременно выполнить все, что посоветовал Гордеев.

— Хорошо, — кивнул он, подумав. — Мы это сделаем. Но только правильно. После того, как заселишься в гостиницу, позвонишь мне.

— А телефоном пользоваться разве безопасно?

— Телефон прослушать бандиты не смогут, — покачал головой Гордеев. — Для этого нужно постановление суда и официальный запрос от госструктур. Даже если Моргунов в принципе сможет это организовать, за две недели такого не сделать.

— А если его падчерицу ищут официально?

— Сомнительно. Тогда тебя бы сначала вызвали в полицию, — Дмитрий допил пиво и поставил на стол пустой бокал. — А какое второе дело у тебя?

— Второе, — я вздохнул, пытаясь сообразить, что стоит рассказывать, а что нет.

Гордеев молча смотрел на меня.

— В общем, мы сделали одно открытие. Очень... интересное. Которое может дать... много чего. Я бы хотел организовать, — я задумался на секунду, — некую фирму, с помощью которой можно получить профит от открытия. Мне нужно обеспечить безопасность такой... структуры. Ото всех.

— Я понял, достаточно, — Дима кивнул, оглядевшись по сторонам. — Это мы с тобой обсудим не здесь. И немного позже. А сейчас работаем по плану. Вот тебе ключи от машины, давай сюда свои, — мы обменялись ключами и документами. — Вот адрес гостиницы. Как только заселишься, звони — поедem к тебе на квартиру. А я пока поставлю твою машину на стоянку.

— Окей, — я встал и двинулся к выходу. Все это было очень похоже на шпионские игры, но на душе стало как-то спокойнее. Гордеев оказался профессионалом, Семеныч не соврал.

Машина, оставленная Дмитрием, оказалась подержанным «гольфом». Стояла она тоже на Набережной, но на другой стоянке, как раз недалеко от того места, где недавно произошел теракт. Вал, по которому шли железнодорожные пути, был огорожен временным заграждением, возле которого лежало огромное количество цветов и горящих свечек. Сверху, на путях, еще стояли несколько обгоревших цистерн. Однако улица «13-го января», как и Набережная под железнодорожным мостом уже были открыты для движения.

От места пахло смертью. Не знаю, как еще это описать. Нечто подобное я почувствовал когда-то в Праге. Там выдалось мне посетить музей пыток и казней. Конечно, все демонстрируемые приспособления были новоделками. За одним исключением — старая престарая деревянная колода, которая, если верить табличке, реально служила плахой. Дерево было пропитано окаменевшей красно-бурой массой, которая, конечно, ничем не пахла. Но ощущение от колоды шло... Вот и здесь, через дорогу, от сгоревших вагонов я чувствовал тоже самое. Горе, боль и смерть.

Покачав головой, я сел в машину, отозвавшуюся на брелок сигнализации, и отрегулировал под себя сидение. Тронувшись с места, с некоторым удивлением отметил, что двигатель хорош — машина рванула так, что меня вжало в сидение, словно в самолете. Хитрая машина оказалась, даром что выглядит непритязательно.

Отель, в который меня отправил «специалист по безопасности» находился в районе аэропорта. Поток машин уже схлынул с улиц, поэтому я довольно свободно вырулил на Вантовый мост и, спустя десять минут, уже крутился на виадуках юрмальского шоссе. Наконец, найдя нужный съезд, подкатил к зданию.

Четырехзвездочная гостиница «Мара» выглядела не очень большой, но довольно уютной. Поставив машину на свободном месте рядом со входом, я вошел внутрь и направился к стойке ресепшена. Симпатичная блондинка с короткой стрижкой дежурно

улыбнулась мне. Ничего такая. Явно латышка, характерный тип лица.

— Свейки, — поздоровался я, улыбнувшись в ответ. — Я хотел бы увидеть Мáриса^[20].

— Лабвакар^[21], — кивнула она мне и показала на дверь с табличкой «только для персонала». — Сюда, пожалуйста.

Зайдя в указанную дверь, я оказался в небольшой комнате, одна из стен которой целиком состояла из мониторов. Перед экранами сидел здоровый и лысый мужик, чем-то отдаленно напоминавший мне Быка. Я аж внутренне передернулся. В стороне, за другим столом, перед ноутбуком расположился длинноволосый тип в черном костюме и при галстукe. Типичный такой программист — музыкант.

— Марис, это к тебе, — сказала девушка, кивнув на длинноволосого. Тот встал из-за стола, повернувшись ко мне.

— Я от Гордеева, — протянул я ему руку.

— О, привет, — пожал он протянутую ладонь. — Надолго?

— На две недели как минимум, — ответил я.

— Илзе, оформи парню номер на две недели, — обратился он к девушке. — Тот, с двумя выходами. И смену предупреди.

— На какое имя? — Спросила она.

Марис посмотрел на меня.

— Меня тут нет, — хмыкнул я.

— Его тут нет, — повторил он. — Предупреди всех.

— Хорошо, — кивнула Илзе. — Пойдемте, я дам вам ключ...

Глава десятая. Магия золота

Все-таки золото имеет какие-то магические свойства. Притащив чемодан в гостиницу, я высыпал монеты на кровать и уже минут пятнадцать любовался своим богатством. Нет, конечно, сделал я это не для того, чтобы насладиться видом своих сокровищ. Просто мой новый знакомый заразил меня продуманным отношением к безопасности, поэтому я включил мозги и немного поломал голову над двумя вопросами — как сделать червонцы хоть чуточку непохожими друг на друга и как перевести все это добро в деньги.

Элементарная на первый взгляд задача была на самом деле не такой уж простой — монеты проверяют, открывают коробки, рассматривают и закладывают в анализатор. И их одинаковость может навести работников золотообменных контор на ненужные для меня мысли. Чтобы расплатиться с Дмитрием и реализовать задуманный проект, мне уже на первых порах потребуется тысяч пятьдесят, а это значит, что придется продать больше сотни монет. Конечно, обмен нельзя было проводить в одной кассе. И не только потому, что сделка свыше десяти тысяч должна быть персонализирована, то есть, потребовались бы мои документы, и информация ушла бы в налоговые органы. Нет, поймите правильно, я не против заплатить налоги, но как я объясню происхождение монет?

Но дело даже не в этом. А в том, что в нашей, так сказать, цивилизованной европейской стране запросто найдутся жулики, которые смогут отследить меня по записям камер видеонаблюдения, стоявших в каждом обменнике. Тогда придется подключать Диму и к этой задаче, а я ему, все-таки, до конца еще не доверял.

Подумав, я отсчитал полторы сотни червонцев и, убрав остальные в сейф, стоящий в шкафу, принялся открывать пластиковые коробки. Потом сгрузил монеты в раковину и стал медленно их перемешивать. Золото — мягкий металл, поэтому уже спустя несколько минут на монетах можно было разглядеть свежие царапины. Около часа мне потребовалось на то, чтобы помыть, высушить и упаковать червонцы обратно. Затем, сложив часть в сейф, а часть в специально купленную поясную сумочку, я сел за планшет и принялся искать адреса фирм, принимающих инвестиционные металлы.

Таких фирм в Риге оказалось четыре и, в общей сложности я насчитал девять точек, где можно было бы сбыть монеты. Маловато, но что делать... Загнав адреса в память телефона, я пристегнул кобуру, поч с запасным магазином и, окинув напоследок номер взглядом, вышел за дверь. Сегодня на ресепшене дежурил незнакомый молодой парень, которому я просто кивнул, выходя из отеля. На улице было тепло и солнечно. Ну да, тридцатое апреля как-никак.

Сев в «гольф», я надел кепку и темные очки, скрывающие мои пожелтевшие фингалы, и набрал Дмитрия.

— Слушаю, — ответил он после второго гудка вполне бодрым голосом. Ночью мы вместе ездили ко мне на квартиру за вещами, и я не исключал того, что он может еще спать.

— Выезжаю, покатаюсь по городу, — сообщил я, как мы и договаривались. Отлучаясь из гостиницы, я должен был сообщить об этом. Исчезни я из отеля без предупреждения, он бы уже подключил свою кавалерию — на мне был джи-пи-эс датчик, показывающий мое местоположение.

— Надолго? — спросил он.

— Часа на три-четыре, — прикинул я.

— Понял. Если что, сразу звони.

— Конечно, — кивнул я, отключаясь и заводя двигатель.

— ...мобилизованные подразделения Земессардзе^[22] переведены в состояние повышенной готовности, — сообщило радио. — Премьер-министр обратился к общественным организациям с призывом не проводить мероприятий, намеченных на девятое мая в связи с обострением внутривнутриполитической обстановки и повышенной террористической опасностью...

Несмотря на предпраздничный день, машин в Риге было немного, и я довольно быстро объездил первые пять точек. Знакомый мне «Аурумекс» и еще одна контора — их кассы тоже находились в больших торговых центрах — делали проверку монет на месте и платили сразу и без вопросов. А вот в шестой я нарвался на проблемы.

Меняльная фирма располагалась аж в Саркандаугаве^[23]. Навигатор завел меня черти куда, поэтому я его просто выключил и приткнул машину рядом с каким-то магазином. Район я знал неплохо и примерно представлял, где находится адрес, указанный на сайте — пешком до него добираться оказалось удобнее. Когда впереди показался искомый дом, я уже всерьез засомневался, что мне стоит в него заходить. Деревянный и двухэтажный, постройки начала прошлого века, он явно не выглядел местом, в котором могла бы находиться фирма для обмена инвестиционного золота. Но, тем не менее, она там была: вывеска «Currency and

gold exchange» недвусмысленно об этом говорила. Я некоторое время поколебался, но потом вспомнил, что наменять нужное количество денег итак сложно, поморщился и толкнул пошарпанную деревянную дверь. Темный коридор вывел меня в небольшую комнату, где и находилось окно обмена. Внешне оно напомнило мне железнодорожные кассы перестроечного периода — я тогда был маленьким, но огромные окна с небольшим полукруглым отверстием в нижней части почему-то запомнились очень хорошо. Рядом с окном, за небольшим столиком разместился охранник в форме, который был настолько занят распахиванием шариков на экране планшета, что даже не взглянул на меня.

В кассе никого не было. В помещении никаких видимых камер, только голые крашенные стены. Лишь между окнами, выводящими во двор, висела небольшая, распечатанная на принтере табличка с курсом валюты и стоимостью драгметаллов. Ну, собственно, мне пашечки не нужны, главное — доехать.

— Слышишь, уважаемый, — попытался я оторвать парня от увлекательного занятия. — А кассир где?

— Сейчас придет, подожди немного, — он даже не взглянул на меня. Нормально!

Ждать пришлось минут пять. Я уже собрался было плюнуть и уйти, когда за стеклом скрипнула дверь и в небольшую каморку вошла женщина гигантских размеров. Вероятно, она только что закончила обедать, поскольку жевала на ходу, вследствие чего ее большие щеки раздувались, напоминая пузыри квакающей жабы.

— Лудзу^[24], - невнятно сказала она, дожевывая.

— Я бы хотел продать несколько золотых монет, — сообщил я ей, едва она уселась. Слова «золотые монеты» как-то ощутимо поменяли атмосферу помещения. Охранник вдруг перестал играть и, положив планшет на столик, пристально посмотрел на меня.

— Покажите, — прожевав и проглотив то, что было во рту, тетка уставилась на меня масляно поблескивающими глазами. Расстегнув сумку, я выложи на стойку шесть монет. Больше не стоит, шепнул мне внутренний голос. Дай бог, чтоб они за эти деньги отдали. Протянув руку, тетка сгребла монеты к себе и стала их рассматривать. Потом подняла на меня взгляд и, неприятно сморщившись, изрекла: — Мы их проверим, приходите через два дня за деньгами.

— Это меня не устраивает, — покачал головой я, заметив, как охранник встал и загородил собой входную дверь. — Верните монеты.

— Да, пожалуйста, — тетка выложила обратно на стойку все шесть коробочек. Не знаю, что меня зацепило — может свет так падал или я посмотрел под странным углом — но один из пластиковых футляров показался мне голубоватым. Взяв его в руки, я присмотрелся внимательно. Блин, монета точно не была моей. У всех скопированных червонцев присутствовала небольшая царапина рядом с левой головой орла. На этой не было.

— Это не моя монета, — я вернул голубоватую коробочку на стойку.

— Это еще что за новости? — Повысила голос тетка. — Забирай и уходи, а то сейчас полицию вызову.

— Я сам вызову, — пообещал я ей, чувствуя, как адреналин хлынул в кровь.

— У тебя чего, проблемы? — Хмыкнул от двери охранник, доставая дубинку, закрепленную на поясе.

Млять, выругался я про себя, вытягивая пистолет и досылая патрон в патронник. Третий трабл за неделю, что ж такое то, а? Лицо охранника посмурнело, а тетка вдруг застыла, приоткрыв рот.

— Мою монету на стойку, — рыкнул я, направляя ствол то на охранника, то на тетку. — И советую поторопиться, спуск очень легкий, а я нервничаю, вдруг палец дернется?

— Да подавись! — Взвизгнула тетка, выкладывая на стойку коробочку.

— А ты сядь, орел, — посоветовал я парню, показывая глазами на столик, за которым он сидел пару минут назад. — И дубинку на пол кинь.

— Да ладно, ладно, — закивал он, опуская сидалище на стул. Стек с глухим звуком упал на деревянный пол.

Забрав свои монеты и положив их в сумку, я попятился к двери, не спуская глаз с охранника.

— Ждите в гости полицию, — мстительно сообщил я им, выходя за дверь. Слава богу, ни в коридоре, ни возле входной двери никого не было. Сунув пистолет в кобуру, я трусцой побежал к машине.

Так дело не пойдет, думал я, двигаясь к гостинице. Придется к обмену подключать Дмитрия, не хватало нарваться на что-нибудь похуже. Какой же я все-таки лох, размышлял я, лавируя между машинами. Всю жизнь жил в безопасном мире интеллигентных людей: школа, университет, потом три года в бизнесе и НИИ. Все это время о мошенниках, криминальных авторитетах и бандитах лишь читал в новостях. Зарплата на счет в банке, вся жизнь официальная и правильная...

— ... как сообщил мэр Риги Владислав Нахимов, в связи с повышенной террористической опасностью, некоторые праздничные мероприятия четвертого мая будут отменены, — пробормотало радио, едва только стоило повернуть ключ в замке. — Для обеспечения безопасности в столице будут привлекаться подразделения Земессардзе...

Посидев немного и подумав, я тронулся с места, одновременно вытащив трубку телефона.

— Алло, — ответила Ольга буквально на втором гудке.

— Привет. Как дела? — Поинтересовался я.

— Пока не родила, — огрызнулась она. — Я могу домой вернуться?

— Не можешь, — покачал головой я, притормозив на перекрестке. — Ты на курорт едешь. Завтра. С Дашей. В Турцию.

— Чего? — Хмыкнула она. — Тебя что, по голове ударили?

— Закрой рот и слушай, — грубо оборвал я ее. Настроение было паршивым и совершенно не было желания выслушивать ее нападки. — Я попал в серьезные неприятности. Поэтому, завтра в восемь утра за тобой и Дашей заедет человек. И отвезет в аэропорт. Отдохнете пару недель в Турции, в хорошем отеле. Все включено и оплачено. Денег он тебе привезет. Поняла?

— Все так серьезно? — Каким-то не своим голосом спросила она.

— Серьезней некуда, — буркнул я. — Никому не сообщай где ты, даже Свете и родителям. Доступно объяснил?

— Да, — пробормотала она. — А что мне с работой делать?

— Отпуск за свой счет возьми.

— Хорошо, — необычно покорно согласилась она.

— Все пока, Дашку береги! — Я отключил связь и набрал Данилу.

— Привет, Даня, — поздоровался я, когда он поднял трубу.

— О, здорово, шеф, — обрадовался он.

— Как обстановка?

— Раугс рвет и мечет, — понизив голос, хмыкнул он. — Видимо, хотел наложить лапу на установку, а от нее рожки да ножки остались...

— А директор что?

— Директор молчит. Передал тебе пожелания скорейшего выздоровления. И Дайга спрашивала, может приехать, помочь чего? — Ухмыльнулся он.

— Вот Дайги мне сейчас и не хватает, — усмеялся я. — Завтра очень занят?

— Завтра выходной, вообще-то, — просветил он меня.

— Завтра день труда, первого мая, — фыркнул я. — Поэтому, отметим его ударным субботником, — и добавил любимую присказку моего деда, — Отдохнем, когда сдохнем.

— Да ты что, шеф, — возмутился он. — Меня жена с потрохами сожрет. Четыре дня выходных, мы в деревню собрались!

У родителей его жены был хутор под Сигулдой. Красивое место, я как-то заезжал туда, когда у Данилы сломалась машина.

— А ты ей внятно разъясни, — посоветовал я, переходя на серьезный тон, — что ты остался без проекта, а тут как раз работа подвернулась. Завтра надолго тебя не займу, только поговорим, а потом поедешь в свою деревню аж до пятого.

— Понял, — вздохнул он. — Анцис тоже нужен?

— Да. И дяде Феде передай — если хочет работать, чтоб завтра с утра был трезв как стекло. Я вас троих жду в Рига Плазе, в кафе на втором этаже. В одиннадцать. И никому больше ни слова.

— Чо, совсем никому?

— Именно. Совсем.

Глава одиннадцатая. Рождение Структуры

Рига Плаза — один из крупнейших торговых центров Риги, где помимо магазинов, находится еще кинотеатр на несколько залов, боулинг и пару-тройку неплохих ресторанчиков. Но самое главное, что расположен он недалеко от центра, и при этом к нему можно было удобно подъехать и поставить машину на бесплатной стоянке, где всегда были свободные места. Рядом со входом в кинотеатр находился большой зал, заполненный столиками, стульями и удобными креслами, на которых можно было разместиться даже большими компаниями. Этим многие пользовались, организуя здесь различные деловые и полуделовые встречи, тем более, что по периметру тянулись маленькие кафешки с неплохой едой и напитками.

Дмитрия я заметил, едва он появился в дверях. При всем своем высоком росте, он как-то умудрялся не выделяться из толпы. Сложно сказать, что так маскировало его: одежда, движения, выражение лица или все вместе. Сомневаюсь, что этому можно научиться. Скорее, таким надо родиться. В руках он нес небольшую, но пузатую папку, которую, подойдя к столику, аккуратно на него положил. Я привстал, пожимая протянутую ладонь.

— Привет, — сказал он, усаживаясь напротив. — Сколько у нас времени до того, как

ребята подойдут?

— Полчаса, не больше, — ответил я, делая глоток кофе из большой белой чашки. Что-то, а уж кофе здесь варили сказочный.

— Тогда, сразу к делу, — продолжил он, открывая папку и передавая мне плотный бумажный пакет. — Тридцать штук. Как договаривались, взял себе пять процентов.

— Отлично, — обрадовался я и, не пересчитывая, засунул деньги в борсетку. — Как все прошло?

— Как по маслу, — хмыкнул он. — Та контора в Саркандаугаве, куда ты сунулся — известное место. Самое интересное, как полиция ни пыталась, никто не мог взять их с полочным. Вероятно, у ребят кто-то прикормлен в органах. Работают четко, но с тобой нарвались, да, — он удовлетворенно хмыкнул. — Чего ты к ним полез? Не мог сразу мне сказать?

— Да дурак потому что, — пожал плечами я. — Привык на себя все время рассчитывать.

— Ладно, если еще соберешься менять, говори сразу, — кивнул он, оглядевшись вокруг. — Ольгу с девочкой на самолет посадил и проинструктировал. Кстати, по дороге в аэропорт за нами пытались проследить...

— Кто? — встрепенулся я.

— Пока не знаю, но выясню, — покачал головой Дмитрий. — Зацепились за сразу в Вецаках, но как-то непрофессионально. Удалось достаточно легко оторваться. Так что к Свете этой без меня не суйся. Не переживай, в Турции их не найдут.

— Точно?

— Ага, — уверенно подтвердил он, прочитав беспокойство на моем лице. — Там за ними присмотрят.

— Не сомневаюсь, — хмыкнул я, вспомнив, во сколько мне обошлась эта поездка. Кроме номера для Ольги и Даши, пришлось оплачивать еще и телохранителя.

— Теперь, касаясь Лики. Ты знал, что ей всего лишь семнадцать? — Он посмотрел на меня, прищурив глаза.

Я отрицательно покачал головой.

— Исполнилось две недели назад. Несовершеннолетняя, короче, имей ввиду. Там с ней интересные дела вырисовываются. Мать девушки погибла во время теракта — на автовокзале. Что она там делала — непонятно, обычно жены миллионеров на автобусах не катаются, — он достал из кармана свой блокнотик и открыл на странице, которая вся была исписана мелким почерком. — Девушка исчезла из дома Моргунова, где она жила и была прописана в день смерти матери. А следующей ночью ты ее подобрал на Гребенщикова. Странно, что она так уверенно говорила о том, что ее мама погибла — труп сильно обгорел, генетическая экспертиза была готова только вчера вечером. И да, Моргунов падчерицу сильно ищет — работает как «Ригас сарги», так и две наемные конторы.

— В полицию он не сообщал? — уточнил я, отпив еще глоточек.

— По моим данным, нет, — покачал головой Гордеев, что-то подчеркнув в своей книжечке. — Что, кстати, тоже странно. Так же прошла информация, что в ходе поисков на «Саргов» кто-то наехал. Причем по серьезному, сожгли машину, люди пропали. И про это в полиции тоже не знают. Но подробностей пока нет...

Я постарался внешне никак не отреагировать, но внутри все заледенело. Блин, надо срочно в квартире ремонт делать, если меня вычислят, остатки мозгов и дырки от пуль в

ламинате не смогут не найти. Сегодня же займусь поисками бригады.

— Короче, непонятные дела творятся, — хмыкнул «специалист по безопасности». — Где Лика никто ни сном, ни духом. Мне удалось выйти на компанию, которую ты тогда спугнул, на Гребенщикова. Оказывается, среди них был ее парень, — Дима взглянул на меня и, не заметив реакции, продолжил. — Именно он сдал тебя «саргам», запомнил номер твоей машины. Так на тебя и вышли. И, кстати, до сих пор ищут.

— Кто б сомневался, — пробормотал я. — Как ты это все узнал, да за один день?

— Какой день, вторые сутки пошли, — усмехнулся Дима. — Кстати, я возьму кофе? Этой ночью спал всего два часа.

Он направился к ближайшему кафе и вернулся он через несколько минут с большущей чашкой ароматного «эспрессо».

— Может, она у своего парня? — Мрачно спросил я.

— Нет, я проверил. И у подружек ее нет. Есть у нее одна, близкая, клянется, что ничего не знает. Я склонен ей поверить.

— Почему она не хочет домой? — Поинтересовался я.

— Есть информация, что у нее не слишком хорошие отношения с отчимом, — проговорил Дима, делая глоток. Я последовал его примеру. — Но больше пока ничего узнать не удалось.

Я вздохнул. Понятно, что ничего не понятно.

— И что теперь?

— Теперь продолжим работать, — пожал плечами Гордеев, очередной раз продемонстрировав морщинки вокруг глаз. — Это они? — Он кивнул на дверь, в которой показались Данила с Анцисом.

— Как ты узнал? — Удивленно спросил я.

— Дедукция, — усмехнулся он, приоткрывая папку, в которой лежали фотографии моих сотрудников. Я только рот открыл от удивления. Нет, мне точно бог послал этого человека!

— Привет, шеф, — поздоровался Данила, подходя к нам, с любопытством поглядывая на Дмитрия.

— Свейки, — протянул руку Анцис.

— Привет, — кивнул я. — Федор где?

— Обещал, что сейчас будет, — ответил Даня, усаживаясь рядом.

— Знакомьтесь, это Дмитрий, — сказал я, ради Каулиньша переходя на латышский. — Данила, Анцис, мои коллеги. Дмитрий — представитель инвестора, и будет отвечать за безопасность проекта и соблюдение секретности в нашем маленьком предприятии.

— Очень приятно, — кивнул Дима.

— Как-то очень слишком загадочно, — проворчал Анцис. — Может, расскажешь подробнее, чем мы будем заниматься, и кто инвестор?

— Меньше знаешь, лучше спишь, — усмехнулся я, передавая ребятам контракты, которые Дима минутоу назад достал из своей пузатой папки. — Кто инвестор вам знать необязательно. Главное работу сделать и оплату получить.

— Вот, по поводу работы, подробнее, — попросил Данила, вчитываясь в договор.

— Конечно, — кивнул я и изложил им наметки того, как я собирался организовать деятельность. Надо было торопиться, деньги утекали, словно вода сквозь пальцы, а у нас еще даже не было помещения, где мы будем строить генератор. — ... ну и в первую очередь нам надо сделать заново нашу установку. С некоторыми изменениями. И продолжить

эксперименты на ней.

— Что за изменения? — Спросил Каулиньш, посмотрев на меня.

— А вот, — я передал ему набросок чертежа, на который убил вчера весь вечер.

Ребята отложили контракты и чуть не разорвали чертеж пополам. Потом, посмотрев друг на друга, рассмеялись и, сдвинув стулья, уткнулись в бумагу.

— А это, часом, не наш гениальный слесарь? — Поинтересовался Дима, кивая на вход. Федор остановился в дверях, оглядывая пространство и, узрев наше местонахождение, быстрым шагом двинулся к нам.

— Именно, — подтвердил я, разглядывая Макарова. Пил вчера, да. Но сегодня вроде был трезв и зол. Пиджак не первой свежести, в котором он уже третий год ходит, включенные седые волосы... Я вздохнул.

— Привет, молодежь, — буркнул он, пожимая нам руки и усаживаясь на свободный стул.

— Здравствуй, дядя Федя, — кивнул я, двигаясь ближе к нему. Пока ребята рассматривали чертеж, я вполголоса посвятил его в суть моего предложения.

— А инструменты, станки? — Сразу спросил он.

— Все будет, — кивнул я. — Что-то пока можешь делать в институте, до конца мая тебя все равно никто не уволит. А за месяц мы многое закупим и установим.

— Ну что ж, выбора у меня все равно нет, верно? — Спросил он, пожимая плечами.

— Дядь Федь, — я посмотрел на него внимательно. — Давай мы тебя подошьем?

Макаров засопел и посмотрел на меня красными глазами, под которыми явственно выделялись темные мешки.

— Петя, я тебя подводил когда-нибудь? — Наконец спросил он.

— Не подводил, — кивнул я. — Но неделю, а то и две ждать приходилось. А тут частный инвестор, он ждать не будет... Или работаем по графику, или... — я провел рукой в сторону, демонстрируя, что мир велик.

Федор вздохнул, понуро опустив голову.

— Шеф, тут совсем другая конфигурация поля получается, — оторвался от чертежа Даня. — Зачем так, совсем неудобно будет снимать параметры...

— Сначала соберем, потом сами все поймете, — буркнул я. — Мне нужно ваше принципиальное согласие. Если да, работать начинаем пятого. Сутками и без выходных, — добавил я, усмехнувшись. Мол шутка, но в каждой шутке — и далее по тексту.

Данила просто взял договор, подписал и передал мне бумагу. Глаза его горели жаждой деятельности. Я его понимал. Деньги будут, работа любимая, ну и легальный повод пореже дома появляться. Жена и две дочки, да...

— А сколько можно подумать? — спросил Анцис.

— Пять минут, — отрезал я. Нерешительность и сомнения — одна из проблемных черт Каулиньша, с ней можно было бороться только так, ставя его в жесткие временные рамки. Демонстративно посмотрев на часы, я повернулся к Федору.

— Дядя Федя, ты договор возьми с собой, пусть дочка тебе все переведет, — произнес я, а Дмитрий протянул Макарову несколько скрепленных скобой степлера листочков. — А вечером позвони мне и скажи, согласен ты, или как. Но, предупреждаю сразу — ждать, пока ты из запоя выйдешь — не буду. Тут как сапер, ошибаешься один раз, извини... Ну а на подшивку могу денег прямо сейчас дать.

— Как можно в этом мире жить на сухую, — пробурчал Федор, складывая договор

пополам и засовывая в карман старого пиджака. Потом кинул мельком взгляд на Анциса и снова посмотрел на меня. — Посмотри, что творится вокруг!

— А вы не смотрите, Федор Палыч, — проговорил Гордеев, мягко улыбнувшись. — Займитесь работой, дочкой, внуками. Петр рассказывал, что вы рыбу ловите? Смотрите, что я вам покажу, — Дмитрий достал из папки глянцевого журнала, на обложке которого здоровый бородатый мужик держал за жабры двухметровую щуку. Спустя минуту они уже ожесточенно обсуждали новую модель спиннинга.

Покачав головой, я повернулся к Анцису и ожидающе уставился на него.

— Согласен, — вздохнул он, доставая авторучку. — А что за фирма такая, «Структура»?

— Это не фирма, — решил приоткрыть я часть своих задумок. — Это организация, состоящая из нескольких фирм. Которая будет внедрять в жизнь наше открытие.

— Странно это как-то все, — держа в руках ручку, хмыкнул Каулиньш.

— Зато денежно, — усмехнулся я, отсчитывая тысячу евро аванса Даниле. Не убирая пачку, я вопросительно посмотрел на Анциса. словно бандерлог под взглядом удава, тот расписался на каждом листе лежащего перед ним документа. Удовлетворенно кивнув, я отсчитал ему десять сотенных бумажек. — На этом все. Можете бежать, праздновать день труда.

— Когда и куда нам приезжать? — Спросил Анцис.

— Я вам позвоню.

— Можно, я это возьму, — спросил Даня, показывая на чертеж.

— Господа, я хотел бы кое-что прояснить, — вдруг отвлекся от разговора с Федором Гордеев, переходя латышский. Улыбающийся свойский человек исчез, а вместо него за столом появился этакий серьезный «представитель инвестора». — Если вы внимательно прочитали договор, то наверняка обратили внимание на пункт обеспечения секретности исследований. Никакие материалы не могут быть унесены домой. Так же вы не имеете права обсуждать свою деятельность ни с кем, кроме коллег, работающих с вами по той же теме. И это серьезно. Точнее, серьезней некуда.

Анцис с Данилой переглянулись. Потом нестройно кивнули, как-то быстро, неловко попрощались и двинулись к выходу.

— Ну и я пойду, пожалуй, если больше вопросов нет, — пробормотал Федор, пораженный преобразованием Дмитрия.

— Иди, дядя Федя, — кивнул я. — Вечером позвоню, будь в состоянии разговаривать, пожалуйста.

— Да что, я алкоголик, что ли? — Возмутился Макаров.

Я промолчал.

— Федор Палыч, журнальчик захватите, — обаятельно улыбнулся снова преобразившийся Гордеев. — Это я вам принес.

— О, спасибо, Дмитрий!

Когда спина Макарова исчезла за дверями, Дима повернулся ко мне всем корпусом.

— Он не подошьется. И будет пить. Хлебнем мы с ним еще неприятностей по самое немогу.

— Пока выбора нет, — вздохнул я. — Он в курсе дела и руки у него золотые. Будет готово помещение, будем искать кого-то еще.

У Гордеева зазвонил телефон.

— Слушаю, — ответил он. С минуту молча выслушивал то, что ему говорили. Потом

как-то странно взглянул на меня, продолжая молчать в трубку. — Я понял. Работай дальше.

Отключив телефон, он некоторое время не мигая смотрел мне в переносицу, да так, что я отвел взгляд.

— Петя, — наконец сказал он, покачав головой. — Я работаю на тебя. Не на Моргунова и не на полицию. Я в жизни не кинул ни одного своего клиента, спроси у Семеныча, если не веришь. Меня кидали, да. Но в моем деле репутация — самое важное. Если я сдам хотя бы одного, завтра буду сидеть на помойке, питаюсь отбросами.

— К чему ты это говоришь? — Спросил я, уже догадываясь, ЧТО он раскопал.

— Какого хрена ты усложняешь мне работу?

— Я?

— Угу, ты. Почему не рассказал сразу, что случилось с «саргами», которые на тебя наехали.

— А что с ними случилось? — Сыграл дурака я.

Дима покачал головой и открыв папку, выложил на стол все бумаги, что были внутри.

— Вот твое дело. С этой минуты я на тебя больше не работаю. Причина — недоверие. Твое. Счет я перешлю тебе завтра, по майлу.

— Подожди, Дим, — вздохнул я, придержав его за руку. — Что ты хочешь знать?

Несколько минут он внимательно смотрел мне в глаза, потом демонстративно выключил телефон и достал из него батарейку.

— Сделай, пожалуйста, то же самое, — попросил он.

— У меня не вытаскивается, — пожал плечами я.

— Тогда отнеси его в машину, а потом расскажешь мне все.

Я вздохнул, встал и двинулся в сторону выхода. Млять, когда же я перестану считать себя самым умным?

Глава двенадцатая. Театр

Звонок раздался, когда я настраивал новый ноутбук. Старый остался в институте, он был куплен на деньги европроекта, поэтому его сейчас, наверное, тщательно юзал Раугс, пытаясь раскопать крупницы информации о том, чем мы занимались в лаборатории. Пришлось для расчетов купить себе новый, последней модели, с мощным процессором и огромным количеством оперативки. Не знаю, как кого, а меня бесит новая техника: к старой ты привык, у тебя там все настройки сделаны так, как удобно. И программы нужные стоят. И ты вроде и рад новому девайсу, но как подумаешь, сколько всего надо установить и настроить, руки опускаются. У меня не все получалось, я уже третий час пытаюсь сделать, как мне удобно, а эта тупая система всячески сопротивлялась.

— Да! — Раздраженно рыкнул я, даже не посмотрев, кто звонит.

— Ты чего такой злой? — усмехнулся Гордеев.

— Да блин, новый комп достал уже, никак не могу настроить! — В сердцах высказался я, чуть не запустив мышью в стену гостиничного номера.

— Ну, тогда я могу предложить тебе занятие поинтересней, — в его интонациях появились нотки кота Матроскина. Так он обычно говорил, когда был чем-то доволен.

— А именно? — Поинтересовался я, замирая. Неужели нашел?

— Посетить театр, — хмыкнул он. — Поверь, не пожалеешь.

— Куда подъехать? — Спросил я, закрывая ноут.

— Подъезжай на Набережную. И подходи к Рижскому замку^[25].

— Буду через двадцать минут, — кивнул я, отключаясь.

Гуляния на четвертое мая отменили, но народу все равно было много. Мне понадобились дополнительно минут десять, чтобы найти, где поставить машину. Но к самому замку идти не пришлось, Дима встретил меня прямо на Набережной. Я его впервые видел в таком виде — грязные джинсы, какая-то замызганная рабочая куртка с логотипом строительной фирмы и кепка, натянутая почти на глаза.

— Одет ты не для театра, — хмыкнул я, с интересом рассматривая его.

— Зато ты вполне, — усмехнулся он ответ, окидывая меня взглядом. — Телефон в машине?

— Угу, — ответил я, подтверждая, что помню правила безопасности, которые он рассказал мне после того, как я признался в убийстве бандитов.

— Тогда слушай. Твоя Лика живет здесь недалеко, в мансарде одного из домов. Помещение снимает «Театр молодых актеров».

— Так, — губы сами собой растянулись в улыбке. — Что за театр такой?

— Я тут накопал, что девочка какое-то время занималась в театральном кружке. Ну и начал проверять связи. Так вот, когда-то из Театра русской драмы ушел один режиссер. И организовал кружок, который именно так и назвал. Они сняли помещение в «старушке» и начали ставить спектакли. Там, в мансарде маленький такой зал, человек на пятнадцать.

— И Лика там? — На меня вдруг напала какая-то несвойственная мне робость.

— Да, — кивнул Дима, показывая направление, куда идти. Живет там уже несколько дней. — Игорь, это их старший, разрешил ей разместиться в гримерке.

— А на что она живет? — Спросил я, поднимаясь по ступенькам к Англиканской церкви^[26].

— Ну, Петя, ты слишком много от меня хочешь, — хмыкнул он в ответ. — Иди у нее и спроси.

— Куда идти-то? — Поинтересовался я, оглядываясь по сторонам.

— А вот туда, — показал он мне на подъезд старинного дома. — На самый верх поднимайся, я тебя внизу жду. Только не очень там задерживайся, не один я такой умный.

— Хорошо, — кивнул я ему, открывая тяжелую деревянную дверь. Узкая лестница с низким потолком привела меня на четыре пролета вверх и уперлась в приоткрытую дверь, за которой была слышна музыка, похоже кто-то учился играть на флейте. Рядом с дверью стоял невысокий, бородатый парень в шортах и большой футболке с растянутым воротом. Опершись о стену, он курил папиросу, мечтательно глядя в потолок.

— Привет, — поздоровался я.

— Здорово, — оживился он. — Ты к кому?

— Мне Лика нужна, — ответил я, готовясь доказывать, что не сделаю ей ничего плохого.

— А, малая, — хмыкнул он. — Там она, в гримерке сидит, — махнул он рукой куда-то в сторону открытой двери. — Ты на представление приходи!

— Когда? — Спросил я, неожиданно заинтересовавшись.

— Завтра, — кивнул он. — У нас закрытие сезона, будет интересно.

— Попробую, — ответил я ему, заходя в квартиру. Пройдя по узкому, длинному коридору оказался в небольшом помещении с тремя дверями. Одна из них была приоткрыта, и я заглянул внутрь. В щель можно было увидеть относительно большую комнату, в которой стояла большая черная этажерка. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить — это место, где сидят зрители. Буквально в метре от самого нижнего ряда начиналась сцена, на которой парень и девушка в странной одежде крепили к стене нечто, вероятно, элементы декораций. Девушка сразу привлекла мое внимание, потому что была в купальнике и в большой соломенной шляпе. Что заставило ее так одеться или, вернее, раздеться, я не мог понять. Здесь было нежарко.

На левой двери висел стандартный символ, обозначающий удобства — два нуля. Резонно решив, что примерка может скрываться лишь за третьей дверью, я стукнул по ней костяшкой пальца и, подождав пару секунд, вошел.

Однако там оказался еще один коридор. Пройдя немного вперед, я заглянул в одну из открытых дверей и увидел Лику.

Девушка красила ногти на ногах. Она сидела на большущем диване, который, судя по всему, был ровесником моей бабушки. Кроме дивана, в комнате находился камин, сбоку от которого расположилось огромное трюмо. На столике, перед большим овальным зеркалом стояло какое-то невероятное количество баночек, кисточек, и бог знает, чего еще. Водрузив ногу на трюмо, Лика тщательно наносила ярко-зеленый лак на маленькие розовые ноготочки. В своем странном зеленом платье она была похожа на лесную фею.

Остановившись в дверях, я с интересом разглядывал ее. Почувствовав взгляд, девушка повернула голову в мою сторону.

— Привет, — поздоровался я.

— Ой, — смутилась Лика, опуская ногу и роняя кисточку на пол. — Ну вот, — расстроилась она, подняв ее и глядя, как на волоски налипли какие-то крошки. — Как ты меня нафол?

Забавный дефект речи, конечно, никуда не делся.

— Кто-то обещал меня дождаться, но сбежал, — усмехнулся я, любясь ею. — Разве я мог отпустить такую девушку, не поговорив?

Она встала и серьезно посмотрела на меня. Невысокая, едва мне по плечо, в несуразном полупрозрачном зеленом платье до колен и с покрашенными лишь на одной ноге ногтями... Настоящее чудо! Прислушавшись к себе, я вдруг понял, что предложи мне кто-то материализовать здесь, на ее месте любую сногшибательную красотку из Голливуда, я бы отказался.

— А я думала, что хорошо спряталась, — Лика вдруг опустила голову и ссутулилась, будто на нее навалилась тяжелая ноша.

— Все зависит от желания найти, — ободряюще улыбнулся я, опираясь на косяк двери.

— Ты расскажешь ему? — Спросила она, подняв на меня глаза, от выражения которых я передернулся. Обреченность, страх и что-то еще, что я затруднился расшифровать.

— Что расскажу? Кому? — Опешил я, придавленный этим взглядом. И лишь черогео отчима?

Она в удивлении подняла брови. ez секунду сообразил и покачал головой. — Да ты что? Ты думаешь, я работаю на тв

— Зачем же ты тогда меня искал?

— Нравишься, потому что, — буркнул я, смутившись.

— Я? — Еще больше удивилась она. — Но... — девушка вдруг замолчала, наклонила голову на бок и принялась внимательно меня разглядывать. — Кто это тебя так? — Спросила она спустя несколько секунд, проведя пальцем у себя под глазом. Желтизна от фингала начала спадать, но, все равно, было еще заметно.

— Бандитская пуля, — отшутился я.

— И что мы теперь будем делать? — спросила Лика, продолжая пристально изучать меня. Я, впрочем, в долгу не остался.

— Ну, для начала неплохо было бы закончить педикюр, — хмыкнул я. — А потом предлагаю пойти пообедать.

Девушка улыбнулась, посмотрев на свои босые ноги.

— А куда пойдём? — Спросила она, оторвав салфетку от большого рулона, стоявшего на столике и очищая кисточку. — Я вообще-то боюсь выходить, чтоб не встретить случайно кого не надо...

— В этом ходишь? — Усмехнулся я, показывая на шикарную шляпу с вуалью, висевшую на голом манекене, стоявшем в углу гримерки.

— Нет, это реквизит, — серьезно ответила она и только потом поняла, что я шучу, прыснув в ладошку. — Представляю себя в этом... Слушай, может ты меня подожди на лестнице, я переоденусь?

— Подожду, — согласился я. — А ты не исчезнешь?

— Разве что в трубу, — кивнув на камин, улыбнулась Лика, усаживаясь так, чтобы было удобно покрасить ногти на второй ноге. — Но я еще не ведьма, только учусь...

— Учись, — кивнул я, выходя в коридор. Давно у меня не было такого хорошего настроения. Да ты влюбился, констатировал внутренний голос. В малолетку. Пятнадцать лет разницы. — Да пошел ты, — пробормотал я себе под нос, выходя на лестницу. И нос к носу столкнулся с Гордеевым.

— «Сарги» здесь, — выдохнул он, вталкивая меня обратно и прикрывая за собой дверь. В его руке я заметил пэ-эм^[27] с удлинённым стволом и резьбой на конце. — Где девочка?

— Одевается, — ответил я, чувствуя прилив адреналина. — Что делать?

— Попробуем прорваться, — буркнул он, накручивая глушитель на ствол. Я достал «вальтер» и отправил патрон в патронник. — Не стоит, спрячь, — посоветовал Гордеев, прислушиваясь к шагам на лестнице. — Тебя сразу вычислят, ствол-то легальный. Тащи девчонку сюда, и будьте готовы бежать за мной.

Я рванул обратно. Рядом с дверью гримерки стоял бородач и что-то втолковывал девушке в шляпе и купальнике.

— Ребята, второй выход есть? — Быстро спросил я, приближаясь к ним.

— Нету, — ответил бородач, удивленно посмотрев на меня. — А что случилось?

— Бандиты за вашей малой пришли, — ответил я и инстинктивно втянул голову в плечи, услышав характерные хлопки. — Прячьтесь и молитесь, чтоб вас не нашли!

— О-йо, — высказался бородач, а голая девица в испуге отшатнулась от меня. Толкнув дверь гримерки, я влетел внутрь. Лика в испуге повернулась, продемонстрировав мне небольшую, но очень аппетитную грудь — она как раз одевала футболку.

— Извини, — быстро сказал я, осматриваясь в поисках ее обуви. На девушке были лишь джинсы. — «Сарги» здесь, надо быстро уходить.

К моему удивлению, Лика мгновенно сориентировалась, натянула майку и метнулась за трюмо, где стояли знакомые мне высокие ботинки. Обувшись и схватив висевшую за дверью куртку, она вопросительно взглянула на меня.

— Ну где вы там? — Послышался Димин крик.

— Пошли, — я схватил ее за руку и потащил за собой к выходу.

«Специалист по безопасности» стоял на лестничной клетке и прислушивался. На пол пролета ниже образовалась куча-мала из тел. Увидев нас, Гордеев сунул руку с пистолетом в карман и побежал по лестнице вниз.

— За мной!

— Блин, — простонала Лика, увидев трупы. Маленький ручеек из крови сбегал по ступенькам.

— Держись, — подхватив ее под локоть, я устремился за Годеевым, стараясь не наступить в кровь.

Перед дверью подъезда мы остановились.

— Скорее всего, здесь машина с водителем. Держи, — Дима протянул мне небольшой телефон «Just-5» с гарнитурой. Едва я нацепил наушники, он достал из кармана такой же и набрал номер. Мой телефон завибрировал. — Ответь.

Я нажал кнопку приема.

— Телефон не выключай, все время на связи. Как скажу «путь свободен», спокойно выходите из двери и прогулочным шагом гуляете до машины. Только там телефон отключишь и кинешь в речку, потом садитесь, едете до места-два и ждете меня. Вопросы?

Я покачал головой. Лика лишь испуганно шмыгнула носом, глядя на Диму огромными голубыми глазами. Кивнув нам, он вышел за дверь. Через некоторое время в наушнике послышался стук и голос Гордеева.

— Здорова, кореш! Не подсказешь, где здесь... — слова вдруг оборвались, послышалось какое-то хеканье и возня. — Путь свободен!

Взяв Лику за руку, я толкнул дверь и вышел на брусчатку Старой Риги. Рядом с подъездом стояла машина с логотипом «Ригас сарги». Водитель сидел с закрытыми глазами, откинувшись на спинку сидения. Рядом с открытым окном стоял Дима и, жестикулируя, говорил:

— Супруга Рабиновича на смертном одре признаётся: не могу унести эту тайну с собой в могилу. Знай же: Исаак — не твой сын!

Мы, не торопясь, прошли мимо и повернули в сторону Набережной. Народу на улице было довольно много.

— Чушь! От кого же он может быть?! — Доносилось из наушников. — От нашего конторщика Гиршфельда. Не верю ни одному твоему слову! Такой красавчик, как Гиршфельд, и такая лахудра, как ты...

— Что теперь будет? — Пробормотала Лика.

— Кушать поедем, — хмыкнул я, оглядываясь по сторонам.

— Я заплатила ему две тысячи баксов. И где же ты взяла столько денег? Из твоей кассы. Ну вот, я и говорю: Исаак — мой сын! — Послышался смех, потом Дима продолжил, — ну ты пока отдохни, я пойду, проверю, как там дела.

Отключив телефон, я незаметно выкинул его в воду и, подойдя к машине, открыл пассажирскую дверь, предложив девушке сесть внутрь. Кинув на меня взгляд, который я затруднился расшифровать, Лика последовала моему приглашению.

Глава тринадцатая. Любитель малолеток

Громкий «пик» будильника вытащил меня из сна. С трудом открыв глаза, я провел пальцем по экрану и сел на кровати, оглядываясь по сторонам. Теряешь квалификацию, Петя, усмехнулся внутренний голос. Вторую ночь проводишь с девушкой и опять в разных комнатах. Покосившись на закрытую дверь, за которой спала Лика, я хмыкнул и потопал в душ.

Поставив голову под прохладные струи, я снова прокрутил в голове вчерашний день. Еще три трупа на моей совести. Пусть и не собственноручно жал на спуск. Нельзя сказать, что я особо сокрушался о загубленных душах, скорее меня волновали последствия. Если концов первого убийства могли и не найти, то это побоище не могло не иметь последствий. В центре Риги, м-да. Дима так и не пришел на встречу, лишь позвонил с незнакомого номера и отправил нас в гостиницу. Сказал, что занимается уборкой...

Даже если в полицию никто не сообщит, Моргунов не отстанет, это и коню понятно. Не надо быть гением, чтобы сообразить — если, занимаясь поисками человека, пропадает вторая группа, кто-то начал противодействие. А Моргунов — кто угодно, но не дурак. Я кожей почувствовал, как уходит время. Рано или поздно, «сарги» меня найдут. Значит, к тому времени надо быть во всеоружии. Или меня просто закопают. Причем, живым. Отличная мотивация для работы!

Одевшись, я схватил со столика ключи, запихнул в сумку ноутбук, засунул в кобуру пистолет, предварительно проверив наличие патрона в патроннике. Правила правилами, но в слишком опасную игру я заигрался. Потом подошел к двери в соседнюю комнату и, постучав костяшками пальцев, приоткрыл ее и заглянул внутрь.

Девушка спала на большой кровати. Волосы разметались по подушке, лицо было спокойным и умиротворенным. Маленькая ножка с зелеными ногтями выглядывала из-под одеяла. С трудом подавив естественные мужские желания, я подошел ближе и наклонился над ней, коснувшись плеча. Жалко было будить, но я обещал. Лика что-то промычала и приоткрыла правый глаз.

— Доброе утро, Рыжик, — сообщил я ей, и, не удержавшись, осторожно убрал с ее лба черную прядь. Она с трудом открыла второй глаз.

— М?

— Я на работу. Проснешься, не забудь позавтракать. Потом запишись в номере и жди меня, договорились?

— Хорошо, — пробормотала она. — А когда ты придешь?

— Как пойдет. Попробую не задерживаться.

— Ладно, — кивнула она и обняв подушку, закрыла глаза. — Хорошего тебя дня!

— И тебе того же килограмм, — усмехнулся я, собрав всю свою волю в кулак. Надо идти. Закопают живым, напомнил я себе.

С утра было свежо — «гольф», стоявший на гостиничной стоянке покрылся мелкими

капельками росы. Солнце уже поднялось из-за горизонта, но со стороны моря ощутимо тянуло прохладой. Заведя машину, я вытер стекла тряпкой и уселся за руль, ожидая, пока двигатель немного прогреется. Найдя на приемнике приятную музыку, я откинулся на спинку сидения, вспоминая вчерашний рассказ девушки...

Настоящего своего отца она не знала. Мать на эту тему распространялась весьма туманно, точно Лика была уверена лишь в том, что живет он где-то в России. А они, всю ее сознательную жизнь провели в Риге, проживая в одной большой квартире вместе с бабушкой. Не сказать, что богато, но и нужды особой не испытывали. Елена Строгонова в свое время с отличием окончила университет и нашла неплохую работу в банке. Там она и познакомилась с Моргуновым.

— Нам показалось, что жизнь превратилась в сказку, — рассказывала мне Лика, уплетая мороженое. Мы сидели в Макдональдсе, в «Спице»^[28] — именно это место Дима и определил, как «второе». — Он задаривал нас подарками, мать каждый день приходила домой с цветами. В выходные возил по ресторанам, на яхте катал. Мама влюбилась, конечно. Ну а через полгода он сделал ей предложение, — Лика отодвинула в сторону первый, уже пустой стаканчик.

— Мать согласилась? — скорее утвердительно, чем вопросительно пробормотал я.

— Угу, конечно, — кивнула она, придвигая к себе вторую порцию. Сильно перенерничав, девочка заказала аж четыре штуки. Хмыкнув, я только пожал плечами — каждый борется со стрессом по-своему. — Он такое шоу сделал, кто бы отказался? Нанял музыкантов, они мать прямо у входа в банк поймали и серенаду пели. И тут он на белом коне, реально! Меня и бабушку он заранее пригласил на это представление, — Лика поковыряла палочкой в стаканчике и вдруг сдвинула его в сторону. — Нет, не могу. Извини, что я столько заказала...

— Да ладно, — усмехнулся я, придвигая мороженое к себе.

— Ну вот, — продолжила она. — Конечно, мама согласилась. Свадьба была шикарная, — девушка вздохнула. — Торжественная часть прошла в Опере, а потом мы все улетели в Монако на целый месяц. Классно было, чего уж там. Мама бросила работу, мы переехали к нему, у него дом в Межапарке^[29]. Пару лет жили неплохо, я перешла в престижную школу, и все вроде было хорошо. А потом умерла бабушка. Ну и после этого началось...

— Что именно? — уточнил я, облизывая ложку.

— Он начал ко мне приставать, — Лика сморщилась и опустила глаза. Несколько секунд молчала, потом будто бы собралась с силами и продолжила. — Сначала я думала, что это случайность — ну то он меня подхватит, то поддержит. То в ванну зайдет, когда я там... — Она вдруг шмыгнула носом и глухо продолжила. — Потом однажды мама попала в больницу, а он напился... Ну и предложил мне стать его любовницей. Знаешь, он ведь такой резкий, властный. Я растерялась, не зная, что сказать, а он руки распустил, — девушка вдруг замолчала и уставилась в одну точку.

— И что дальше было? — Спросил я, непроизвольно нащупывая локтем рукоять «вальтера».

— Мне удалось вырваться, — продолжила она, мотнув головой, будто отгоняя воспоминания. — Выбежала на улицу, спряталась за беседкой. Он ходил по двору, звал меня, ругался... Потом вдруг сказал громко, что, если я матери проболтаюсь, он нас обоих убьет.

Видно было, что ей тяжело вспоминать. Сморгнув с ресницы слезинку, Лика вытерла

щеку и посмотрела на меня.

— У меня тушь потекла, да?

Я покачал головой и взял ее за руку, а она вдруг уцепилась в нее, словно утопающая. Помолчала минуту, потом отпустила мою ладонь, придвинула стаканчик, съела две ложечки и продолжила.

— Мне Костя помог, охранник. Я просидела у него в караулке, пока отчим не заснул. Потом пробралась в свою комнату, забаррикадировалась и переночевала как-то. Ну а наутро сбежала из дома. После школы поехала в больницу и упростила врача остаться у мамы в палате. Так и вернулись домой вместе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Маме рассказала?

— Нет, — она покачала головой. — Это не были пустые угрозы, он потом трезвый позвонил мне и подтвердил... Ну, вообще, я испугалась и не сказала ничего.

— А потом что было? — Спросил я, допивая кофе.

— Петь, пойдем, покурим, — вдруг попросила она. — Очень хочется...

— Пойдем, — кивнул я. Сам не курил, еще в студенческие годы желудок мне однозначно сообщил, что он против этой пагубной привычки. Но к дыму относился спокойно, как и к курящим. Мы вышли на улицу и сели на лавочку. Девушка достала пачку «Вог» и вытащила длинную и тонкую сигарету. Несколько раз затянулась, потом с некоторым вызовом посмотрела на меня.

— Осуждаешь?

— Ни капли, — покачал головой я. — Каждый волен распоряжаться своим здоровьем как пожелает.

— Надо же, — она покачала головой. — Вот и мама мне так говорила: ты, Рыжик, уже большая, чтобы самой решать, чем себя травить.

— Почему «Рыжик»? — поинтересовался я, внимательно оглядывая ее. Рыжего сейчас в ней не было ничего.

— Лет в восемь мы с подружкой бесились и сдуру покрасили волосы в рыжий цвет. У подружки мать парикмахером работала, каких только красок у нее не было... А цвет такой был ядовитый и очень стойкий, — она улыбнулась и озорно взглянула на меня, стряхивая пепел в мусорник. — Вот с тех пор мама меня так и прозвала.

Помолчали.

— Последние полгода превратились в ад, — без перехода продолжила Лика. — Отчим всячески доставал меня. Втихаря, за спиной у матери. У меня... — Она вдруг сбилась, замолчала, но потом собралась и продолжила, глядя куда-то вдаль, — у меня парень был. Леша его звали... То есть зовут. Мы встречались. Моргунов, когда узнал, обозлился... Короче, Леша попал в больницу. Его избили, сильно. Потом, когда его выписали, он мне рассказал, что его предупредили. Короче, если он продолжит со мной встречаться, то больницей не отделается. Это было последней каплей. Ну, я и рассказала матери...

Сигарета в пальцах девушки задрожала, и она снова шмыгнула носом. Я придвинулся и осторожно обнял девушку за плечи. Некоторое время мы молча переживали — она свои воспоминания, я — рассказанную драму. Потом, достав из пачки вторую сигарету, Лика прикурила от ее первой, кинув бычок в мусорник.

— Поэтому она погибла? — Тихо спросил я.

— В какой-то степени да, — глухо проговорила она. — Сначала она не поверила.

Потом, когда я рассказала ей все в подробностях, решила проверить. Сказала Моргунову, что поедет к родственникам с ночевкой. А на самом деле, должна была вечером заявиться домой. Вызвала своего брата на помощь. И поехала встречать его на автовокзал...

— А тут теракт, — понимающе кивнул я.

— Да, — она снова глубоко затянулась и замолчала, глядя в одну точку. Потом, словно робот, заговорила, — вечером мама с дядей должны были внезапно приехать домой. Но вместо них приехала полиция. Отчима повезли на опознание. А я итак знала, что это она... Будь она жива — она меня бы не бросила с ним. Едва отчим уехал, я сбежала из дому, приехала к подруге. Моргунов позвонил ее матери, сказав, что я не в себе из-за смерти мамы и что он утром заедет. Но утром я опять сбежала. Весь день шлялась по городу. Деньги закончились, очень хотелось есть, — она вздохнула. — Я была в шоке, плохо представляла, где я и что со мной. Потом пошла к Лешке в общагу. Просто не к кому было идти. Там у него гулянка, с алкоголем, спайсами и даже с порошком. Я с горя накачалась всякой гадостью и плохо помню, что было. Очнулась у тебя в машине.

— Представляю, — покачал головой я. — Какой-то мужик везет куда-то...

— Ну да, — невесело хмыкнула она. — Решила, что ты такой же, как он... любитель малолеток. А ты взял и завалился спать, и чихать тебе было на меня, — Лика как-то нервно хихикнула. — Даже обидно стало. А потом утром у тебя проблемы начались. Я решила, что из-за меня, поэтому и не дождалась, извини...

— Да чего уж там, — махнул рукой я.

Вот как после такого рассказа я мог тащить ее в постель? Конечно, выпросил у Мариса двухкомнатный номер и переселился туда вместе с ней.

До квартиры Сотникова я доехал примерно за час, немного постояв в пробках по дороге. Данила уже ждал меня возле подъезда, с ноутом на плече. Я притормозил рядом, но коллега не обратил на «гольф» никакого внимания, видимо, ожидая «шкоду». И, вообще, похоже спал стоя. Я надавил на клаксон.

— О, привет, шеф, — удивлено пробормотал он, садясь в машину. — Тачку поменял?

— В ремонт свою отдал, — соврал я. — А эту взял у знакомого.

— Понятно, — кивнул он. — Что за помещение?

— Сейчас увидишь, — ответил я, выжимая педаль газа. — Домик нам сдают с правом выкупа. Советской постройки еще, но вроде как в хорошем состоянии. Четыре этажа, так что нам хватит.

— А где это? — Поинтересовался он, пристегиваясь.

— А вот сразу за Южным мостом, на Баускас, — ответил я, выруливая на Лубанас.

Через несколько минут мы уже съезжали с Южного моста. Я прижался вправо и, проехав мимо молочного комбината, повернул через кольцо на Баускас. Сразу за перекрестком, с правой стороны улицы стоял большой грязно-желтый и немного обшарпанный дом. Заехав на тротуар, я протиснул машину в приоткрытые ворота и остановился во дворе. Здесь нас уже встречали.

Высокий седоватый мужик, в солидном костюме и в расстегнутом плаще первым шагнул ко мне, и, улыбнувшись протянув руку. Уже несколько лет мы стреляли вместе на соревнованиях, поэтому, когда у меня возникла потребность в помещении, я сразу вспомнил про него: Каспар много лет работал маклером в солидной конторе по торговле недвижимостью.

— Спасибо, что согласился помочь, — кивнул я ему, пожимая ладонь.

Второго встречающего, парня моих лет, ниже Каспара на голову, толстого и подвижного мне пришлось основательно поискать. Звали его Сергей, а работал он прорабом в строительной фирме, которая несколько лет назад перестраивала нашу лабораторию. Искал я его специально, у парня был опыт в ремонте помещений, приспособленных для исследований, а там нюансов хватало. Лучше опытного поискать, чем потом перестраивать.

— Готовы смотреть? — Спросил Каспар.

— Мы как пионеры, — усмехнулся я, хотя красного галстука никогда не носил.

— Тогда прошу, — Каспар достал из кармана ключи и, подобрав нужный, открыл замок. — Лудзу, — оттянув створку, он пропустил меня вперед.

В нос ударил затхлый запах неиспользуемого помещения. Несмотря на явную заброшенность, внутри было относительно чисто, хотя пыли хватало. Проходная, коридор, несколько кабинетов и большие залы, в которых ранее, судя по всему, располагалось какое-то производство. Крепкий пол, покрытый пошарпанным линолеумом, стены покрытые серой краской... Это ерунда, ответил я сам себе. Косметику сделаем, все будет как в лучших домах.

— Зачем нам такой большой дом? — Вполголоса спросил Даня, осматриваясь. — Сюда десяток лабораторий можно запихнуть.

— Десяток и будет, — ответил я, открывая дверь и заглядывая в небольшое помещение, где стояли несколько десятков металлических шкафчиков. Раздевалка для рабочих.

— Не опоздал? — От двери послышался голос Гордеева. «Специалист по безопасности» сегодня был одет в солидный деловой костюм. Прямо директор, я на его фоне смотрелся мелким клерком.

— Нет, — покачал головой я, пожимая ему руку. — Осматривайся.

— Канализация везде исправная, отопление центральное, зимой, конечно, все было отключено и слито, поэтому надо проверять, — продолжил Каспар. — Своя небольшая подстанция...

Поднявшись на верхний этаж, я посмотрел в окно. Хороший вид. Как всегда, в последний момент, накатила нерешительность. Может еще что-то посмотреть?

Живым закопают, напомнил внутренний голос. Встряхнувшись, я повернулся к Каспару, который тенью бродил за мной, что-то рассказывая об истории дома и его обитателей.

— Хорошо. В принципе, я согласен. Где мы можем сесть и обсудить окончательные условия?

В глазах Каспара мелькнуло удовлетворение.

— Здесь есть кабинет со столом и стульями, прошу сюда...

Глава четырнадцатая. Трудовые будни

Давно я так не работал. Может, даже и никогда. В шесть утра звонил будильник, я принимал душ, одевался, садился в машину и летел в «Цитадель», как с легкой руки Гордеева назвали мы свое новое помещение. Опасность для жизни — отличная мотивация,

не раз за эти дни я вспомнил знаменитую фразу Лаврентия Павловича: «Сколько работников завода надо расстрелять, чтобы установка заработала через месяц?»

К слову сказать, своей активностью мне удалось заразить и ребят. Что Даня, что Анцис впряглись вместе со мной. Заканчивали мы далеко за полночь, без обедов и перекуров, так, перехватив иногда бутерброд-другой, когда было совсем невмоготу. Станков не было, поэтому Федор работал главным образом в Институте, куда два раза в день ездила машина, чтобы забрать изготовленные детали. Параллельно с нами, в «Цитадели» шел ремонт — работали электрики, штукатуры, маляры и прочие строители, приводя в порядок помещения. В первую очередь, мы, конечно, кинули все их силы на «генераторную», так мы между собой называли место, где будет стоять установка. Чистое помещение делать не стали, а соорудили, так сказать, «чистую будку» — большой стеклянный короб посреди зала. Внутри него и происходил монтаж установки.

Третью времени у меня уходило на администрирование. Пришлось нанять юридическую фирму, которая занялась оформлением всего нашего предприятия. По несколько раз на дню, скинув халат, я бежал в единственное пригодное «офисное» помещение, где подписывал бумаги, договаривался с юристами и бухгалтером, отсчитывал деньги, потом снова надевал халат и бежал обратно. Денег не хватало. Впрочем, когда было иначе? Гордеев почти каждый день ездил менять монеты, лишь косо поглядывая на меня, когда я доставал из чемоданчика новые червонцы. Он так и не спросил, откуда золотишко, но я видел, что рано или поздно такой разговор состоится. Мне казалось, я его раскусил, он жил по принципу: неизвестное — опасно. Поэтому, уже с того памятного разговора про убитых бандитов было ясно — скрывать от него что-либо бессмысленно. Докопается. Или прямо спросит. А если не получит ответов, просто помашет ручкой. Но терять его сейчас я не мог, к чему-чему, а к безопасности он подошел со всем вниманием и тщательностью.

«Цитадель» постоянно охраняли четверо: один официальный охранник на входе и трое ребят в штатском, которые все время крутились где-то рядом. Ночевали они тут же, одну из комнат мы временно оборудовали под спальню. Меня до гостиницы и обратно неотлучно сопровождал телохранитель — молодой и здоровый парень по имени Игорь. Если он отдыхал, то на пассажирское сидение садился сам Дима, покидая меня лишь тогда, когда я запирался в номере. В гостинице все время кто-то присматривал за девушкой, пока Лика сидела целыми днями в номере.

Вот ее-то я забросил. Сам дико переживал по этому поводу, но времени абсолютно не было. Днем несколько раз звонил, чтоб услышать ее «все нормально». Пришлось купить еще один ноут, чтоб девчонка могла хоть в интернете посидеть и не скиснуть окончательно от безделья. А когда приходил вечером, то Лика уже спала. Тихонько приоткрыв дверь в ее комнату, я садился на стул и смотрел на нее. До тех пор, пока не чувствовал, что отрубаясь от усталости.

На третий день нашего рабочего марафона, когда я в шесть утра продрал глаза и принялся одеваться, дверь в соседнюю комнату внезапно открылась, и на пороге возникла полностью одетая девушка.

— О, привет, — удивленно хмыкнул я. — Ты куда собралась?

— Доброе утро, — хитро улыбнулась она, залезая в шкаф, где висела ее куртка. — Я с тобой поеду.

— Куда со мной? — Затупил я спросонья.

— На работу, — усмехнулась она. — Мне надоело сидеть целыми днями взаперти.

Лучше я тебе помогу.

— Чем?

— Да хоть чем, — пожала плечами она. — Кофе варить умею, кстати.

Хмыкнув в ответ, я пожал плечами.

— Да я только рад. Работы хватает!

— Тогда рассказывай, чем вы там занимаетесь?

Пришлось рассказывать. Конечно, все выкладывать не стал, лишь описал в общих чертах, что собираем новую установку, запустив которую, получим большую конфету. Телохранителя Игоря, обычно сидящего впереди, мы пересадили на заднее сидение. Пока ехали и болтали, я вдруг вспомнил, что у Лики практически нет никаких вещей, кроме зубной щетки, которую мы купили в ближайшей к гостинице аптеке еще в первый день.

— Слушай, тебе надо, наверное, одежду купить и всякие мелочи?

— Надо, — кивнула она. — Только не на что. Может, ты меня на работу возьмешь? Я заработаю.

— А давай я тебе лучше так денег дам? — Предложил я.

— Неа, — она покачала головой. — Не хочу так. Мне надоело постоянно от кого-то зависеть. Ладно раньше, когда я совсем малая была... Но теперь, случись что — мне даже поесть не на что будет. Хочу сама себя обеспечивать, хоть самый минимум, — она серьезно посмотрела на меня. — Пока мама работала, она совсем другим человеком была. А потом, когда дома стала сидеть... Короче, не к лучшему изменилась.

Я удивленно покачал головой. Надо же, не ожидал.

— А в театре ты тоже работала?

— Конечно, — кивнула она. — Я им реквизит придумывала, декорации разные...

— Ну, хорошо. Раз так, беру тебя официально, на должность своего помощника, так ее назовем. Но тогда работать будешь всерьез, без дураков. Согласна?

— Согласна, — удовлетворенно кивнуло это чудо, откидываясь на спинку сидения.

Помещение генераторной уже приняло вполне законченный вид. Здесь еще пахло краской, и электрики доделывали какие-то мелочи, но посередине комнаты уже стоял прозрачный ящик из оргстекла, внутри которого находился каркас генератора. Рядом с будкой был установлен огромный бак, к которому мы сегодня как раз сантехник должен был тянуть трубы с водой. Именно эта вода будет использоваться в качестве вещества для преобразования в копируемые предметы. Но об этом знал пока только я один, для всех остальных это была накопительная емкость для охлаждающей жидкости.

Едва мы с Ликой зашли внутрь, нам навстречу вышел заспанный Даня.

— Привет, — удивленно поздоровался я. — Ты что, домой не ездил совсем?

— А смысл? — Хмыкнул он, потягиваясь. Потом с интересом уставился на Ликю. — Здравствуйте! Я Данила. А вы с нами работать будете?

— Это моя помощница, зовут Лика, — представил я девушку, которая с интересом осматривалась по сторонам. — Будет нас кормить и поить кофеом, а в перерыве — перекладывать бумажки из одной стопки в другую...

— Здравствуйте, — улыбнулась она Даниле. И повернулась ко мне, — наверное, наоборот? Перекладывать бумаги, а в перерыве кормить?

— Неа, — покачал головой я, кивая на гору мусора в углу, большая часть которой состояла из упаковок от пицц и бутербродов. — Именно так. У нас тут мужской коллектив и жрем мы, как... — я замолчал, подбирая сравнение.

Скрипнула входная дверь и в помещение вошел Гордеев. Окинув нас взглядом, он удовлетворенно кивнул и дежурно улыбнулся.

— Привет всем. Так я и думал, что вы оба приедете. Ну, может и к лучшему, — сообщил он не нам, а скорее своим мыслям. — Петь, пошептаться бы.

— Пошли, — кивнул я, поворачиваясь к Дане. — Покажи Лике здесь все: удобства, кухню и так далее. Но хвост не распускай, — добавил я в полушутку, полувсерьез. — Это моя девушка!

— Как ты мог подумать, шеф, — развел руками Даня, скорчив прикольную рожу, а Лика фыркнула от смеха, бросив на меня озорной взгляд, от которого у меня сразу испарилось рабочее настроение. Когда девушка так смотрит, мужчина понимает: еще чуть и бастион рухнет...

Перед входом в кабинет, Гордеев открыл ящик небольшой тумбочки и демонстративно оставил там телефон. Я последовал его примеру. Едва мы зашли внутрь, Дима плотно закрыл дверь и развернул стул так, чтобы сидеть лицом ко мне. Я присел прямо на стол и ожидающе посмотрел на него.

— Это хорошо, что ты ее привез сюда. Легче будет обороняться, — проговорил он, усевшись.

— Ты меня пугаешь, — проговорил я, чувствуя, как игривое настроение уступает место обеспокоенности.

— Это я так, чтобы ты настроился на серьезное восприятие информации, — осклабился он и тут же стер с лица ухмылку. — На самом деле, наши дела не очень. Как ты понимаешь, нормально прибраться в театре не удалось. А мочить всех свидетелей подряд, извини, я не стал. Но трупы мы убрали, машину отогнали и как результат — в полицию по месту никто не заявил. Но зато, судя по всему, это сделали «сарги».

— Блин, — выругался я. — Подробности знаешь?

— К сожалению, нет, — Гордеев покачал головой, закидывая ногу на ногу. — Не сиди на столе, сил не будет.

— Не замечал раньше у тебя суеверий, — невесело усмехнулся я, пересаживаясь на стул. Дима не любил смотреть снизу-вверх на людей, это я уже заметил.

— Поработаешь с мое над безопасностью, еще не в то согласишься, — хмыкнул он. — Так вот, контакты «саргов» с полицией замечены активные и, я подозреваю, что не в нашу пользу. Возможно и Лику ищут уже по официальным каналам.

Я задумался, поскреб ногтями по столу и поднял глаза на замолчавшего Гордеева.

— И что теперь?

— А теперь нам надо быть очень и очень аккуратными. Самую большую опасность представляют камеры видеонаблюдения в старой Риге. Если следователи решат проверить записи, то выйдут на театр. А потом на Лику. И дальше — на тебя.

— А с чего они станут камеры смотреть?

— Хотя бы потому, что там последний раз засветились телефоны ныне пропавших «саргов».

— Твою мать, — выругался я.

— Поэтому, говоря откровенно, все дело упирается во время. Рано или поздно на нас выйдут — или полиция, или «сарги», а вероятнее всего — и те, и другие. И если с полицией можно будет поспорить с помощью хорошо оплаченного адвоката, — Гордеев невесело усмехнулся, — прямых улик против тебя нет, тут уж я подчищу все, что можно, то с

Моргуновым... Сам понимаешь.

— Понимаю, — кивнул я, активно шевеля извилинами.

— Что у тебя с квартирой?

— Нанял бригаду ремонтников, — ответил я ему, почесав в затылке. — Вытащили всю мебель уже, вскрыли пол... Сегодня должны вывести мусор, концов не останется.

— Ну вот. Улик нет. Значит, надо продумывать стратегию обороны.

— Нам надо успеть закончить установку, — повторил я фразу, которую уже не раз твердил по поводу и без повода.

— И тогда ты начнешь клепать на ней золотые монеты, — то ли спросил, то ли утвердительно произнес Гордеев, внимательно глядя на меня.

— Догадался, — вздохнул я. Этого следовало ожидать. Мозги у мужика работали — дай бог каждому.

Он встал, подошел к двери, открыл ее, оглядел пустой коридор и снова плотно прикрыл.

— Ну чтож, тогда это как раз то дело, ради которого стоит рискнуть, — усмехнулся он, усаживаясь обратно на стул. — А на ней только золото можно делать?

— Все, что угодно, — я встал и подошел к окну, размышляя, что ему объяснять и как. — Представь себе «ксерокс», который копирует любой предмет. На атомарном уровне. Сохраняя энергетические и структурные характеристики оригинала...

— Однако, — хмыкнул «специалист по безопасности». — Кто еще об этом знает?

— Ты и я, — пожал плечами я.

— А ребята?

— Не думаю, — покачал головой я. — Даня бы сразу сказал, у него что на уме, то на языке. У Анциса не хватит воображения, он, пока не увидит, не сообразит. Но, едва установку соберем, узнают, конечно.

— А тот твой оппонент в Институте?

— Раугс?

— Угу.

— Не знаю, — пожал я плечами. — Теоретически, может догадаться. Но тут на проблему надо смотреть несколько с необычной точки зрения... Как бы тебе объяснить... — я подошел к столу, схватил лист бумаги и стал чертить каракули, что всегда мне помогало сформулировать мысль. Наконец, нужные слова нашлись. — Рассчитать на бумаге это нельзя, у ученых сегодня несколько иные представления о пространстве и материи. Мы, с покойным шефом пять лет назад совершенно случайно наткнулись на двоякое решение одного интеграла и сделали смелое предположение. Но даже тот подход был ошибочным, это я понял только сейчас, совершенно случайно наткнувшись на побочный эффект во время эксперимента. Даже если Раугс повторит установку, он должен сделать те же ошибки, что и мы, чтобы выйти на понимание несколько иной физики.

— Ладно, не надо лезть в дебри, — буркнул Дима, подняв обе руки, словно защищаясь от меня. — Сколько монет у тебя осталось? Хватит, чтобы закончить?

— Впритык. Самая большая проблема с рентгеновским лазером. Он дорог и долг ждать, пока привезут. Пока не знаю, что делать. В институте он есть, но выкупить его Раугс точно не позволит...

— А если просто спереть? — Гордеев наклонил голову и хитро посмотрел на меня.

Ну вот, так и пускаются во все тяжкие, подумал я. Убил, теперь вот украсть предлагают. Впрочем, это решение. Живым закопают, напомнил я себе, передергиваясь от липкого

страха, каждый раз вылезавшего откуда-то изнутри.

Глава пятнадцатая. Свидание

Со своей бывшей женой я познакомился в университетской общаге на первом курсе. Был я тогда мальчиком-девственником, она — закомплексованной невинностью, и мне казалось, что мы нашли друг друга. Месяца два я ухаживал за ней, бегая следом, словно собачонка и добился своего. Мы взаимно лишились этой самой невинности. А на следующий день, когда я, окрыленный любовью и весь светящийся от счастья, в надежде на продолжение близких отношений подходил к ее комнате, она выпорхнула мне навстречу и, чмокнув, пошла с подругой на пьянку к незнакомым мне латышам, которые недавно вселились в соседнюю комнату.

— Так и надо с ними, Олька, молодец! — Услышал я комментарий ее подруги, которая, как я позже узнал, и потянула ее на ту гулянку.

Сейчас, с высоты прожитых лет я понимал, что это была просто шалость. Никто не собирался меня предавать, изменять, девчонки просто развлекались, причем весьма невинно — сколько потом было тех гулянок, тусовок и пьянок, из которых, главным образом, и состояла общаговская студенческая жизнь. Но тогда у вчерашнего мальчика-девственника рухнул мир. Казалось, вот, только что я нашел то, о чем мечтал, смысл жизни, человека с которым я хочу разделить горе и радость, и она со мной так подло поступила!

Мы сильно поссорились тогда. Потом, не менее бурно помирились. Жизнь потекла своим чередом. Но там, где-то глубоко внутри себя, я, наверное, так никогда и не простил обрушения мира, построенного в моем воображении. И с тех пор больше никогда не позволял себе любить другого человека так самоотверженно и безоглядно, всегда напоминая себе о возможности предательства. Может быть поэтому, весь наш брак я гулял от жены направо и налево, подсознательно мстя ей за разрушенный в юности мир. Что, в конце концов, привело к нашему разводу.

Но теперь, глядя на то, как Лика выбирает себе одежду, я вдруг поймал себя на мысли, что готов еще раз рискнуть. Рискнуть безоглядно и безбашенно влюбиться по самые уши. И отпустил себя...

Вечером, в седьмом часу, я понял, что толку от меня на работе больше нет. И своим присутствием я никак не ускорю монтаж, который продолжали ребята — в чистой будке втроем мы просто не помещались. Поэтому, получив добро Димы, мы с Ликой отправили Игоря в гостиницу и уехали вдвоем. Девочку надо было одеть, да и себе следовало кое-что прикупить, лето не за горами. Я задумал эту поездку как свидание, поэтому, не смотря на некоторый риск, все же отказался от присутствия телохранителя.

Доехав до «Спицы», мы оба неожиданно увлеклись шопингом. Она искала и мерила, а я оценивал и подсказывал. Платья сменялись туниками и короткими юбками, а под конец она настолько разошлась, что перестала меня стесняться и затащила в кабинку — помочь

расстегнуть платье. Я помог. А потом мы как-то вдруг нашли губы друг друга и улетели... От нее пахло мятой, каким-то пряным восточным запахом и совсем чуть — табаком, губы были нежными и жадными до ласки. Маленькая и неопытная девочка вдруг исчезла, а на ее месте возникла страстная молодая женщина, уже познавшая вкус удовольствия, но еще жаждущая пока неведомых ей открытий. Мы так увлеклись, что совершенно забыли про время и место. Впрочем, нам напомнили. Продавщица постучала в дверь кабинки, и нам пришлось срочно вернуться «на землю» и ретироваться.

А потом мы сидели в итальянском ресторанчике и пили «кьянти», глядя друг другу в глаза и говоря о прошлом. Я рассказывал про свою жизнь до нее, она про школу и свое увлечение театром. Конечно, в чем-то она была еще совсем ребенком, но, несмотря на это, в ее словах и поведении скользила та самая женская мудрость, которой мне так не хватало в Ольге. Время летело незаметно, было невероятно, просто божественно хорошо. Я вдруг поймал себя на мысли, что совсем не хочется строить «коварных» планов соблазнения, что в тот момент было просто здорово находиться рядом и чувствовать, ощущать ее тепло. Что все произойдет само, потому что иначе и быть не может — мы уже начали тот, полный намеков, танец понравившихся друг другу мужчины и женщины, благодаря которому разумная жизнь на этой планете все еще существует.

В машине она вдруг затихла, забравшись с ногами на сидение и повернувшись ко мне. Я постоянно ловил ее взгляд, а она, как мне казалось, изучала меня, рассматривая, а иногда протягивая руку и, чуть касаясь, проводила пальцем по небритой щеке. Я только улыбался в ответ, перехватывая ее маленькие пальчики и дотрагиваясь губами до запястья, на котором чернела завитушками стилизованная буква «Л».

— У тебя есть тату? — Спросила она, продолжая разглядывать меня.

— Нету, — я покачал головой.

— Почему? Не нравится?

— На других нравится, — пожал плечами я. — А для себя, наверное, не нашел то изображение, с которым хотелось бы прожить всю жизнь.

— Ты слишком серьезно ко всему относишься, — улыбнулась она.

— Да, — согласился я, паркуясь на свободном месте во дворе гостиницы. — Это мой главный недостаток.

— Тогда я буду учить тебя жить легко, — пообещала она, выходя из машины и беря меня за руку.

— А я тебя — быть серьезной, — не остался в долгу я, находя губами ее губы.

Не помню, как мы оказались в номере. Помню лишь, как начал раздевать ее, изучая губами каждую клеточку, каждый миллиметр ее тела, а она освобождала от одежды меня. Помню, как вдруг замерла, испугавшись моих слишком смелых ласк, но потом стоило мне отстраниться, сама заставила меня продолжать. Ну а дальше нас накрыло...

— Пожалуйста, дай мне сигарету, — пробормотала она через какое-то время, не в силах поднять голову, лежащую на моей мокрой от пота груди. Приподнявшись, я огляделся и дотянулся до ее джинсов, валявшихся рядом с кроватью. Нашупав в кармане тонкую пачку, извлек ее, нашел зажигалку и, прикурив сигарету, передал девушке. Несколько раз затянувшись, Лика приподнялась, откинулась на подушку и посмотрела на меня. В номере было темно, лишь уличные фонари, бросавшие световые пятна через окно, позволяли разглядеть ее блестящие глаза. — Я и представить себе не могла, что так бывает...

— Как? — поинтересовался я, любуясь ее совершенно беспорядочной прической,

хрупкими плечами и небольшой, но очень красивой грудью с маленькими темными сосками.

— Так замечательно, — пробормотала она. — Что ты со мной делал? Я теперь даже встать не могу.

— И не надо, — ухмыльнулся я. — Лучше расскажи про своих бывших кавалеров.

— Чтобы ты превратился в Отелло? — Усмехнулась она, стряхивая пепел в стакан, стоящий на тумбочке.

— Тебе не нравится, когда ревнуют? — Спросил я, глядя кончиками пальцев ее плечо.

— Ну если без фанатизма... — улыбнулась она. — Ты, правда, хочешь это знать?

— Да, — кивнул я. — Но не для того, чтоб ревновать, просто интересно про тебя все.

— Ну ладно, — кивнула она, затягиваясь. — Расскажу. Но и ты тогда все про себя расскажешь...

— Договорились, — согласился я, продемонстрировав чеширскую улыбку.

Она затушила сигарету и сползла с подушки, положив голову мне на плечо.

— Свой первый раз я не помню, — глухо пробормотала она, щекоча меня своими растрепанными волосами. — У нас тусовка была, меня мальчишки напоили в зюю. Первый раз так напилась. Почти как тогда, когда ты меня нашел. Короче, проснулась в постели с одним... Нравился он мне очень, ну и... — она почесала об меня нос и продолжила. — Исполнилась мечта идиотки. Обидно было до слез, что не помнила ничего. Зато не больно...

— А потом с ним еще встречались, общались? — Спросил я, глядя ее по голове и думая о том, как мне повезло найти такое сокровище. Настоящее чудо. Больше всего мне в ней импонировало то, что она не старалась казаться лучше, чем есть. Редкое качество среди девушек.

— Да, в школе, потом пару раз на таких же тусовках. Но, как-то все завяло само собой. Не было ни волшебства, ни чего-то такого... О чем в книжках пишут и подружки рассказывают, — я почувствовал, что она улыбается. — Дура я была мелкая, мне тогда всего пятнадцать было. Потом он с семьей в Англию уехал. Слава богу, наверное.

Она снова потерлась об меня носом.

— Ну а потом Лешу встретила. Тут уже все серьезно было, я влюбилась. Встречались, как взрослые. До известных тебе событий, — она шмыгнула носом, а я прижал ее к себе. Девушка вдруг вывернулась из объятий и, забравшись на меня верхом, стала нежно и долго целовать в губы. Потом вдруг отстранилась, приподнялась и пристально посмотрела мне в глаза блестящими огромными глазищами. — Петь, он ведь убьет нас. Понимаешь? Я боюсь...

— Не бойся, Рыжик, — ответил я, уверенно выдержав ее взгляд, хотя холодная когтистая лапа снова сжала что-то в груди. — Мы еще побарахтаемся.

Она несколько мгновение смотрела на меня, потом устроилась поудобнее, упершись своей макушкой мне в подбородок.

— А Дима, он кто? — Вдруг спросила она.

— Специалист по безопасности, — серьезно ответил я.

— Это я поняла, — кивнула Лика. — Но вообще, он кто? Бывший военный? Полицейский? Он как посмотрит, у меня аж мороз по коже, — она передернулась, покрываясь мурашками. Я подтянул одеяло и накрыл нас.

— Не знаю, кто он, — вдруг задумался я. — Вроде как в спецназе служил. Семеныч, мой друг, его с детства знает, говорит профи. А что?

— Я его боюсь, — пожалала плечами девушка.

— Почему? — Удивился я. На меня Гордеев совершенно не производил такого впечатления.

— Ну, я когда увидела его взгляд, тогда, в театре... Он тебе телефон давал, а сам выходил... Бррр, — девушка снова передернулась. — Я сразу поняла, что он убивать шел.

— Не бойся, Рыжик, — я прижал ее крепче к себе. — Просто работа у него такая... Кстати что ты там хотела про меня узнать? — Сменил тему я.

— Хм, — Лика вдруг скинула одеяло, опять села на меня верхом и хитро улыбнулась. — Теперь я в Отелло превращаться буду!

Вопросы посыпались как из рога изобилия. Про бывшую жену, про Дашу, про первую любовь, любовниц и так далее. Я почти все рассказывал, потом мы снова занимались любовью и опять разговаривали. Обо всем. Лишь когда за окном посветлело небо, я заметил, что говорю, а Лика давно уже спит, тихонечко сопя мне в плечо. Осторожно уложив ее голову на подушку, я сходил в ванную, умылся, почистил зубы и кинул взгляд на себя в зеркало.

Темноволосый, сероглазый тридцатидвухлетний мужик. Только что соблазвивший семнадцатилетнюю девчонку, хмыкнул я мысленно, подмигнув отражению. Не просто соблазвивший, а еще и влюбившийся по уши, добавил внутренний голос. Согласившись с ним, я вытерся и направился спать. Завтра, вернее уже сегодня — тяжелый рабочий день. В ту минуту я еще не представлял, насколько он окажется тяжелым. Как и того, что относительно спокойная жизнь закончилась если не навсегда, то очень надолго.

Глава шестнадцатая. Девятое мая

День Победы в Латвии не празднуют. Официально. Но люди все равно приходят к памятнику Освободителям, как приходили раньше, когда еще были живы те, кто воевал в ту войну. Каждый год власти выражают недовольство по этому поводу, а националисты поднимают вой в прессе и интернете, но ничего не меняется. Люди, рожденные на постсоветском пространстве, уже давно научились разделять официальную политику от реальной жизни.

К памятнику я решил заехать ближе к обеду, предварительно проверив, как идут дела в «Цитадели». Не праздновать, а так, положить цветочки и вспомнить прадеда, который воевал. Дед рассказывал, что его отцу исполнилось восемнадцать, когда в сорок первом немецкие войска вошли в Даугавпилс. Семья жила тогда на хуторе, недалеко от литовской границы. Через несколько месяцев молодого парня мобилизовали в немецкую армию и отправили охранять аэродром где-то в Эстонии. Не знаю, что там произошло, в семье об этом не говорили, но через некоторое время прадед дезертировал, потом несколько месяцев лесами пробирался домой, а затем целый год моя прапрабабка прятала его на хуторе ото всех. В сорок четвертом, когда Латвию освободили, прадед пошел служить в советскую армию, в составе которой дошел аж до Берлина. Вернулся домой в орденах. В советское время, конечно, о службе в вермахте никто не говорил, лишь после того, как Союз рухнул,

семейная тайна вылезла наружу.

— Я поеду с тобой, — сообщила мне Лика, когда я сказал ей о том, что собираюсь к памятнику. В «Цитадели» работа кипела вовсю, а я лишь подписал документы, которые привез юрист и раздал указания строителям. Как и вчера, в моем дальнейшем присутствии пока необходимости не было — Анцис и Даня заканчивали монтаж в будке, куда я не залез бы при всем желании. Обсудив с Гордеевым готовящуюся операцию по воровству рентгеновского лазера из института, в которой я собирался поучаствовать лично, я взял Лику за руку и направился к машине, где на заднем сидении уже сидел чем-то недовольный Игорь.

— Ты чего такой мрачный? — Спросил я телохранителя, когда мы с Ликой уселись на свои места.

— Ай, — Игорь махнул рукой, скорчив рожу непонятно кому. У парня было на редкость выразительная мимика, ему бы в театре или в кино играть, а он в охранники подался. — Жена весь мозг вынесла утром.

— Ну, это ее функция, — усмехнулся я, мельком кинув взгляд на Лику. Девочка улыбнулась, но ничего не ответила.

— ...мэр Риги Нахимов еще раз предупредил рижан об опасности террористических актов. В отличие от прошлых лет, сам градоначальник отказался от проведения мероприятий у памятника Освободителям и ограничился возложением цветов... — забормотало радио, стоил мне завести двигатель.

— Ага, и денег побольше домой приноси, и на работе не пропадай целыми сутками... Каким же это образом, интересно? — Вдруг экспрессивно спросил мне бодигард, откидываясь на спинку сидения, когда я тронул с места машину.

— Ох, не знаю, дружище, — усмехнулся я, вырливая на Баускас и пытаюсь сообразить, где по дороге можно купить цветы.

— Ей просто внимания хочется, — пояснила Лика. — Но она не может сказать об этом напрямую. Вот и достает...

— Уже и не знаю, что ей там хочется, — пробурчал Игорь, всем своим видом показывая, что с девушкой он этот вопрос обсуждать не намерен.

Заехав за цветами в «Максиму»^[30], что на «мукусальском» кольце, я вырлил на Биекенсалас^[31] и мы поехали к Торнякалсу^[32]. Как и всегда девятого мая, машину в этом районе поставить было сложно, но, покрутившись, я все ж нашел свободное местечко возле самой станции. Перейдя через железную дорогу, мы оказались в Аркадиевском парке. Тут былолюдно, не смотря на рабочий день народ гулял, дети кормили уток в пруду. То тут, то там мелькали георгиевские ленточки и маленькие красные флажки. Погода располагала — уже с утра пригрело солнце, лишний раз подтвердив, что лето не за горами.

В парке Победы было необычайно тихо. Обычно здесь стояла сцена, с которой пели песни военных лет и большой экран, транслирующий парад на Красной площади или просто показывающий, что происходит на сцене, но в этом году, из-за угрозы терактов все мероприятия были запрещены. Однако, людей было много. Народ фотографировался рядом с памятником, на ступеньках лежал ковер из цветов. Кое-где мелькали портреты ветеранов в усыпанных орденами кителях — когда не осталось живых, люди стали приносить фотографии.

Вдоль дороги стояло несколько палаток, в которых продавали еду, в воздухе чувствовался запах шашлыков. Движение по улицам было перекрыто, на дороге расположился пяток машин муниципальной полиции, а чуть в отдалении я заметил

несколько человек в форме Земессардзе.

Музыка все же была, мы услышали ее, подойдя ближе. Почти рядом с самым памятником на стуле сидел пожилой гармонист, растягивая свой инструмент и извлекая из него мелодию «Катюши». Две молоденькие, празднично одетые девчонки стояли рядом и звонкими голосами выводили:

... выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла...

— Все-таки запретили, — покачал головой Игорь, осматриваясь по сторонам.

— Мероприятия? — Переспросил я. — Ну да...

Протиснувшись сквозь достаточно плотную толпу, мы положили цветы на ступеньки, пополнив живой ковер.

— Мне мама рассказывала... — начала было что-то говорить Лика, но в этот момент за нашими спинами раздался резкий визг тормозов. Мы, как по команде, развернулись к дороге и застыли, удивленно глядя на происходящее.

Возле машин муниципальной полиции затормозили несколько микроавтобусов, из которых посыпались люди в черной форме, вооруженные автоматами, вернее пистолетами-пулеметами типа МП-5К. Было видно, что бойцы экипированы не просто для патрулирования — на них были разгрузки, судя по всему, с бронежилетами, шлемы, под которыми чернели маски, закрывающие лицо. Не говоря ни слова, некоторые из них упали на одно колено, гулко стукнув об асфальт наколенниками и, наведя стволы автоматов на муниципалов, открыли огонь.

Несколько мгновений я, словно в ступоре, смотрел, как боевики скупыми, короткими очередями расстреливают полицейских. Те, одетые в ярко-желтые светоотражающие жилеты, сломанными куклами попадали на землю, вероятно, так толком и не поняв, что произошло. Секундой позже звук очередей донесся и откуда-то слева. Повернув голову, я увидел, как возле земессаргов остановились еще два таких же микроавтобуса. Из них, прямо через открытую дверь, открыли тоже огонь по бойцам ополчения.

— На землю, — вдруг заорал Игорь, выводя меня из ступора и сильно дернув за руку, от чего я не удержал равновесия и почти упал на бетон, больно поцарапав руку. Все вдруг куда-то одновременно побежали, со всех сторон послышались крики и женский визг. Следуя указанием, вернее тычкам Игоря, Лика тоже повалилась на бетонные плиты. Вокруг начался форменный ад.

Прямо через газон, к памятнику подъехали еще два бусика, из которых выпрыгнули уже знакомые черные фигуры с оружием. Выпрыгнув, они сходу открыли стрельбу по толпе. Творилось нечто невероятное. Люди, убегая в рассыпную, вдруг один за другим опадали на бетон. Старики, женщины дети — пули не щадили никого, черным, видимо, было все равно, кого убивать.словно в замедленной съемке я увидел, как дернулись девчонки, мгновение назад певшие «Катюшу» и упали на траву, а по их белым блузкам тут же расплылись красные

пятна. Голова гармониста, который вскочил со своего стула, вдруг взорвалась красно-серыми брызгами и он, неловко подогнув колени, завалился на бок. Стрельба от ближайшего к нам микроавтобуса вдруг оборвалась, боевики, почти синхронно, выбросили из автоматов черные прямоугольники магазинов, перезаряжаясь.

— Бегом, — рявкнул Игорь, дернув нас за руки в направлении памятника. Сообразив, что у нас есть только секунда или чуть больше, я схватил Лику в охапку и метнул наши тела к небольшой стойке скульптурного ансамбля, на котором была выбита надпись. Буквально через мгновение после того, как мы оказались за плитой, выстрелы возобновились. Наверное, эти крики я запомню навсегда. Перед глазами продолжилось страшное зрелище. Черные стрелки, словно роботы, стоя на одном колени и уперев себе в плечо куцые приклады, хладнокровно, как на сафари, расстреливали людей короткими очередями.

— Ну, бл. ди, что ж вы делаете?! — Заорал я, сжимая непонятно как появившийся в руке пистолет. Сделав глубокий вдох, я упер локти в бетон и навел мушку под шлем ближайшего стрелка. И как на тренировке, не задумываясь, дважды потянул за спуск. Краем сознания отметив, что попал, тут же перевел прицел на соседнего террориста, у которого очередной раз кончились патроны. Еще двойка. Вторая черная фигура, как подкошенная повалилась под автобус. Третий, видно что-то почувствовав, дернулся в сторону, поэтому мои пули, пролетев мимо супостата, пробиты стекло микроавтобуса.

— Что ты делаешь, идиот, твою мать?! — заорал Игорь. В его руке была «беретта», однако он не стрелял. — Они сейчас нас накروют! Уходим!!!

— Ну уж хрен! — Сквозь зубы буркнул я, вгоняя следующую «двойку» в грудь уклонившемуся от моих выстрелов стрелку. Он дернулся и стукнулся спиной об стенку микроавтобуса, выронив эм-пэ и сползая по стене вниз. Четвертый боевик ударом ладони в перчатке вогнал магазин, но выстрелить не успел, я все же вколотил ему в корпус три пули и он, согнувшись, завалился на бетон. Последний, пятый, вскинув автомат навел ствол на нас, но тут у меня под ухом грохнула «беретта» Игоря. Черному, видно прилетело в плечо, его развернуло к нам боком, и я добавил «двойку» куда-то в шлем, от чего его голова резко дернулась, и он завалился прямо в открытую дверь бусика.

— Бегом!!! — Страшным голосом заорал Игорь и, схватив за руки Лику, мы рванули прочь. Бежали не мы одни, рядом со всех ног неслась женщина, держа на руках ребенка, какой-то, видно подвыпивший мужик и парень-подросток. Сзади опять послышались выстрелы и жуткие крики. Обогнув пруд, мы со всех ног бросились к видневшимся впереди домам. Где-то сзади, за памятником, вдруг взревел мотор. Я оглянулся — один из автобусов выехал вслед за нами из-за скульптурной композиции. Буксанув на траве, он сделал вираж, потом выровнялся, и, ускоряясь, стал быстро к нам приближаться.

— Бегите к домам!!! — Скомандовал Игорь, резко развернулся и в быстром темпе, удерживая пистолет двумя руками, выпустил остаток магазина в сторону приближающегося бусика. Удивительно, но он куда-то попал. Транспорт вдруг повело в сторону и, прокатившись еще десяток метров, тот остановился. Игорь бросился нас догонять, а из-за автобуса выскочили трое черных и вскинули автоматы.

— Зигзагами бежать!!! — Заорал Игорь, вдруг запетляв, как заяц.

— В сторону, — на бегу крикнул я Лике. Девушка метнулась влево, а я, дернувшись в другую сторону, на ходу нажал указательным пальцем на рычаг выброса магазина, доставая из поча левой рукой другой, полный. Сзади опять донеслись звуки выстрелов, и я вжал голову в плечи, снова сместившись в сторону. Блин, как это страшно!!!

Лица вдруг споткнулась и упав, покатила по земле. Меня окатило холодом, я почему-то решил, что в нее попали. Ярость и отчаяние затопили меня, я остановился, развернулся и, вскинув пистолет, навел мушку на группу черных, которые стреляли в нас. До них было, наверное, метров семьдесят, но мне было все равно. Стараясь удержать на цели прыгающий пистолет, я стал раз за разом нажимать на спуск. Гильзы летели фонтаном, я уже не понимал в кого конкретно целюсь. Рядом что-то проорал Игорь, вдруг опять загрохала его «беретта», а потом что-то сильно и больно ударило мне в правое плечо, и я почувствовал, как мир вокруг сначала раздвоился, а потом потемнел.

Каким-то невероятным усилием мне удалось удержаться на краю сознания, но потребовалось несколько секунд, чтобы разобраться, что происходит.

— Держи пистолет, я сам его дотащу, — вдруг проорал Игорь прямо надо мной. Оказывается, я уже лежал на земле. Испуганная Лица, грязная, но целая и, похоже, невредимая, схватила с земли мой «вальтер». Схватив меня за шиворот, телохранитель потащил мою тушку волоком по траве. Ощувив свои ноги, я попытался встать.

— Давай сам пойду, — прохрипел я, чувствуя, как пересохло в горле.

— Давай! — Вдруг согласился Игорь, резко дергая меня вверх, чтобы я оказался на ногах. Встать-то мне удалось, но сильно закружилась голова, и меня основательно качнуло вбок. Лица тут же оказалась рядом, поднырнув под левую руку. Я попытался обнять ее, но резкая боль в правом плече чуть снова не отключила меня. Вскрикнув, я быстро задышал, с огромным трудом пытаюсь удержать сознание. — Сюда! — Крикнул бодигард, и мы, ковыляя, забежали за угол ближайшего дома.

Игорь завел нас в какой-то переулок, где я уселся прямо на траву, оперевшись спиной о стену небольшого домика, который прикрывал нас со стороны парка.

— А что эти? — Спросил я, боясь дотронуться до окровавленного плеча. Весь рукав был в крови, я чувствовал, как капли стекают по ладони.

— Отстали. Ты, видать, задел кого-то. Зассали и спрятались за автобус, это, млять, не беззащитных людей расстреливать, — высказался Игорь, меняя магазин в «беретте». Засунув пистолет в кобуру, он осмотрел мое плечо и покачал головой. Затем скинул прямо на землю свою куртку, снял майку, обнажив мускулистый торс, и разорвал ее на полоски.

— Потерпи чуток, я перевяжу, а то кровью истечешь, — проговорил он, достав откуда-то нож и отрезая мне рукав. Что-то он там нехорошо тронул, меня вдруг опять замутило. Согнувшись, я вывалил на траву остатки завтрака. Когда мне все же удалось отплеваться, Игорь заставил меня лечь на землю, на левый бок и подозвал девушку. — Держи его, — сказал он Лице, накладывая повязку. Мгновениями было очень больно, я застонал, сжав зубы.

— Держись, Петенька, — шмыгнула носом девушка, не давая мне завалиться на спину.

— Все, — спустя минуту объявил бодигард, оставляя меня в покое и доставая телефон. — Здесь третий, — проговорил он в трубу. — У нас сшибка в парке Победы. Доктор трехсотый, нужна срочно помощь... Да. Правое плечо, кость задета, похоже... В сознании... Мы на, — он глянул по сторонам и, увидев табличку на доме, продолжил, — улице Коклес... Хрен знает, тут сейчас ад, полиции, наверное, будет дохрена. Вроде не стреляют пока... Так... Так... понял. Срочно, да, — отключившись, он озадаченно посмотрел на нас. — Это не единственное место, где проблемы. Главный, то бишь Гордеев, сообщил, что только что взорвали здание Правительства и Сейма. В Риге какой-то мрак творится, ни хрена непонятно... Но нас сейчас постараются забрать и к врачу отвезти.

— Полярная лиса пришла, — прохрипел я, попытавшись сесть. — Ребята, полцарства, за глоток воды...

Глава семнадцатая. Писец локального масштаба

Пока мы ждали машину, из парка вырвались еще несколько человек — трое парней, одна девушка и курпулентная дама, невесть как добежавшая до нас. Один парень был ранен, бежал, вернее шел, зажимая рану в боку. Едва они проследовали мимо, Игорь, заглянув за угол, сообщил, что террористы забрались в автобусы и уехали, оставив прямо на газоне бусик, который гнался за нами. Самое странное, что не было слышно никакого воя сирен. От памятника доносились лишь крики боли и чьи-то громкие рыдания.

— Может пойти им помочь? — пробормотал я, сидя на траве и опираясь о деревянную стену дома. Откровенно говоря, я не был уверен, что смогу встать на ноги. Очень болело плечо, меня мутило и кружилась голова.

— Кто б нам помог, — невесело хмыкнул Игорь. — Сиди уж, боец!

Лица, обняв меня, подпирала с левого бока. Девушку трясло от пережитого, зуб на зуб не попадал. У Игоря зазвонил телефон.

— Да? — Ответил он. — Мы в конце улицы, возле самого парка. Помощь приехала, — сообщил он нам,

К моему удивлению, в конце улицы появилась настоящая машина скорой помощи, которая с включенными мигалками, но без рева приблизилась к нам. Однако из двери, вместо врачей выбрались двое бойцов в камуфляже и с АКСУ в руках. Оглядевшись, они тут же заняли позиции так, чтобы держать под наблюдением улицу. На бронезилетах белела надпись «Arsardze», показывающая окружающим, что не какие-то террористы здесь разместились, а бойцы охранной фирмы. Следом за ними выскочил Гордеев, тоже с автоматом на плече и двое врачей, которые, открыв задние двери, ловко выкатили носилки.

— Держи, — передал Дима оружие Игорю, подошел ко мне и присел на корточки. — Хреново выглядишь, — сообщил «специалист по безопасности», помогая Лике встать. — Пусть им врачи занимаются, — сказал он ей и повернулся к Игорю, который подгонял под себя ремень «ксюхи». — Как вышло, что объект ранен?

— Геройствовал, мать его, — сплюнул Игорь. — Георгич, там полный звездец был! Я такого никогда не видел...

Пока меня укладывали на носилки и катили в машину, я слышал, как бодигард подробно описывает Гордееву случившееся.

— Сколько пальцев? — Спросил меня один из врачей, высокий и худой парень примерно моих лет, показывая знак «виктори». Второй, потолще и постарше большими ножницами срезал с меня остатки одежды, одновременно устанавливая какие-то приборы.

— Два, — сообщил я.

— Сто десять на пятьдесят, — сказал плотный, после того, как что-то сжало мне левую руку — Сильная кровопотеря, судя по всему пуля задела плечевую кость и вышла наружу.

Трещина как минимум...

— Какая группа крови, боец? — Спросил у меня высокий, вкалывая мне иглу в левую руку.

— Ноль плюс, — сообщил я, поморщившись, — плотный что-то делал с правой рукой.

— Идеальный донор, — чему-то обрадовался высокий. — Саша, кубик тримеперидина дай ему.

— Уже, — сообщил плотный Саша, что-то вкалывая мне в ногу.

— Щас полегчает, — пообещал длинный, а я вдруг почувствовал, как чья-то дрожащая прохладная ладонка легла мне на лоб. — Девочке дай дексавена полкубика, ее трясет всю.

В машину забрался Дима. Усевшись на специальное кресло возле двери, он закрыл за собой створки. Машина медленно тронулась с места

— Как пациент? — спросил он, глянув на высокого.

— Жить будет, — жизнерадостно улыбнулся тот, устанавливая капельницу. — Но, пожалуй, нужна операция, тут кое-что подлатать надо и рентген обязательно.

— Тогда в больничку, — велел Дима водителю и посмотрел на меня. — Петь, тебя отвезем в небольшую частную клинику в Юрмале, возражений нет?

— Надолго? — Прохрипел я. Как-то полегчало. Плечо перестало болеть, куда-то ушла тошнота. Только пить хотелось.

— Сегодня подлатают, а завтра, если врачи разрешат, перевезем в «Цитадель». У нас тут, похоже, война начинается...

— Что за война? — Спросил я, сглатывая слюну. — Ребята, дайте попить.

Кто-то сунул мне в рот трубку, и я втянул в себя холодную и чуть солоноватую жидкость.

— Странные вещи творятся, — между тем говорил Гордеев. — В Риге несколько терактов — взорваны правительственные здания, массовые нападения вооруженных людей на объекты военной инфраструктуры и полиции. По некоторым данным погибли премьер, президент и спикер Сейма. Говорят, что тяжело ранен Нахимов.

— Нихрена себе. А кто все это делает? — Пробормотал я, чувствуя, как мысли расплываются.

— Непонятно пока ничего...

— Дима, нам нужен лазер, — собрав остатки соображалки, пробормотал я. — Надо добыть его, сегодня, как планировали.

— Добудем, если надо, — кивнул Гордеев, лицо которого стало расплываться.

— Если лазер заберем, послезавтра можно будет закончить монтаж... А дальше... — Я почувствовал, что теряю мысль.

— Я все понял, отдыхай, — кивнул «специалист по безопасности», похлопав меня по ноге. — Будет тебе лазер...

Дальше наступил кайф. Я почти ничего не понимал, но было хорошо. Вокруг что-то происходило, кто-то что-то говорил, потом меня куда-то везли, но это я уже плохо помню. В какой-то момент я увидел перед собой большие Ликины глаза и растворился в них.

Пробуждение не сказать, что было приятным. Очень хотелось в туалет и одновременно пить. Голова была тяжелой, ныло плечо. Рядом что-то довольно противно пикало. Собравшись с силами, я, наконец, открыл глаза.

Белый потолок, освещенный красноватым светом уличных фонарей, кровать, маленькая комната, какое-то медицинское оборудование, от которого, собственно и шел этот мерзкий

звук. В левую руку была воткнута игла, от нее к высокому штативу тянулась прозрачная трубочка. И что-то в меня капало. Правая рука от локтя до ключицы была закована в гипс. Приподняв голову, я оглядел окружающее пространство. Возле окна стояла небольшая кушетка, на которой, свернувшись калачиком, спала Лика.

За окном было темно. На улице слышались какие-то голоса, хлопали двери. Заметив на стене выключатель с надписью «вызов медперсонала», я протянул к нему левую руку и надавил. Где-то за дверями раздался звонок и через минуту в палату заглянул парень в форме и с автоматом — один из тех, кто забирал нас от памятника. Кажется, его звали Сергей. Убедившись, что никто не покушается на мою жизнь, он посторонился, пропуская внутрь уставшую девушку в светло голубом халате, которая, войдя в палату, включила свет.

— Доброй ночи, — негромко поздоровалась она по-русски без акцента, подходя ко мне. — Проснулись? Как себя чувствуете?

— Бывало лучше, — прохрипел я. — Сестричка, очень хочется пить и писать...

— С чего начнем? — улыбнулась она, поправляя мне подушку.

— С последнего, — хмыкнул я, кинув взгляд на спящую Лику.

Ловко проделав процедуру, девушка выкинула в мусорник резиновые перчатки и, подойдя к кулеру, налила полстакана воды.

— Спасибо, — поблагодарил я ее за все, с наслаждением глотая воду. — А что вообще в мире делается? И где я?

— Вы в частной клинике «Асари», — сообщила мне она, что-то регулируя в капельнице. — Несколько часов назад вам делали операцию на руке. Подробности доктор расскажет, утром. Извините, мне надо бежать...

— А число какое сегодня? — поинтересовался я.

— Уже десятое, — девушка кинула взгляд на запястье. — Постарайтесь заснуть, сейчас три ночи.

— Хорошо, — не стал я с ней спорить. — А можно мне мой телефон?

Она покачала головой.

— Не желательно, но если вы настаиваете...

— Угу, именно, — подтвердил я.

Сестра подошла к небольшому шкафу и, открыв дверцы, некоторое время там покопалась. Потом вернулась ко мне и передала смартфон.

— Здесь есть вай фай, — напоследок сказала она. — Сеть «Асари» и пароль такой же. Если что, звоните.

— Обязательно, — кивнул я ей, уткнувшись в экран.

Восемь пропущенных звонков. Родители. Ольга. Дайга. Хм...

Подумав, родителям отстучал смс-ку: «Все в порядке, жив, в безопасности. Как у вас дела?»

Ольге отбил: «Утром позвоню, будь на связи». Дайге ничего не стал писать, от греха подальше. Потом позвоню.

Потом полез в новостные сайты. Мать честная... В верхней части страницы висел огромный красный заголовок — «Латвия в огне». Рига, Даугавпилс, Лиепая, Вентспилс — сплошные теракты. Взорваны правительственные здания и муниципальные думы, застрелены или пропали без вести руководители всех рангов. Стычки на военных объектах... Подробности неизвестны. Трупы полицейских на улицах... Седьмая или восьмая статья сообщала о теракте в парке Освободителям. Неизвестные в черной форме расстреляли

несколько десятков человек. Точное количество жертв неизвестно... Медицинские учреждения не справляются с таким количеством пострадавших. Мэр Нахимов умер в больнице. Полный паралич властных структур... Жители в панике, скупают в магазинах продукты... Эксперты рекомендуют не выходить из дома... Аэропорт Рига закрыт.

Международные новости. Терракты в Литве и Эстонии... Надо же, не только к нам лисица заглянула... Экстренный саммит НАТО... Россия заявляет о своей непричастности к происходящему в Прибалтике... Президент Соединенных Штатов выразила крайнюю озабоченность происходящим в странах Балтии. Срочное заседание Еврокомиссии. Экстренный саммит глав европейских государств назначен на десятое мая... Нихрена не понятно.

Вздыхнув, я откинулся на подушку, переваривая прочитанное. Было как-то не по себе. Как там родители? Пока не ответили. Позвонить? Пожалуй, подожду до утра. Однако, Гордеева надо бы набрать...

— Да? — послышался мгновенный ответ.

— Ты где? — Спросил я сразу.

— Очнулся, — удовлетворенно хмыкнул он. — Я в «Цитадели». Организовываю оборону.

Я облегченно вздохнул.

— Что там вокруг?

— Пока тихо, правда, где-то в центре все еще слышны автоматные и пулеметные очереди. Петь, я тут привез свою семью и семьи ребят сюда... Тех, кто согласились держаться вместе. Надеюсь, ты не против?

— Нет, конечно — покачал головой я. — Места всем хватило?

— Хватило. Разместил на верхних этажах.

Я потряс головой, пытаюсь сообразить, что делать дальше. Установку, конечно! В первую очередь!!!

— Что с лазером?

— Забрали мы твой лазер, — усмехнулся непонятно чему Дима. — Подъехали вчетвером, устроили маски шоу. Данила там еще что-то прихватил под шумок, сказал — пригодится. Так что, не волнуйся. Семьи твоих ребят мы, кстати, тоже утром заберем и привезем сюда, чтоб работали спокойно.

— Волнуются? Может сбежать собрались?

— А ты как думал? Анцис вообще истерику закатил. Но я успокоил, разъяснил на пальцах, что пока надо тихо сидеть. Обстановка непонятная, бежать некуда, а здесь мы пока за себя можем постоять, а дальше видно будет.

— Хорошо, — кивнул я. — Когда ты меня отсюда заберешь?

— Утром приеду, послушаем, что доктор скажет.

— Скажет, чтоб забирал поскорее, — невесело усмехнулся я. — Сюда, похоже, раненых привезли...

— Раненых бесплатно везут, а за тебя деньги платятся, — возразил он. — Петь, кость задета — это не шутка.

— А если «черные» заявятся? Один Сергей с автоматом много навоюет?

— Так быстро тебя вряд ли вычислят... — Скептически отозвался Дима.

— Ну да то бог, — я попытался пожать плечами, но вовремя одумался. — Где мой пистолет, кстати?

— У Сергея, — Гордеев помолчал несколько секунд, что-то явно обдумывая. — Хорошо. Заберем тебя утром. У тебя монеты остались еще?

— Остались, — кивнул я. — В гостиничном сейфе. Забирай все что есть, поменяй на деньги какую сотню, если это теперь возможно. Код пришлю смс-кой. Возьми себе на текущие расходы, остальное спрячь хорошо.

— Не учи папу детей делать, — усмехнулся он. — Но это, все равно, только утром. Жди, часиков в восемь подъедем. И постарайся выспаться.

— Угу, — кивнул я и отключил связь. Выспишься тут. Отстучав сообщение с кодом, я открыл браузер и углубился в чтение.

Глава восемнадцатая. Совещание в «Цитадели»

«Цитадель» превратилась в настоящую крепость. На въезде во двор стоял блокпост: целая стена, выложенная из мешков, набитых песком, с небольшими отверстиями для ведения огня. Перед ней на асфальте лежали три бетонных блока, расположенные таким образом, чтобы заезжающая машина не могла не остановиться. Чуть поодаль, над небольшим ангаром, который нам достался вместе со зданием и территорией, Гордеев показал мне замаскированную снайперскую лежку, откуда простреливался как въезд на территорию, так и изрядный кусок перед воротами. Еще две такие же позиции, по его словам, были оборудованы в заброшенном доме, который примыкал к нашему зданию с другой стороны — оттуда контролировалось пространство перед фасадом и двор, через который мы могли бы отойти к реке, если нас совсем прижмут.

— Я забрал у тебя из квартиры оружие, — проговорил он, когда мы, закончив экскурсию, заходили внутрь здания. — Сложил у тебя в кабинете. Прошу разрешения на использование двух винтовок — «тикку» и «лося», как раз укомплектуем еще двоих снайперов.

— Мы с тобой параноики, нет? — Покачал головой я.

— По статистике, параноики живут дольше, — усмехнулся Дима, придерживая дверь, чтобы я и Лика прошли внутрь. — У тебя врагов мало? Ты учти, кроме Моргунова, тебя еще и «черные» будут искать... На тебе три могилы минимум, если остальные выжили. Такое, знаешь ли, не прощают. А мы даже не знаем, кто они такие.

— Ты прав, конечно, — невесело покачал головой я, обнимая левой рукой вздрогнувшую при упоминании фамилии отчима Лику. — Откуда автоматы у ребят?

— Все легально, — ответил он, заходя за нами в зал, где стояла установка. — По документам, они охрана банка. Так что, комар носа не подточит. Хотя, прямо скажу, по сегодняшней обстановке, проверять просто некому.

— Да уж, — вздохнул я. Данила и Федор, негромко переговариваясь, монтировали трубы рядом с водяным баком. Я махнул им рукой: — Привет деятелям науки!

Оба отвлеклись, посмотрев на меня.

— О шеф, — обрадовался Даня, салютуя из-под емкости гаечным ключом. Федор встал,

вытирая руки ветошью, подошел и пожал мне левую руку. Несмотря на то, что правая кисть двигалась нормально, ладонь пока была зафиксирована в одном положении и прижата к корпусу.

— Живой?

— Не дождетесь, — хмыкнул я, осматривая установку. Внешне все выглядело готовым. — Как вы тут?

— Хреново, — ответил Федор, бросая недовольный взгляд на Гордеева. — Сухой закон, блин. Твой цербер даже вечером ни капли не дает. А как тут на сухую, когда такое творится...

Дима остался невозмутим. Я усмехнулся.

— Ну, извини, дядя Федя. Сейчас иначе никак. Что по монтажу? — Спросил я Даню плящущегося на Ликины ножки. По пути из больницы мы заехали в гостиницу переодеться, где девочка переделалась в одну из недавних покупок. После случившегося в парке, малышка была молчалива и жалась ко мне при первой возможности. Поэтому я сам настоял на этом коктейльном платице, которое мы купили тогда, в день свидания. Надеялся, что это ее хоть немного расшевелит.

— Почти все готово. Сейчас Анцис придет, прикрутим датчики и начнем регулировку.

— А где он? — спросил я, посмотрев на Гордеева.

— Семью свою размещает наверху, — тот кивнул куда-то на потолок. — Там у нас «караван-сарай», блин. Старики, женщины, дети — полный набор...

— Надо бы ограничить доступ сюда, — я поморщился, углядев в коридоре двоих детишек Дашкиного возраста, которые с любопытством заглядывали в зал.

— Будет сделано, — по-военному четко ответил Дима, по факту превращаясь в исполнительного директора. — Посмотрите, где я вас разместил?

— Конечно, — мы с Ликой двинулись к лифту. Старая деревянная коробка лифта за минуту подняла нас на четвертый этаж.

— Пять помещений заняты семьями, — Дима кивнул в дальний край коридора, откуда доносился какой-то шум. — К вечеру займем еще три. Одну комнату оперативно переоборудовали в общую кухню...

— Коммуналка, блин, — покачал головой я. — Ну что сделаешь, не до жиру... Что с едой?

— У людей есть кое-какие запасы, на пару дней хватит. Но надо искать, где брать. И вообще, Петь... Нам бы человека, который займется хозяйственными вопросами.

— А платить ему чем? — Поморщился я, подходя к двери, на которую показывал Дима.

— Пару дней поработает за охрану. По нынешней ситуации, сам понимаешь... А как запустим, тогда и заплатишь. Вот, — мы вошли в небольшую чистую комнатку, с двумя окнами и дверью. Мебели пока не было, лишь в углу, прямо на полу валялся матрац от большой, двуспальной кровати. — Там отдельный санузел, туалет и душ, — Дима показал на дверь. — Тут раньше то ли комната отдыха была, то ли раздевалка...

— Да, не пентхаус... Как тебе? — Повернулся я к Лике.

— Вид интересный, — улыбнулась девушка, подходя к окну. — А мебель будет?

— Будет, — кивнул я. — Но не сразу, несколько дней надо подождать. У тебя есть кто-то на примете? — Я посмотрел на Гордеева.

— Есть, — кивнул Дима. — Тесть мой готов взяться. Пойдем, познакомлю?

Я покачал головой.

— Давай лучше соберемся у меня в кабинете через полчаса. Ты, Данила, Анцис и твой тесть. Все обсудим, обо всем договоримся.

— Хорошо, — Дима кивнул. — Я пока скажу, чтоб вещи ваши принесли.

— Лады, — кивнул я и он оставил нас вдвоем, плотно закрыв дверь. Подойдя к девушке, смотрящей в окно, я, левой рукой, обнял ее за талию и прижал к себе. — Рыжик, все будет хорошо. Здесь мы в безопасности. За недельку другую обживемся, а там видно будет...

Лица развернулась ко мне лицом и, обняв меня за шею, поцеловала. Губы были теплыми, мягкими и очень нежными.

— Мы теперь будем вместе жить, да? — Отстранившись, она внимательно посмотрела на меня своими глазами. — Как муж с женой?

— Если ты не против, — проговорил я, внимательно глядя на нее, пытаюсь почувствовать ее настроение.

Помолчав несколько секунд, она кивнула.

— Я согласна попробовать.

В кармане завибрировал телефон. Достав трубку, я увидел на экране фотографию Ольги. Млять, забыл ей позвонить...

— Алло, — я кивнул Лике, показывая, чтоб располагалась и вышел в коридор.

— Ты обещал позвонить, — крикнула мне в ухо бывшая. — Что у вас там происходит???

— Не ори, — ответил я ей, спускаясь по лестнице. — Звиздец тут происходит... В двух словах не расскажешь.

— Я не могу родителям дозвониться, — вдруг всхлипнула она. — Ты можешь к ним заехать?

— Оль, сейчас по Риге можно передвигаться только на танке, — сообщил я ей, вспоминая, как утром Гордеев развернул целую операцию, чтоб довести меня до «Цитадели». Впереди дозорная машина, потом скорая, в которой ехали я и Лица, а замыкал колонну джип с двумя автоматчиками. Пока ехали, слышали стрельбу в нескольких местах и видели три столба дыма где-то в стороне центра. — Меня подстрелили вчера в парке Освободителям, правая рука в гипсе, так что извини...

— О, боже, — сдавлено пробормотала она. — Ты серьезно?

— Какие уж тут шутки, — буркнул я, спускаясь по лестнице. — Так что сидите там, тихо и спокойно, пока есть такая возможность. Договорись, чтоб вам продлили отель еще на неделю, денег я тебе перечислю...

— Я буду тут развлекаться, не зная, что с родителями?? — вдруг снова наехала она.

— Ты совсем дура? — Рыкнул я в ответ. — Аэропорт закрыт, в городе перебита вся полиция, полная Рига бандитов, а ты попрешься сюда с ребенком?! Мозги включи, коза, млять! — Выругался я. И услышал, как она засопела на том конце. — Впрочем так, — продолжил я уже спокойнее. — Если смогу, узнаю, что с твоими. Дашка там как?

Ольга молча шмыгала носом несколько секунд.

— Хорошо, — наконец пробормотала она. — Тут детей много, подружилась с ними, в бассейне плещается... По тебе скучает...

— Вот и плескайтесь... Привет ей от меня. Созвонимся позже. Все, пока! — Я нажал красную кнопку отбоя и выругался. Как мы с ней прожили столько лет?

В кабинет кто-то притащил еще один стол, поставив его торцом к моему, письменному, так что получилась буква «Г». Вполне можно было проводить совещание в духе директора предприятия. Усевшись на свое кресло, я снял повязку, осторожно освободил правую руку и

левой рукой достал «вальтер». Сняв затвор, достал ствол, пружину и разложил все это на листе бумаги. Потом открыл чемоданчик с приспособлениями для чистки оружия и принялся за работу: пшикнув «баллистола» в ствол, отложил его в сторону и стал протирать смоченной в масле тряпочкой внутренние поверхности затвора и пластиковой рамки. Не знаю, как кого, а меня чистка оружия успокаивает, как ни что другое. Прямо медитация, честное слово. Раненая рука, конечно, портила эффект, но что тут поделаешь? За этой работой и застали меня Данила с Анцисом.

— Заходите, присаживайтесь, — пригласил я их, когда после стука в дверь они зашли внутрь.

— Нефига себе занятие, — хмыкнул Даня, косясь на оружие.

— Буду расстреливать тех, кто плохо работает, — неуклюже сострил я в ответ, отодвигая недочищенный пистолет в сторону и доставая из ящика стола блокнот. В след за учеными зашел Гордеев, придерживая дверь для высокого и дородного мужика лет шестидесяти. Тот подошел ко мне ближе и протянул руку. Привстав, я пожал навстречу левую руку.

— Петр.

— Виктор, — прогудел он густым басом, неуклюже пожимая ладонь.

— Присаживайтесь, — пригласил я и, когда все расселись, уселся сам, посмотрев на Гордеева. — Опиши обстановку, пожалуйста. Вкратце. Что происходит, сколько людей у нас тут, какие первоочередные проблемы... Чтоб все были в курсе.

— Ну, во-первых, я хочу представить Виктора Ивановича Дорофеева, — Гордеев, не вставая, кивнул на тестя. — По согласованию с нашим шефом, — кивок в мою сторону, — он в «Структуре» будет заниматься хозяйственными вопросами. А именно — размещением семей, их нуждами, снабжением и так далее.

— Я прошу Виктора Ивановича задержаться после совещания, мы с ним обговорим все детали, — вставил я.

— Хорошо, — прогудел новоназначенный «завхоз» и кивнул.

— Во-вторых — касаясь внешней обстановки, — Гордеев достал из небольшой кожаной папки знакомый блокнот. — Ситуация сложная. По сообщениям средств массовой информации, данным соцсетей и оперативным данным вырисовывается следующая картина: неизвестные лица, проявленной численностью около семисот человек совершили в стране несколько сотен боевых операций и террористических актов. Убиты все ключевые фигуры в правительстве, в том числе премьер-министр, силовые министры и госсекретари основных министерств. Где-то работали снайперы, где-то — небольшие группы из трех-пяти человек. Есть данные о смерти спикера сейма, глав парламентских фракций, руководителей армии, полиции и Земессардазе. В больнице скончался мэр Риги. Непонятная ситуация с спецслужбами, по некоторым данным нападения совершены на штаб-квартиры Бюро по защите Сатверсме^[33] и полиции безопасности. Пришли данные о нападении на места постоянной дислокации НВС^[34] в Риге и рижском районе, на штабы армии и ополчения. Причем там использовалось не только стрелковое оружие, но и какие-то переносные ракетные системы. Seriously пострадали управления полиции в разных районах Риги и Латвии. Прошу прощения, — Гордеев встал, подошел к кулеру и налил себе стаканчик воды. Сделав несколько глотков, вернулся за стол и вновь устремил свой взгляд в блокнот. — Непонятная ситуация по контингентам НАТО. По некоторым данным войска просто отошли в Литву или Эстонию. Хочу отметить высокий профессионализм и подготовку нападавших.

По первому впечатлению, все акции были четко спланированы и скоординированы. Что интересно, почти не отмечено потерь со стороны нападавших...

— Ну это как сказать, — хмыкнул я.

— Я сказал «почти», — качнул головой Дима. — Что касается теракта в парке Освободителей, то там все странно и выбивается из общей картины. Насколько я понимаю, все остальные акции были нужны для нейтрализации государственных структур. Здесь же... — Гордеев пожал плечами. — Лично мне вообще непонятно, зачем этот теракт был нужен. И, судя по произошедшему, как раз в этом случае профессионализм террористов под большим вопросом.

— Почему? — Спросил я. Остальные присутствующие молча слушали, лишь Даня тихонько шептал что-то Анцису, похоже переводил — Гордеев говорил по-русски.

— Ну хотя бы потому, что при стрельбе группой нельзя допускать ситуации, когда перезаряжаться приходится одновременно... Но сейчас это неважно, — Я кивнул, а Дима посмотрел в свои записи и продолжил. — В результате всех этих акций имеем полный паралич государственных структур. Как раз перед совещанием мне сообщили, что отмечены случаи мародерства, которые никто не пресекает. Теперь прогнозы... — Гордеев пригладил волосы на макушке и перевернул лист бумаги в блокноте. — По моим прикидкам, вся эта каша заварена с целью полной дестабилизации обстановки в стране и смены власти. Ничего другого не напрашивается... Думаю, что за всеми акциями стоит какое-то государство. При этом, как ни странно, ситуация не выгодна ни Штатам, ни России, ни Европе. Как бы то ни было, на территории страны некоторое время будет царить полнейшее безвластие, что неизбежно приведет к всплеску криминала, бандитизма, мародерства и прочих подобных «прелестей». Исходя из этого считаю, что нам требуется немедленно усилить наши боевые возможности, чтобы мы могли защитить себя и выполнить задачу, которая перед нами стоит. При этом защитив себя и своих близких.

— А какая задача стоит? — Спросил Данила, посмотрев на меня. — Неужели в таких условиях инвестор по-прежнему заинтересован в научной работе?

— Именно. Очень заинтересован, — кивнул я. — И завтра, после окончания монтажа вы поймете, почему.

— Šodien! — Вдруг встрял Анцис. — Mēs šodien pabeigsim montāžu... [\[35\]](#)

— Если на совещании до вечера не просидим, — негромко пробормотал Даня.

— В свете произошедшего, наша основная задача — выжить и обеспечить безопасность сотрудников и их семей, — вставил Гордеев. — Ну и, конечно, параллельно, мы должны реализовать задачу, поставленную инвестором, — Дима многозначительно посмотрел на меня.

— Ну, выжить — это безусловно, — невесело усмехнулся я и посмотрел на Гордеева. — Что у нас по людям, которые смогут держать в руках оружие? И с самим оружием?

— Двенадцать человек вместе со мной. Все с АКСУ и пистолетами разных марок. Из них профессионалов — девять. Все бойцы экипированы бронежилетами разных классов. С патронами и всякими мелочами пока сложно, но мы решаем эту проблему. Группа из трех человек в данный момент разъезжает по Риге и окрестностям в поисках мест, где можно что-то добыть. Это оружейные магазины, пункты дислокации НВС и полиции.

— Что б не нарвались ребята, — пробормотал я

— А они без фанатизма, аккуратненько посмотрят, — усмехнулся Гордеев.

— Что непосредственно по охране «Цитадели»? — Я внимательно посмотрел на

Диму. — Если «черные» наедут — отобьёмся?

«Специалист по безопасности» пожал плечами:

— Смотря какими силами наедут... У нас семьи здесь, будем драться до последнего.

— Надеюсь до этого не дойдет, — вздохнул я. Стало страшно, но куда деваться. — Чего больше всего не хватает?

— Прежде всего патронов, — произнес Дима, глядя в блокнот. — Для автоматов пять сорок пять на тридцать девять и винтовок — твой шведский маузер и триста восьмой. Для «ксюх» в наличии лишь по два боекомплекта у каждого. Хорошо бы гранаты, ну и снаряжение кое-какое... Посмотрим, что ребята наруют.

— Хорошо, — перебил я его. — Это мы с тобой позже отдельно обсудим, я хочу ребят отпустить монтаж заканчивать. Даня, Анцис, ko jums tagad vajag?^[36]

— Для монтажа все есть, — покачал головой Данила. — Вот по обустройству семьи многого не хватает...

— Прикиньте список и передайте Виктору Ивановичу. Если это все — за работу.

— Пошли, — Даня встал и хлопнул Анциса по плечу. — Работа не волк, в лес сбегать не собирается...

Глава девятнадцатая. Синтез

Я проглотил капсулу, запив ее водой из небольшой бутылки, стоявшей прямо на полу, возле матраца. Четвертый раз пью обезболивающее за сегодня, вспомнил я, откидываясь на подушку. А что делать? Заниматься любовью с простреленным плечом — то еще занятие, но отложить сие действие мы не могли. Уж очень хотелось...

— Больно? — Пробормотала Лика, скосив на меня огромные блестящие глаза. Вся мокрая от моего и своего пота, девушка неподвижно лежала, раскинувшись по матрацу. Огромная полная луна через окно заглянула в комнату, очерчивая серебристым светом контуры девичьего тела. Блики заиграли на ее коже, отражаясь от капелек влаги.

— Ради такого дела можно и потерпеть, — усмехнулся я. Временами было больно, да. В один момент аж в глазах потемнело...

— Опять ты меня измучил, — прошептала она, с видимым усилием поворачиваясь на бок. — А еще идти куда-то заставляешь...

— Поверь, не пожалеешь, — хмыкнул я, вставая вслед за ней. — Поможешь помыться?

— Пошли уж, раненый командир, — усмехнулась она, доставая из открытого чемодана два полотенца.

Спустя полчаса мы уже спускались по лестнице на первый этаж. По моему указанию, двери в «центральную лабораторию», как назвали зал с установкой, были закрыты еще днем. Подойдя к двери, я стукнул костяшками пальцев по крашенной деревянной поверхности.

— Кто там? — Послышался голос Гордеева.

— Это мы, — ответил я, беря Лику за руку. Два часа назад Гордеев убеждал меня, что

девушку не стоит вводить в курс дела, но я все же сделал по-своему. Просто не хотелось ей врать в дальнейшем о своих делах. Дима, выслушав мои аргументы, только головой покачал.

— Заходите, — пригласил он, открыв дверь и запуская нас внутрь. Выглядел Гордеев непривычно — в цифровом камуфляже, в разгрузке и с автоматом за спиной, Дима стал похож на какого-то киношного злодея. В лаборатории, кроме него, находились лишь Данила и Анцис. Насчет Федора разночтений не было — несмотря на «сухой закон» он и сегодня где-то умудрился добыть выпивку. Как только он закончил свою работу, я сам отправил его отдыхать. Доверять тайну генератора такому человеку было нельзя.

Ребята сидели за большим столом-пультом, отстукивая по клавишам и вглядываясь аж в четыре монитора.

— Как дела? — Поинтересовался я, осматривая установку, которая стояла внутри закрытого со всех сторон прозрачного кожуха. С едва слышным гулом шумел воздушный насос, создавая внутри будки избыточное давление — это позволяло хотя бы немного защитить генератор от пыли. Лучи красного и зеленого лазеров причудливо скрещивались на D-матрице. Анцис пробежался пальцами по клавишам, и я услышал, как включилось охлаждение рентгеновского излучателя.

— Какая-та странная конфигурация поля получается, — пробурчал Даня. — Шеф, может хватит в шарады играть? Расскажи уже, наконец, в чем здесь фишка, а?

— Сейчас сам все увидишь, — хмыкнул я, доставая из кармана автоматный патрон и торжественно водружая его на специальную полочку, закрепленную прямо на стене будки, в строго определенном месте. — Что по настройкам?

— Все выставлено, — ответил Даня, поворачиваясь ко мне вместе с вращающимся стулом. Спустя секунду тоже самое сделал и Анцис. Лица и Дима замерли чуть в сторонке.

— Итак, дамы и господа, — торжественно начал я. — Я не буду вам объяснять физические принципы того, что вы сейчас здесь увидите. Те, кому надо, сами во всем разберутся, — я со значением взглянул на ребят. — Однако, прежде чем начать, я хотел бы напомнить, что идея создания D-генератора, чем, фактически и является данная установка, принадлежала великому, не побоюсь этого слова, физику Янису Либертсу, нашему покойному шефу. Когда... — я прочистил горло. — Когда ему стало плохо, на той самой конференции, он успел шепнуть мне перед смертью — собери генератор и докажи, что мы правы. И вот теперь, я надеюсь, мы сделали это. Смотрите сюда, — я подошел к прозрачной стене и показал на патрон, стоящий на полочке. Потом обошел установку и продемонстрировал присутствующим такую же полочку, но пустую, закрепленную уже с другой стороны будки. — И вот сюда!

Подойдя к столу, пробежался пальцами левой руки по клавишам, запуская основные системы и, в конце, надавил большую кнопку «ввод». Громко щелкнула заслонка рентгеновского лазера, невидимый луч устремился в серый брусок D-матрицы. Однако, ничего не произошло. Несколько секунд я тупо смотрел на пустую полку, на которой должен был появиться патрон, потом резко развернулся к экранам и взглянул на параметры индикаторов. Твою мать!

— Даня, — ласковым голосом проговорил я, взяв мышь и закрывая заслонку обратно. — Я что сказал про напряжение седьмого контура?

— Двенадцать вольт, — пробормотал непонимающе Данила.

— А подано сколько? — Тем же тоном поинтересовался я, тыкая пальцем в монитор, где в соответствующей ячейке светилась цифры «6,1».

— Японский городской, — сконфузился Сотников, придвигая к себе клавиатуру и простучав по ней пальцами. Спустя несколько секунд цифры в окошке сменились, выветив «12,0».

— Итак, маленькая техническая неувязка, — усмехнулся я, надавливая «ввод» еще раз. Щелкнула заслонка, а на пустой полке, куда посмотрели все присутствующие, вдруг возникла странная рябь, какая бывает над нагретой поверхностью. Через мгновение она уплотнилась и, спустя удар сердца, на полке возник остроконечный блестящий цилиндрик автоматного патрона.

Все присутствующие несколько мгновений молча смотрели на возникший ниоткуда патрон. Анцис встал со стула, дошел до небольшого шкафа, в котором лежал дозиметр, включил прибор и, вернувшись, поднес его к материализовавшемуся предмету. Потом поднял на меня удивленные глаза.

— Viss kartībā, dabīgais fons...^[37]

Я щелкнул мышкой, закрыв заслонку, взял оба патрона и передал его молча стоявшему Диме.

— Найди десять отличий.

Тот усмехнулся и, повертев их в руках, передал Даниле. Сотников был более настойчивым. Внимательно рассмотрев патроны невооруженным глазом, он покачал головой, подошел к шкафу и достал оттуда лупу.

— Это что угодно можно так скопировать? — Спросила Лика.

— Именно, — удовлетворенно ответил я, взяв со стола Данилину кружку и поставив ее на полочку. Небольшая манипуляция мышкой, щелчок заслонки и вторая, совершенно идентичная кружка тут же материализовалась с другой стороны будки.

— А откуда берется материя? — Спросил Анцис, взяв с полок посуду и разглядывая идентичные надписи «coffee».

— Из бака, — я кивнул на пластиковую емкость, заполненную водой.

— Раз уж такое дело, разрешите мне воспользоваться случаем, господа физики, — усмехнулся Дима, отстегивая от автомата магазин и достав еще один из кармана разгрузки. Положив оба рожка на полку, он многозначительно взглянул на меня. А спустя несколько секунд, забрал с полки копии и попросил повторить. Затем распахнул по карманам пять полных магазинов и защелкнул один обратно в автомат.

Даня и Анцис вдруг, не сговариваясь, схватились за листки бумаги и принялись что-то на них считать.

— Это минут на сорок, — хмыкнул я, кивая на ребят.

— Ну, тогда не будем терять время, — усмехнулся Гордеев, доставая откуда-то из-за стола знакомый дипломат. В нем я увидел несколько золотых монет разного номинала: китайские «панды», австралийские «кенгуру», знакомые мне червонцы и еще несколько желтых кругляков, упакованных в пластиковые коробочки. Всех их он аккуратно разложил на полочке и сделал многозначительный жест ладонью, побуждая меня нажать нужные кнопки.

Так мы игрались несколько часов. Когда циферблат показал три часа ночи, у нас уже было два чемодана золотых монет, четыре больших ящика патронов, под сотню магазинов для «ксюхи», два десятка самих автоматов, которые с трудом помещались на полку. Кроме этих, без сомнения нужных вещей, были созданы четыре кружки, восемь золотых сережек, четырнадцать ручек и шесть огрызков карандашей. Последние мы пробовали копировать,

положив на полку лишь на половину. Они так и появлялись, будто обрезанные ножом в том месте, где полка обрывалась.

— А место для прототипа можно сделать побольше? — Поинтересовался Гордеев.

— Размеры прототипа ограничивают размеры матрицы, — я скорчился от боли, попытавшись пожать плечами. А когда отпустило, продолжил: — Теоретически, предела нет. Только расход энергии и вещества увеличится в разы.

— А вы знаете, что энергия преобразования берется из той же материи, — Данила, глядя в свои выкладки, ткнул пальцем в бак с водой, в котором существенно уменьшилось количество жидкости. Я, вспомнив конфуз с предыдущей установкой, подошел к баку и открыл кран, заполняя его водой. — То есть, на копирования килограмма материи тратится примерно килограмм и сто пятьдесят грамм воды!

— Да, у меня так же получилось, — кивнул я.

— И ты молчал, — Даня хлопнул себя по лбу. — Как же я раньше не догадался!

— И слава богу, — проговорил Гордеев, вдруг переходя на латышский. — Надеюсь, всем понятно, что обо всем следует молчать как «рыба об лед»? — Последняя фраз была сказана по-русски. — Не дай бог, об установке узнает кто-то посторонний. Все понимают, чем нам это будет грозить? Анцис, Лика, Данила?

— Понятное дело, — пробурчал Даня.

— Никому, совсем. Ни Федору, ни женам, ни друзьям!

— Да что, мы совсем тупые, что ли? — хмыкнул Данила.

Анцис и Лика лишь кивнули.

— Никаких разговоров об этом по телефону и рядом с телефонами, — продолжил Гордеев. — С этого момента вход в лабораторию со средствами связи запрещен в принципе. Любые технические вопросы могут обсуждаться только в этом помещении. Никаких записей и расчетов снаружи! Ноутбуки и планшеты, где может быть хоть какая-то информация, из «Цитадели» не выносить. С этого момента все компьютеры, работающие с установкой или те, где есть какие-либо расчеты должны быть физически отключены от интернета. В этот зал вход любым лицам, кроме присутствующих, запрещен. Перед тем, как произвести копирование...

— Синтез, — поправил я его. — Так будет правильнее и... непонятнее.

— Операция «Б», — хмыкнул Дима, но сразу стал серьезным. — Перед тем, как произвести синтез, следует подумать, не привлечет ли копия чужого внимания. Сейчас же следует завести журнал, в котором будет отмечаться количество копий и лицо, которое синтез произвело.

— Тут итак все фиксируется, — я кивнул на компьютеры и ткнул пальцем в небольшую камеру над полкой.

— Тем лучше. Вопросы?

— У матросов нет вопросов, — проворчал Данила. — Добро пожаловать в «почтовый ящик» ...

— Тогда у меня есть вопрос, — продолжил Гордеев, усаживаясь на крутящийся стул. — Господа ученые, а можно при синтезе делать какие-то изменения? Чтоб вещь не была настолько идентична?

— Теоретически можно, — ответил я, почесав в затылке. — Но для этого надо будет делать активную D-матрицу... тот еще геморрой. Пока даже не представляю, с какого конца приступить... Собственно, Даня и Анцис этим займутся с завтрашнего... — я посмотрел

на часы, — вернее, с сегодняшнего дня.

Ребята переглянулись, но промолчали.

— А что получится, если скопировать живое существо? — Вдруг спросила Лика, посмотрев на меня своими глазами. — Оно будет жить?

Теперь уже мы с Димой переглянулись.

— Понятия не имею, — пробормотал я. — Пожалуй, это будет еще одно направление исследований.

— Мы не справимся, — покачал головой Анцис. — Нужны еще люди.

— С синтезатором будете работать только вы, — отрезал Дима. — Ну а дополнительные исследования, скажем, в соседней лаборатории, может проводить еще кто-то.

— Да, это разумно, — согласился я. — Ну и, чтоб был стимул молчать и работать... С этого дня чистые доходы «Структуры» делятся на всех присутствующих. Пятьдесят один процент мой. По пятнадцать — Данила, Анцис и Дима. Четыре — у Лики.

— А мне за что? — Пробормотала девушка.

— За молчание и дальнейшую помощь в работе, — ответил я, оглядывая всех. — Возражения есть?

— Я согласен, — быстро сказал Даня.

— Хорошо, — кивнул Анцис.

— Договорились, — согласился Дима, о чем-то подумав несколько секунд, перед тем, как согласиться.

Лика просто кивнула.

Глава двадцатая. История Гордеева

Внутри здания раздались выстрелы. Сначала одиночные, а затем послышались несколько коротких очередей. Где-то на третьем этаже посыпались стекла, и камера сразу сместилась влево, показывая разбившееся окно. Внезапно в окне появился силуэт человека, послышались еще два выстрела, человек вдруг неестественно повернулся и полетел из окна. Летел молча, спустя секунду послышался удар тела об асфальт.

— Ни х... себе, — произнес мужской голос за кадром.

— Слава, пошли отсюда, — заныл испуганный женский и изображение дернулось, будто кто-то потянул оператора за руку.

— Подожди ты, я щас это на ютуб выложу, знаешь сколько просмотров соберем... Итак, уважаемые зрители, — продолжил он, вновь переведя камеру на вход здания, где стояло восемь знакомых мне темно-синих микроавтобусов. Рядом заняли позиции несколько человек в черной форме с пистолетами-пулеметами в руках. — Вы сейчас наблюдаете, как группа вооруженных людей в черной форме захватывают здание рижского ВИДа^[38]. Только что оттуда выскочило несколько женщин, вероятно посетителей или сотрудников налоговой

службы. Внутри стреляют... — будто в подтверждение его слов в здании раздалась длинные очереди. — Только что какой-то мужик выпал из окна...

— Знакомые ребята? — Спросил Гордеев, глядя в экран ноута.

— Автобусы и снаряга та же, — кивнул я, не отрываясь от экрана.

— Слава, ну пожалуйста, я боюсь, — заплакала девушка за кадром. — Пошли отсюда!

— Да подожди, — камера снова дернулась, показала все здание и вернулась ко входу. В этот момент из дверей потянулась вереница гражданских, спешно покидающих учреждение. Черные возле входа им не мешали, лишь провожали бегущих стволами автоматов. Вдруг где-то внутри раздался сильный взрыв, оператор аж присел, а девушка громко вскрикнула. Камера дернулась и быстро навелась на фасад, с которого вниз летели осколки стекол. — Ни х... себе, там внутри что-то ох. но взорвалось, — продолжил комментировать оператор. — Почти все стекла выбило... Ого, пожар!

Картинка сместилась вправо, и мы увидели, как внутри одной из комнат стал разгораться огонь. Языки пламени очень быстро увеличились и спустя несколько минут уже вырывались в окно.

— Подождли специально, — уверенно сказал Гордеев. — Бензинчиком полили или чем-то таким, иначе так быстро не занялось бы...

Спустя несколько минут огонь показался еще в некоторых окнах.

— Ну все, звездец налоговой, — сообщил нам оператор, показывая пожар. Потом вдруг, перевел камеру на вход. Из здания выбегали «черные» и занимали места в автобусах. Чуть поодаль виднелась кучка работников учреждения, которые с опаской наблюдали за происходящим, прячась за машинами. Они не могли уехать, микроавтобусы террористов перекрывали выезд со стоянки. Едва «черные» оказались внутри, микроавтобусы резко тронулись с места, и, выехав со стоянки, двинулись к перекрестку. Шесть из них свернуло направо, к Межапарку, а остальные тормознули и почему-то остались стоять. — Все уехали, лишь эти задержались, — прокомментировал очевидное оператор.

— Ну все, Слава, кончилось ведь, пошли, — заныла девушка.

— Подожди, посмотрим, как горит, — с некоторым удовлетворением проговорил снимающий.

Несколько минут мы наблюдали, как огонь внутри разгорается, видимо, захватывая помещение за помещением. Вдруг, где-то вдалеке, раздался вой сирены.

— О, пожарные едут, — сообщил нам закадровый голос, переведя объектив камеры на дорогу.

Там, на перекрестке по-прежнему стояли два микроавтобуса. Внезапно, их двери открылись и на дорогу снова посыпались «черные». Едва показалась первая пожарная машина, как боевики открыли огонь длинными очередями в ее сторону. — Они стреляют, стреляют по пожарным! — Заорал оператор.

— Слава, все пошли, я больше не могу, — закричала девушка.

— Вот суки, — прокомментировал я.

— Они просто их не пускают, — ответил Дима. — Бьют не прицельно, а чтоб напугать. Но я с тобой согласен, уроды конченные!

Пожарная машина остановилась. Оператор пытался показать, что там происходит, но ему мешал куст, за которым было плохо видно. Через мгновение видео оборвалось.

Я развернулся к Гордееву.

— Что скажешь?

— Продолжается демонтаж государства, — покачал головой он. — Заметь, это не теракт. Это целенаправленная операция по уничтожению налоговой службы. Они и пожарным не дали подъехать, чтобы там внутри все сгорело. Базу данных уничтожали, это очевидно.

— Какой-то сюр, нет? — Я растер лицо левой рукой. Не выспался сегодня, Дима постучал в нашу с Ликой комнату и поднял меня в девять утра, сообщив, что он уезжает менять золото, оставляя меня командовать. С собой он взял двоих бойцов, четверо оставались на позициях, еще двое отдыхали после ночного дежурства. Спустя час вернулся обратно, привезя с собой целую сумку денег, которую мы упаковали в огромный сейф, стоящий у меня в кабинете. За время его отсутствия я успел разбудить Данилу, озадачить его составлением плана дальнейших исследований и переговорить с Виктором Ивановичем, который принес мне список необходимых людям вещей на шести страницах. И это без продуктов питания.

— Да, непонятные вещи творятся, — согласился он со мной, просматривая список выложенных в интернет видеороликов. Подобных тому, что мы только что посмотрели, хватало: «Разгром полицейского участка», «последствия взрыва в мэрии», «захват Сейма»...

— Что ты решил по людям? — Спросил я его, доставая из папки список завхоза.

— Еще шестерых удалось найти. Я с ними раньше работал, сегодня приедут четверо, завтра остальные.

— Дим, а кем ты раньше был? — Задал я ему вопрос, на который до этого как-то не было времени. Гордеев развернулся ко мне и прищурился, очередной раз продемонстрировав морщинки вокруг глаз.

— Я всегда занимался организацией безопасности. Тебя что-то конкретно интересует?

— Угу, — кивнул я. — Где такому учат?

— Учат такому в Академии ФСБ, — усмехнулся он, наблюдая за моим вытянувшимся лицом. — Только не надо говорить, что бывших чекистов не бывает, — совершенно четко угадал он мою мысль. — Я не работаю на российскую разведку, не переживай. Моей специальностью была организация безопасности секретных объектов и госслужащих высокого ранга.

— Как же ты в Латвии оказался? — спросил я, усаживаясь напротив и отложив список.

— А я тут жил в детстве. Мои родители развелись в восемьдесят седьмом, когда Союз распадался. Я тогда в школе учился. Отец остался в Латвии, а мы с матерью переехали в Москву, к ее родителям. После школы поступил в академию, — он вздохнул в ответ на какие-то свои грустные мысли, поднялся, налил воды с кулера и отпил глоток. Я тоже встал и подошел к окну, которое выходило во двор. Присмотрелся, пытаюсь разглядеть снайперскую позицию. Надо же, не видно никого. — После окончания, я некоторое время работал по специальности, — продолжил Дима. — Потом там случилась одна неприятная история, деталей рассказывать не буду, извини. Короче, я остался без работы. Ну и организовал свой бизнес. Некоторое время все шло удачно, даже приподнялся слегка, — он усмехнулся. — Ну а потом человека, с которым я работал, застрелили. Я точно знал, кто это сделал, кто заказал и почему. Но добратся до тех людей не удалось, слишком высоко сидели. Они нажали на нужные кнопки, в результате на меня завели уголовное дело. Пришлось уехать сюда, вывести жену и ребенка. Еще в девяностых я сделал себе латвийское гражданство — у отца тут предки жили до сорокового, как чувствовал, что пригодится. Ну, собственно и все. Здесь тоже работал по специальности, Семеныч помог — подгонял

клиентов. Но, сам понимаешь, после Москвы размах не тот и деньги не те. Прошло несколько лет, пока я понял, что специалист моего уровня здесь просто не нужен. Ну а тут ты...

— Будет тебе размах, — усмехнулся я, разглядывая цветущую яблоню, которая росла рядом с ангаром.

— Это я уже понял, — ухмыльнулся он в ответ. — Давай прикинем общий план по безопасности проекта — не только с точки зрения защиты от бандитов, а в целом. Вопрос первый — какие проблемы с установкой могут возникнуть?

— Ну, — я почесал в затылке. — Первое, конечно — стабильность электропитания...

— Вот! — Дима поднял вверх указательный палец. — Как это исключить?

— Упсы^[39] у нас есть, — я пожал плечами. — Надо генератор мощный ставить. Лучше два.

Гордеев открыл блокнот и стал туда что-то записывать. В дверь постучали.

— У нас все дома, — громко сказал я, на что дверь открылась и в кабинет вошла Лика с пачкой бумаг в руке.

— Меня у вас нет, — сообщила нам она, передавая мне листы. — Вот, весь список продуктов, что есть в здании. А это — то, что срочно надо купить. Вот деньги, я собрала, — она поставила на стол коробку из-под обуви, в которой виднелись купюры разного достоинства и монеты. Народ интересуется, когда можно будет самим выбраться в магазин?

Сегодня я Лику определил в помощь Виктору, и она занялась хлебом насущным в прямом смысле этих слов.

— Нельзя, — покачал головой Дима. — Мы, конечно, силком никого не держим, но охрану я не смогу выделять каждому желающему.

— Пусть пару дней посидят, а там видно будет, — согласился я. — Слава богу, интернет есть, найдут чем заняться. Дети могут погулять во дворе, но ни шагу за периметр, обстановка жуткая — я кивнул на монитор, где застыла картинка с изображением одетого в черное боевика.

— Как скажете, — согласилась девушка. — Так когда будут продукты?

Я посмотрел на Гордеева.

— Я не могу отлучиться сейчас, надо дождаться потенциальных сотрудников, — покачал головой он. — Могу дать джип и двоих бойцов в качестве охраны.

— Тогда пусть Виктор едет, — решил я, открывая сейф и доставая из сумки с деньгами несколько пятидесятиевровых купюр. Отметив это в толстой тетради, служившей мне гробом, я закрыл дверцу и передал деньги Лике. — Для нас тоже сообрази что-нибудь...

— Я уже написала, — она ткнула пальцем в список. — Посмотришь?

— Доверюсь тебе, — покачал головой я.

— Ну смотри, потом не жалуйся, — усмехнулась она, кидая деньги в коробку. — Я пошла?

— Давай, — я чмокнул Лику в губы, и она плотно закрыла за собой дверь.

— Третий, я первый, как принимаешь, — проговорил в рацию Дима, вставая и подходя к окну.

— Здесь третий, принимаю чисто, — откликнулась шипящая коробочка.

— Готовь «паджеро» и двойку, выезд за периметр. С вами завхоз, как понял?

— Понял, «паджеро» и двойку на выезд. Какой маршрут?

— Ближайший торговый центр, еще вопросы?

— Нет вопросов, конец связи.

— Что кроме генераторов? — Вернулся к нашим делам Гордеев, усаживаясь обратно на стул.

— Надо делать запасную D-матрицу на всякий случай, — подумав, ответил я. — Нудная и длительная работа. С прошлой мы почти полгода возились. Неизвестно, сколько она проработает.

— А что тебе для нее надо, — поинтересовался он.

— До хрена всего, — пробормотал я. — Причем многое надо заказывать по всему миру. Не представляю, как теперь это организовать.

— Будем думать, — кивнул Гордеев, что-то отмечая в блокноте.

Завибрировал телефон. Я взял трубку в руки и открыл пришедшее сообщение. Ольга.

«Петя, пожалуйста!!! Родители молчат, я места себе не нахожу!!!»

— Дим, мне надо будет до Иманты доехать сегодня. Ольгины родители не отвечают, она мне всю плешь проест. Надо проверить, что там и как.

— Хорошо, — кивнул он. — Виктор вернется, возьмешь троих бойцов, стоняешь. Только сам не лезь никуда, пусть Сергей все проверит сначала.

— Да понял я, понял, — я нажал «ответить» и набил:

«Через пару часов скатаюсь к ним, потом отзвоню».

Глава двадцать первая. Визит к бывшей теще

Выскочив на Мукусалас, джип резко набрал скорость. Для конца рабочего дня машин было слишком мало, людей на улицах совсем не было видно. Другие признаки того, что не все в порядке в «датском королевстве» удалось заметить при подъезде к Каменному мосту — из разбитой витрины магазина бытовой техники четверо мужиков, не торопясь, вытаскивали какие-то большие коробки.

— Мародеры, похоже, — хмыкнул Сергей, поправляя автомат, лежащий у него на коленях. Он сидел рядом с водителем — подтянутым мужиком лет пятидесяти, которого все звали Михалыч. Рядом со мной расселся Игорь, набивая магазин автоматными патронами из небольшой сумки, которую, перед тем, как сесть, закинул в машину. Рожок он готовил для меня, хотя прямо выразил сомнение, что мне удастся его заменить со своей загипсованной рукой. На самом деле я мог — перед тем как выехать, потренировался — пострелял в подвале, где Дима оборудовал какое-то подобие тира на скорую руку. Стрелок сейчас из меня был хреновый — прижать приклад к плечу не получалось и поддержать ребят, если что, я мог только беспокоящим огнем от живота. Гордеев даже снял автомату приклад, что сделало его немного удобнее в моей нынешней ситуации. Кроме того, пострелял я и с пистолета, левой рукой. Плохо получилось — метров с пяти еще куда-то попадал, а с большей дистанции с меткостью было совсем никак. После стрельбы разболелась рука и пришлось заглотить первое на сегодня обезболивающее.

— ... в интернете появились сообщения, что группы быстрого реагирования войск

НАТО вошли на территорию Литвы и Эстонии и быстрым темпом приближаются к границам Латвии, — сообщило радио и Михалыч сделал погромче. — В отличие от нашей страны, правительствам соседних стран удалось сохранить контроль над ситуацией и ввести военное положение, о котором с разницей в один час сегодня утром объявил президент Литвы и премьер-министр Эстонии. По сообщению агентства «Рейтер», теракты в этих прибалтийских странах не были столь разрушительными — неизвестные террористы произвели лишь несколько взрывов на транспортных коммуникациях. Однако нападений на государственные органы и убийств политиков ни в Литве, ни в Эстонии зафиксировано не было. В связи с введением военного положения, границы Литвы и Эстонии со стороны Латвии были полностью перекрыты. Так же наши слушатели сообщили, что и Россия полностью закрыла въезд на свою территорию на пограничных пунктах Терехово и...

— Как всегда, мы в самой жопе, — прокомментировал услышанное Сергей.

— Странно все это, — проговорил Михалыч, притормаживая перед красным сигналом светофора. — Если ГБР высадилась в Эстонии, почему они прямо у нас не десантировались? И где тот контингент, который тут был?

Никто не ответил.

Машина проехала под виадуком, ведущим на Вантовый мост и перестроилась в левый ряд. На дорогах по-прежнему было пусто. Свернув налево мы проехали мимо кладбища и перед выездом на Слокас, Михалыч вдруг резко затормозил. Прямо посреди дороги виднелся сгоревший остов машины. Судя по очертаниям, это когда-то был «мерседес». Его явно обстреляли, в обгоревшем корпусе отчетливо виднелись характерные пробоины. Судя по всему, нападение произошло недавно — от машины еще поднимался дым. В салоне, на передних задних сидениях были видны обуглившиеся трупы.

— Твою мать! — Выразил я свое отношение к случившемуся.

— Гони по тротуару! — скомандовал Сергей, выставляя ствол автомата в открытое окно. То же самое со своей стороны сделал Игорь.

Джип подскочил на бордюре и, вырвав на Слокас, ускорился.

— Остановился на красный свет, там его и зазвиздили, — прокомментировал Сергей. — Нам наука, кстати. Михалыч, где можешь — едь на красный.

— Понял, — проворчал водитель, заворачивая налево и снова нажимая на газ так, что меня вдавило в спинку сидения.

— На номере буквы «МК», — заметил Игорь. — Кто-то из правительства^[40]. Видать, специально поджидали.

— Неа, скорее ехали сзади, — не согласился Сергей. — А после остановки обошли сбоку и ударили из нескольких стволов.

Иманта, один из крупнейших жилых районов в Пардаугаве словно вымер. По дороге к дому Ольгиных родителей я заметил не больше десятка прохожих, которые чуть ли не перебежками двигались от дома к дому. Машин на улицах было больше, но все равно слишком мало для обычного дня.

— Здесь налево и туда, во двор, — показал я Михалычу дорогу. А вот во дворе машин было очень много, с местом для парковки вырисовывалась проблема. Рядом с тещиным домом людей не было совсем. И машины Ольгиных родителей тоже не наблюдалось.

— Все по домам сидят, — прокомментировал Сергей. — Ты прямо здесь приткнись, — он показал на середину дороги, — мы сходим на разведку. Этот подъезд?

— Да, — кивнул я, вставляя рожок в автомат и неуклюже передергивая затвор. —

Четвертый этаж, сорок восьмая квартира.

— Посидите пока в машине, мы осмотрим окрестности, — сказал Сергей, выходя наружу. Игорь тоже выбрался через свою дверь, поправляя гарнитуру рации у себя на голове. Я последовал его примеру, чуть сместив пластиковый «крокодил», с помощью которого к бронежилету был прикреплен микрофон. — Первый, вызывает четвертый, как принимаешь?

— Первый на связи, принимаю чисто, — послышалось в наушнике.

— Мы на месте, занимаемся по плану.

— Вас понял, успехов.

— Конец связи, — закончил доклад Сергей, что-то показав Игорю рукой.

Михалыч взял «ксюху», лежащую между сидениями и щелкнул предохранителем, положив автомат на колени. Сергей, оглядываясь, медленно подошел к нужному подъезду, взял автомат на изготовку и остановившись, присел рядом с дверью, не входя внутрь. В штатовском цифровом камуфляже и серой разгрузке, он сливался с асфальтом и стеной дома, став почти незаметным. Игорь, в такой же форме, тоже оглядываясь, подошел к углу дома и исчез за ним. Через мгновение ожил наушник.

— Пятый вызывает Доктора.

— На связи, — откликнулся я, вспомнив, что «Доктор» — это был мой позывной.

— Какие по счету окна тещи?

Я задумался, вспоминая.

— Вроде третье и четвертое с угла, ну и лоджия.

— Занавески на месте, четвертое окно приоткрыто. Больше ничего подозрительного не наблюдаю.

— Возвращайся, будем входить, — велел Сергей. Перед тем, как отправиться сюда, они с Димой подробно, раза четыре, проговорили мне порядок действий. Как маленькому ребенку, честное слово.

Спустя десяток секунд Игорь появился из-за угла. Один за другим бойцы зашли в подъезд.

Ненавижу ожидание. Через минуты две, которые показались чуть ли не часом, рация голосом Сергея пробормотала:

— Доктор, поднимайся. Седьмой, глянь там, чтоб он до подъезда без приключений добрался.

— Есть, прикрою, — ответил Михалыч.

— Понял, иду, — отозвался я, выходя из машины. Михалыч тоже выбрался из своей двери, проведя по сторонам стволом автомата. Я пересек двор быстрым шагом, юркнул в подъезд и, чуть ли не бегом, поднялся на четвертый этаж. Дверь квартиры, где жили Ольгины родители была закрыта. Рядом с ней стоял Игорь, закинув за спину автомат и держа в обеих руках знакомую мне «беретту». Сергей расположился с другой стороны, направив приклад «ксюхи» в сторону двери. Когда я оказался рядом, он отодвинул меня в сторону себе за спину и надавил на звонок. Трель мелодично зазвучала где-то внутри. Некоторое время ничего не происходило, но затем в квартире послышались шаги. Сергей еще раз надавил на кнопку. Шаги приблизились и раздался приглушенный мужской голос.

— Кто там?

Сергей вопросительно посмотрел на меня. Я пожал плечом — может и тесть, трудно сказать.

— Михаил Палыч, это я, Петр. Ольга просила заехать, проверить, все ли с вами е

порядке, — громко сказал я, как мы договорились. Игорь присел перед дверью, так, чтобы его не было видно в глазок. Послышался щелчок замка, а то, что произошло дальше, я смог осознать лишь некоторое время спустя.

Дверь резко распахнулась, будто с той стороны кто-то ударил ее ногой. В ответ Сергей молниеносно стукнул прикладом автомата силуэт в проеме и прыгнул вперед, за ним следом ломанулся Игорь.

— Всем лежать, работает спецназ!!! — Заорал он.

Грохнули два пушечных выстрела, в ответ отозвалась короткая автоматная очередь и чуть погодя еще одиночный. Я прижался к стене, выставив перед собой ствол «ксюхи» и ошарашено глядя на здорового мужика, лежащего на спине прямо за дверным проемом. Через мгновение рядом вновь появился Игорь и наклонился, подобрав с пола валявшийся там «зиг-зауэр». Сунув пистолет себе в карман, он одним движением перевернул мужика на живот, завел ему руки за спину и защелкнул на запястьях наручники. Потом взял его за шиворот, резко втянул в глубь квартиры и в ответ на раздавшийся стон, высказался:

— Будешь шуметь, пристрелю на х... — Глянув на меня, хмыкнул и, мотнув головой, проговорил с пародией на кавказский акцент. — Захади, дарагой, чего в дверях стоишь, гостем будешь!

Пройдя внутрь, я закрыл за собой входную дверь и огляделся. За полгода, что я тут не был, в обстановке ничего не изменилось. Из двери большой комнаты показался Сергей, на его левом плече, как раз по краю разгрузки, расплывалось кровавое пятно.

— Задел меня, сука, — пояснил он, закидывая автомат за спину. — Больше никого нет, только эти двое. Надеюсь, это не твой тесть?

Пройдя в комнату, я увидел на полу труп мужика в джинсах и синем свитере с заплатками на локтях и плечах. Одежда на груди была разорвана, вероятно от попадания автоматной очереди. Вокруг головы убитого расплылось кровавое пятно, а прямо во лбу, чуть левее центра виднелось входное отверстие от контрольного выстрела. Рядом с телом валялся тридцать первый «глок». Сглотнув, я вернулся в коридор.

— Первый раз его вижу.

— И последний, — хмыкнул Сергей, дотрагиваясь до микрофона. — Первый, как принимаешь? Здесь четвертый.

— Чисто принимаю, — мгновенно отозвался Дима.

— На объекте была засада. Два бойца, одного взяли, один двухсотый. Меня чуть зацепило, но не критично. Тестя и тещи на месте нет, как понял?

— Понял, помощь нужна?

— Никак нет, — поморщился Сергей — Игорь, срезав ножом рукав кителя, накладывал ему повязку. — Приберемся здесь и выезжаем. Конец связи, — и, отпустив микрофон, добавил, — коновал, млять!

— Ну извини, — хмыкнул Игорь. — Промедола вколоть?

— Потерплю, — отказался Сергей, глянув на меня. — Посмотри здесь, может следы какие остались, где их искать? И мешки мусорные глянь, труп надо забрать, а то без них всю машину загадим.

— Хорошо, — согласился я, разворачиваясь и возвращаясь в комнату. Не сказать, что в квартире сохранился порядок, но и особого бардака не было — так, место, где некоторое время жили и не прибирались. Я не знал, где Ольгины родители хранили документы и деньги, заглянул в пару мест на секцию и в шкаф, но ничего не нашел. На кухне в раковине

лежала грязная посуда, в холодильнике довольно много продуктов, но тоже нигде не было чего-то особенного. Мешки, к сожалению, найти не удалось, но зато я нашел целый рулон полиэтиленовой пленки, в который ребята и завернули труп. Пока я рыскал по жилищу, Сергей с Игорем вывели пленного, а затем вместо Сергея в квартиру поднялся Михалыч, который помог вытащить тело. Спустя несколько минут Игорь вернулся за мной.

— Откуда пленка? Может у твоего тестя дача есть? — Спросил он, затирая мокрой тряпкой кровь в комнате.

— Дачи нет, так, кусок земли, где они огород держат. Там даже сарая нет.

— А машина у них есть?

— Есть, — кивнул я. — Старенький «гольф», стоит под домом обычно. Но сейчас его не видно.

— Ну тогда поедem посмотрим на огороде, — ответил он, включая воду в ванной и полоща тряпку. — Только сначала вернемся на базу, надо этого допросить — какого хрена они тут делали?

— А что он, молчит? — спросил я, оглядывая еще раз комнату.

— Да, мля, героя из себя корчит. Но ты за это не переживай, Георгич умеет языки развязывать. Пошли, — сказал он, закрывая воду и вытирая руки полотенцем.

— Хреново убрались, — заметил я, взяв ключи от квартиры, которые я нашел на комодe в коридоре.

— Сейчас времени нет, — ответил Игорь, подходя к двери. — В любой момент могут приехать этих менять. Не будем нарываться. Позже заедem, приберемcя как следует.

— Ладно, — согласился я, пропуская Игоря на лестничную клетку и закрывая дверь на ключ. — Пошли...

Глава двадцать вторая. Жук

Уже седьмую минуту я сидел за столом, глядя на телефон и не решаясь набрать Ольгин номер. Как Игорь и обещал, Гордеев быстро расколол пленного. Я сам в подвале не присутствовал, но приглушенные крики были слышны даже на втором этаже. Спустя полчаса после того, как они затихли, в центральную лабораторию, где мы с Даней и Анцисом обсуждали план дальнейших исследований, зашел Дима, и предложил уединиться в кабинете.

— Короче так, — начал он, плотно прикрыв за собой дверь. — Этот боец — сотрудник охранной фирмы «Ригас сарги».

— Млять! — Выругался я. — Что им понадобилось в квартире Ольгиных родителей?

— А как ты думаешь? — Невесело усмехнулся Гордеев, подходя к окну. Растерев ладонью лицо, я опустилcя на стул.

— Меня ждали?

— Нет. Ждали твою бывшую, чтоб взять ее с дочерью, а потом уже через них выйти на

тебя.

— А где же тогда тесть с тещей?

— Ингус, так зовут нашего пленного, сказал, что их увезли к «саргам» на базу. На всякий случай.

— Мало нам было проблем, — пробормотал я, вставая и тоже подходя к окну. — Мы сможем их оттуда вытащить?

Дима повернулся ко мне и несколько секунд, не мигая, смотрел мне в глаза. Хотелось отвести взгляд, но я удержался, почувствовав каким-то внутренним, интуитивным чувством — нельзя.

— Ты здесь босс, — в конце концов сказал он, снова посмотрев в окно. — Но я тебя хочу предупредить — штурмовать сейчас базу «саргов», да так, чтобы вытащить живыми заложников, это не квартиру проверить. У меня толковых людей — из спецназа — всего четверо. Остальные, в лучшем случае, могут лишь стрелять в том направлении, куда я пальцем ткну. Хочу напомнить, что «Ригас сарги» — большая охранная фирма, три десятка человек, как минимум, своя тренировочная база, где они, как понимаешь, не только водку жрут, — Гордеев замолчал, давая мне возможность обдумать услышанное. — Если еще взять во внимание то, что они, как и все сейчас, на взводе...

— Это неправильный разговор, — оборвал я его, развернувшись к нему всем корпусом. В груди разгорелся маленький клубочек ярости. — Ты мне сейчас рассказываешь про проблемы. А мне нужны решения. Найди людей! Где наш, латвийский спецназ? Группа «омега»? Неужели, всех «черные» замочили? С Семенычем свяжись, пусть подскажет концы. Хочу тебе напомнить, что у нас есть, чем людям платить. Так займись немедленно, а не плачь мне тут про неразрешимые задачи!

Дима некоторое время удивленно смотрел на меня, а потом улыбнулся, продемонстрировав морщинки вокруг глаз.

— Ну наконец-то я лидера увидел, — хмыкнул он, наклонив голову на бок и рассматривая меня, словно какое-то чудное животное. — А то уж мысли возникли, с чего это ты пятьдесят один процент захапал?

Нащупав левым локтем рукоятку пистолета, я, усилием воли, подавил в себе темные желания. А как ты хотел, проснулся внутренний голос. Тебе кто-то обещал, что будет легко?

— Ну раз тебе нужен лидер, то буду соответствовать, — ухмыльнулся я, убедив себя, что это Гордеев неудачно пошутил. — Завтра к утру подготовь план операции. Подробно и конкретно. Когда, как и какими средствами мы будем их вытаскивать.

— Ладно, подготовлю, — кивнул он, становясь серьезным. — Если они живы, конечно.

— Не понял? — Я вопросительно посмотрел на него.

— С точки зрения «саргов» не вижу смысла оставлять их в живых. Заложников забрали, чтобы выманить Ольгу. На нее они тебя собирались ловить. А сами старики — обуза и расходный материал. С высокой вероятностью, их обоих уже прикопали где-то в лесу. Я бы именно так и поступил.

Несколько секунд я обдумывал его слова. Потом вздохнул и кивнул.

— Тогда я хочу это знать точно. Давай, Димыч, работай... — Хлопнул я его по плечу здоровой рукой.

Он кивнул и собрался выйти за дверь, но вдруг остановился и снова развернулся ко мне.

— Кстати... А зачем Моргунов ищет свою падчерицу?

Я непонимающе взглянул на него.

— Я ж тебе рассказывал...

— Да, да, я помню, — Гордеев поморщился. — Но сейчас ситуация изменилась. Если он просто любитель малолеток, то на улице сейчас сможет набрать себе целый гарем... Зачем ему Лика?

— Не знаю, — пробормотал я, задумавшись. — Может, дело принципа? Люди пропали и погибли, сам говорил, такое не прощают.

— Не думаю, — покачал головой Дима. — Тогда он бы работал иначе. Тут что-то другое... Подумай над этим.

— Хорошо, подумаю.

Гордеев вышел, а я положил телефон на стол и попытался заставить себя набрать Ольгу. Наконец, собравшись, открыл контакты и нашел строку, которая раньше называлась некоторое время назад переименовал в «Бывшую».

— Алё, — ответила она на четвертом гудке.

— Привет, — поздоровался я.

— Привет, ну? — поторопила она меня.

— Не «нукай», я тебе не лошадь! — Вдруг разозлился я. — Был я у твоих, нет там никого. И машины нет, — сообщил я ей полуправду. — Уехали они куда-то.

Она помолчала несколько секунд, видимо что-то обдумывая.

— Петь, а можно мы домой прилетим? — Вдруг тихо, совершенно несвойственным для нее тоном, проговорила Ольга. — Я обещаю, что не буду тебя доставать...

— Во-первых, как? — Немного ошарашенный ее спокойным голосом, проговорил я, хотя собрался было наорать и обозвать дурой. — Аэропорт не работает. Во-вторых, тут творится черти что...

— Я узнала, — продолжила она. — До Вильнюса завтра самолет летит. Там есть места, нас с Дашкой могут взять. Петь, я... Я не буду обузой, но пожалуйста, давай мы вернемся, я очень переживаю за своих... Даше тоже здесь надоело, она домой хочет.

Не будет обузой, как же. Но с другой стороны, будь Даша здесь, в «Цитадели», мне было бы спокойнее. И бойца одного вернем...

— Я подумаю и перезвоню тебе. Через час.

— Хорошо, — покорно согласилась она и отключилась.

Кто-то осторожно постучал в дверь.

— Заходи, Рыжик, — проговорил я, почувствовав, что как потеплело в груди. Этот стук я уже стал узнавать — робкий такой, чуть неуверенный, но в то же время достаточно целеустремленный. В этом она вся. Еще забавно было смотреть, как Лика заходит в кабинет — каждый раз она это делала так, словно тут ее ждала какая-то неожиданность. Глазища, обежав помещение, остановились на мне.

— Петь, ты занят? Там тебя Данила зовет.

— Ага, идем, — кивнул я, подходя ближе и взяв ее за руку.

Возле входя в лабораторию теперь стоял постоянный пост — рядом с дверью, за небольшим столом сидел охранник с автоматом — сейчас это был Павел. При нашем приближении от молча открыл ящик стола, куда мы положили телефоны. Я надавил на кнопку домофона, глянув в камеру, которую сегодня с утра повесили над дверью. Щелкнул замок, и мы вошли внутрь.

— Я готов попробовать стать творцом, — усмехнувшись, сообщил Данила, как только дверь за нами захлопнулась. Вытянув руку перед собой, он продемонстрировал мне

прозрачную пластиковую коробочку с большим черным жуком, который нехотя шевелил лапами и длинными усами. Лица, при виде насекомого передернулась и отступила на пол шага назад.

— Не богохульствуй, — хмыкнул я, разглядывая содержимое коробки. — Где ты его взял?

— Во дворе нашел, под камнем, — улыбнулся Данила, поворачиваясь к Анцису, который сидел за пультом управления и стучал пальцами по клавиатуре. — Anči, kā tev iet?

— Es esmu gatavs,^[41] — ответил он, разворачиваясь со стулом к нам.

— Может его как-то обездвижить? — Спросил Данила. — А то вдруг двинется в момент копирования.

— Двойка тебе за теорию, — хмыкнул я, забирая их его рук коробку и водружая ее на полку. — Момент снятия характеристик предмета идет по срезу времени. Как фото — на картинке ты видишь то изображение, которое было в момент открытия диафрагмы.

— Но смазанные фотографии тоже бывают, — пробормотала Лица, с некоторой опаской глядя на жука, который безуспешно пытался выбраться из прозрачной тюрьмы.

— Все зависит от скорости работы диафрагмы, — пояснил я. — В фотоаппарате она открывается на какое-то время. Если за это время картинка меняется — получается расплывчатая фотография. А здесь у нас матрица считывает параметры D-поля предмета, так сказать, в нулевой момент времени. Как будто диафрагма открылась на бесконечно малый отрезок секунды...

— Ты не умничай, ты пальцем покажи, — хмыкнул Данила, кивая Анцису.

— Я поняла, — кивнула девушка, поворачиваясь к синтезатору.

Анцис нажал на кнопку и громкий щелчок задвижки заставил нас посмотреть на место материализации. Над полочкой образовалась небольшая марь, из которой возникла уже знакомая коробка с жуком внутри. Мы все впились глазами в насекомое, которое застыло без движения.

— Не двигается... — прошептал Данила, прокомментировав очевидное.

— Он умер? — Пробормотала Лица, демонстрируя на лице гримасу, в которой одновременно можно было прочесть брезгливость и жалость.

— Не знаю, — почесал я в затылке, беря в руку синтезированную коробку и вглядываясь в жесткокрылого.

— Надо открыть, пошевелить его, — посоветовал Даня.

— Пошевелим, — согласился я, кидая взгляд на прототип. Прожук не оставлял попыток выбраться из пластиковой тюрьмы. Я легонько потряс коробку, но скопированное насекомое не подавало признаков жизни. Чуть сжав пластик пальцами, я открыл крышку и вывалил жука на стол. Членистоногая тварь словно ждала этого момента: насекомое вдруг дернуло всеми своими лапами одновременно и, резко рванув с места, побежало по столу в сторону Лици. Девушка с визгом отшатнулась назад, мгновенно запрыгнув на вращающийся стул. Тот опасно накренился в сторону, Данила дернулся, пытаясь его удержать, споткнулся о провод удлинителя и с грохотом полетел на пол. Стул упал следом, а Лику мне удалось подхватить лишь в самый последний момент, когда она почти уже грохнулась в образовавшуюся на полу кучу малу. Жук благополучно дополз до края стола, где невозмутимый Анцис подтолкнул его пальцем в новую пластиковую коробку и защелкнул крышку.

— Сколько раз мне надо повторять, — проговорил я, после того, как поставив Лику на пол и вытер слезы, выступившие от смеха. — Никогда не оставляйте провода удлинителей

тянуться через рабочее пространство.

— Поймали его? — Испуганно спросила девушка, почему-то прячась за моей спиной.

— Рыжик, он совершенно безвреден, — хмыкнул я, кивая на коробку в руках Анциса. —

И вновь заточен в камеру.

— Вполне живой жук, активный, — сообщил Анцис, сравнивая насекомое в коробке с прототипом. — Не вижу отличий.

— А их и не должно быть, — пробормотал Даня, потирая ушибленное колено и поднимая стул. — Имеет ли смысл везти крыс и морских свинок?

— Крыс? — Переспросила Лика, поморщившись.

— Да, я попросил Виктора доехать завтра до зоомагазина и привести нам кого-нибудь, — ответил я, обнимая за ее талию. — Конечно имеет! Жук — это жук, а млекопитающие — это совсем другое. Почему он ожил не сразу? Что будет с крысой, свинкой?

— А зачем это надо? — Спросила Лика. — Мы что, будем крыс копировать и продавать?

— Мы будем людей копировать, — хмыкнул вдруг Данила, убирая провод от удлинителя в сторону.

— Зачем это? — Подозрительно спросила девушка, поднимая на меня свои глазищи. — Разве людей вокруг не хватает? Это ж клоны будут!

— Некоторые ценные экземпляры трудно найти, не грех и размножить, — хмыкнул я, демонстративно оглядывая ее с ног до головы. — Правда, до этого нам еще далеко. Но представь, какие открываются возможности!

Девушка покачала головой, улыбнувшись, чем показала, что оценила долю шутки. И машинально достала сигарету из пачки. Данила поморщился и, подойдя к стене, включил вытяжку. Он терпеть не мог сигаретного дыма.

— Можно я покурю? — Вдруг спохватилась Лика, глянув на меня.

— Можно, — разрешил я.

— Курить — здоровью вредить, — проворчал Даня, но не стал оспаривать моего решения. Анцис тем временем, засунув жуков в террариум, специально установленный здесь еще утром, разобрал большую картонную коробку, на которой синим фломастером было начертано: «для копирования». Помимо пачки макарон и спагетти, там обнаружили килограммовые пакеты с сахаром, солью, несколько видов круп, баночки с пивом и газировкой. На самом дне, в дорогах на вид коробках, лежали четыре бутылки коньяка и несколько бутылок различных вин.

— А как же сухой закон? — Спросила Лика, увидев выпивку и выпуская дым в сторону вытяжного шкафа,

— После работы можно, — ответил я, рассматривая бутылку. Коньяк я любил и сам попросил Виктора Ивановича купить несколько сортов подороже. — Прodeгустируем вечером?

— Я такой еще не пила, — неопределенно ответила девушка.

Трель звонка раздалась так неожиданно, что я вздрогнул. На экране, висевшем возле двери и транслирующим происходящее за ней, возникло лицо Гордеева. Подойдя ближе, я открыл замок и потянул за ручку.

— Заходи!

— Неа, — он кивнул головой, предлагая идти за ним. — Пойдем, ты должен это видеть!

— Пойдем, — согласился я, передав бутылку Анцису. Что там еще за «сюрприз»?

Глава двадцать третья. Анархия — мать порядка

Рабочее место, которое с некоторыми оговорками можно было назвать кабинетом, Гордеев оборудовал рядом с караулкой — небольшое помещение раньше, вероятно, служило местом для отдыха охранника, дежурившего здесь круглосуточно. Кроме письменного стола, на котором разместился ноутбук, небольшого шкафа и здорового сейфа, в углу на небольшой тумбочке стоял телевизор, постоянно включенный и настроенный на новостные каналы. Возле стены, на низком двухместном диване сидела миловидная блондинка лет тридцати, которую Дима вчера представил мне как свою помощницу по имени Светлана. В отсутствие Гордеева, девушка выполняла функции диспетчера и постоянно следила за новостями, которые транслировались по телевизору или появлялись в интернете.

— Вот, крутят постоянно, уже третье повторение, — сообщила она и показала на экран, стоило нам войти внутрь. Там широкоплечий мужик в знакомой черной форме, с прикрытым черной маской лицом зачитывал текст на латышском языке. По нижнему краю экрана бегущей строкой давался перевод на русский.

— ...нашему терпению пришел конец. Огромная армия чиновников, которые кормились с наших налогов и рассаживали своих родственников на хлебные места в советы при государственных предприятиях, являлись паразитами на теле общества. Разграбив страну с помощью придуманных ими коррупционных схем, эти люди продали нашу независимость Евросоюзу, отрекшись от всего, на чем веками держалась латышская самобытность. Пользуясь поддержкой США, эта, так называемая «элита» стравивла нас с русскоязычными, с которыми мы веками мирно уживались на одной земле. Подвесив перед народом, словно морковку перед ослом, идею «национального государства», эти люди разрушили промышленность и сельское хозяйство, поставив население страны на грань нищеты и вынудив латышей покидать родные дома, уезжая в эмиграцию. Без уничтожения этой заразы невозможно было истинное освобождение латышского народа, и кто-то должен был это сделать. Мы, комитет национального спасения, взяли на себя эту кровавую работу. Отдавая себе отчет в том, что если позволить государству существовать в дальнейшем, на место уничтоженных паразитов придут другие, мы решили полностью демонтировать государственные структуры и со всей ответственностью заявляем — мы не допустим их возникновения в дальнейшем. С этой минуты мы объявляем — Латвийского государства больше не существует!

Оратор взял со стола, за которым он сидел, стакан с водой и сделал несколько глотков.

— Мы призываем вас, дорогие сограждане, поддержать наше начинание. Вам больше не нужно платить налоги, получать лицензии или согласовывать свои действия с государственными структурами — их больше не существует. Любая деятельность теперь является законной, потому что закона отныне нет. Однако, отдавая себе отчет в несовершенстве человеческой природы, мы призываем охранные фирмы взять на себя такие

функции, как обеспечение общественного порядка и безопасности людей, естественно, на коммерческой основе. Мы заявляем, что будем внимательно следить за этим процессом, чтобы ни одна из таких организаций не посмела на себя взять какие-либо иные функции государства. Также мы призываем образовательные и медицинские государственные учреждения немедленно перевести свою деятельность на коммерческие рельсы. Со всей ответственностью заявляем, что арестованная нами государственная касса будет использована для формирования частного пенсионного фонда. Все пенсионеры, живущие сегодня на территории Латвии, продолжат получать пенсию, однако, прочие жители должны будут заключить договор с этим или каким-либо другим частным пенсионным фондом или банком. Полные наши рекомендации, как действовать в условиях отсутствия центральной власти опубликованы на нашем сайте: три дабл ю, брива-латвия точка эл вэ.

«Черный» снова сделал глоток воды и продолжил.

— Особо мы бы хотели предупредить власти ЕС, России, Соединенных Штатов, а также соседних стран. Не лезьте к нам! Да, у нас нет регулярной армии, однако достаточно сил, чтобы устроить кровавую партизанскую и террористическую бойню. Прежде чем принять решение о вводе войск, подумайте — зачем это вам нужно?

Оратор исчез, а на вместо него, прямо по центру экрана высветился адрес названного им сайта.

Растерев руками лицо, я оперся пятой точкой на стол и воззрился на Диму.

— Что скажешь?

— Что скажу... — Гордеев пожал плечами, почесав нос. — Ребята начитались анархистской литературы, нашли спонсора и устроили в стране звездец локального масштаба.

Светлана развернула к нам монитор ноутбука, на экране которого был открыт названный террористом сайт.

— Спасибо, Света, — кивнул ей Гордеев. — Позже почитаю.

— Ну, это очевидно. Нам то что теперь делать, как думаешь? — Спросил я его.

— Думаю, что это выступление ничего не меняет, — он подошел к шкафу, открыл створку и взял с полки бутылку минералки. — Будешь? — Я покачал головой. Открыв крышку, Дима подождал пока выйдут пузырьки и глотнул прямо из горлышка. — Я предлагаю работать по плану: наращиваем силы, создаем полноценную... хм... структуру, прости за каламбурчик, — усмехнулся он. — Когда будет достаточно сил, купим или просто заберем территорию побольше, обеспечим охрану периметра и будем добро наживать, прямо как в сказке.

— Ага, в страшной, — хмыкнул я и в этот момент зазвонил мой телефон. Решив, что это звонит Ольга, я не глядя провел пальцем по экрану и поднес аппарат к уху. — Алло?

— Алло, — послышался в трубке чуть хриловатый, властный мужской голос.

— Я вас слушаю, — в некотором недоумении ответил я.

— День добрый. Я говорю с господином Мечниковым? — Поинтересовался звонивший.

— Именно, — ответил я, с интересом прислушиваясь к интонациям.

— С вами говорит некий господин Моргунов. Слышали про такого?

Я почувствовал, как по спине пробежали мурашки и внутренне собрался. Дима, непонятно как почуявший мое состояние, показал пальцем на телефон, на свои уши и обвел ладонями некую область пространства, показывая, чтобы я включил громкую связь, одновременно указав Светлане на дверь.

— Слышал, — нейтрально ответил я, и нажал на кнопку с нарисованным динамиком.

— Это хорошо, что слышали, — с некоторой иронией продолжил он. — Насколько я знаю, где-то недалеко от вас находится моя падчерица. А у меня тут, — он сделал паузу, — в гостях люди, которых вы знаете, — местоимение «вы» Моргунов выделил голосом. — Мне кажется, пришло время нам поговорить. Решить, так сказать, накопившиеся вопросы и противоречия.

Дима кивнул, показывая, чтобы я соглашался, схватил прямо из принтера листок бумаги и начал на нем что-то быстро писать.

— Да, хорошо, думаю, поговорить действительно было бы полезно, — сказал я, глядя на надпись, сделанную Гордеевым: «Дай мне договориться о встрече». — Я дам трубку моему человеку, он будет заниматься организацией нашей беседы.

На том конце хмыкнули.

— Ах, вот как? Ну, хорошо. Тогда, прежде чем наши люди станут решать маленькие технические вопросы, я бы хотел поговорить со своей падчерицей.

— Я передам ей о вашем желании, — хмыкнул я. — Если она захочет, она обязательно вам перезвонит.

— Тогда передай ей, — в голосе Моргунова появились недовольные нотки. — Что завтра похороны ее матери. И если она не собирается их пропускать, пусть все же мне позвонит.

— Передам, — пообещал я.

— Тогда, всего доброго, — с явной иронией пожелал он. — Передаю трубку своему человеку.

— И вам того же, — не остался в долгу я, кивая Диме. Тот взял телефон и, отключив громкую связь, поднес его к уху.

— Я слушаю... Дмитрий меня зовут... Да, знаю... Нет, это неприемлемо!.. Нет... Я вообще предлагаю поговорить по скайпу... Да... Да ладно, кто мешает нам принести диктофон на встречу?.. Ах, хочет в глаза посмотреть, — Гордеев усмехнулся. — Ну, за желания надо платить, в том числе и безопасностью... Нет... Нет, так мы не договоримся... Это вы, наверное, что-то не понимаете, это БЫВШИЕ, — Дима выделил слов интонацией, — тесть и теща и моему шефу сейчас плевать на них. Именно... Это не наши проблемы... Хорошо, я представлю свои предложения к вечеру. Записываю, — Гордеев взял ручку и написал на листе несколько цифр. — Да, сам перезвоню.

Он отключил телефон и передал мне трубку.

— Не говори Лике про похороны.

— Но я обещал, — дернул головой я.

— Петь, не надо, — ответил Дима, недовольно глядя на меня. — Это ловушка, сто процентов. На том конце профи, по повадкам бывший мент и не из простых.

— Ладно, не скажу, — вздохнул я. — Но надо будет узнать, где она похоронена, и съездить туда потом.

— Это можно, — согласился Гордеев, забивая себе в телефон номер с листа. — К вечеру я придумаю, как вы будете встречаться. И кстати, все это очень странно. Я уже говорил тебе... Мне так и непонятно, зачем она ему нужна. Может девочка что-то знает?

— Почему ты так думаешь?

— Потому что «Сарги» уже семерых потеряли в погоне за ней. Теперь он сам тебе звонит и предлагает встретиться. И это сейчас, когда каждый человек на счету, а впереди

большие дела у любой охранной фирмы. Что-то тут не так. Поверь мне, девчонка — не тот приз, ради которого следует так переть буром, даже если там родственные чувства... А Моргунов — ни разу не романтик, вроде тебя. Тут что-то другое...

— Спасибо, — усмехнулся я.

— А что, надо называть вещи своими именами, — пожал плечами он.

— Что делаем с Ольгой? Возвращаем?

— Да, пожалуй, надо возвращать, — Дима ненадолго задумался. — Не знаю, как ты здесь будешь разбираться со своими бабами, но я не могу больше держать одного из лучших своих бойцов на курорте.

Я вздохнул.

— И как мы это осуществим?

— Пусть летит в Вильнюс, есть у меня там один кореш толковый, встретит ее и поселит в гостиницу. А дальше решим по месту. Ну а ты переговори с Ликой, прямо сейчас. Если до вашей встречи мы узнаем, что действительно Моргунову от нее нужно, тебе самому будет проще на переговорах, — Гордеев допил свою воду и кинул пустую бутылку в мусорник.

— Давай вместе переговорим, — предложил я, выбирая в телефоне строчку «Бывшая». — Ты лучше знаешь, что спрашивать.

— Как скажешь, — кивнул Дима, подходя к двери и приотворив ее. — Света, заходи. Изучи сайт с этими «инструкциями», распечатай их и сделай толковую презентацию, вечером мне доложишь основные моменты...

Я вышел из кабинета и толкнул дверь, ведущую во двор. На улице было тепло. Заходящее солнце освещало молодую зелень оранжевыми лучами. Рядом с воротами, укрываясь за мешками с песком, в обнимку с автоматом сидел Игорь, разглядывая в бинокль видимый отрезок улицы Баускас. Я кинул взгляд на снайперскую позицию поверх ангара и снова ничего не заметил, кроме зеленых веток.

— Алло? — в трубке наконец прозвучал Ольгин голос.

— Привет еще раз, — буркнул я. — Если можешь, летите завтра в Вильнюс. Вас там встретят и поселят в гостиницу. А дальше решим, как вас в Латвию переправить.

— Ой, как здорово, — обрадовалась бывшая.

— Ничего здорового тут нет, — проворчал я, подставляя лицо солнцу. — Готовься безвылазно сидеть в помещении.

— Хорошо, — покорно ответила она. Я только головой покачал. — Тут с тобой Даша поговорить хочет.

— Давай, — оживился я. Через мгновение в трубке раздался звонкий голосок моего маленького чуда.

Глава двадцать четвертая. Моргунов

— Главное, не дергайся, — наставлял меня Дима, пока мы ехали на встречу. — Помни, что вас страхует снайпер. Единственное, что ты должен делать, если начнется замес —

бежать к машине. Быстро, зигзагами, как я показывал и без геройства...

— Да понял я, понял, — вздохнул я, ощущая левым локтем рукоятку пистолета. — А если у них тоже снайпер?

— Тогда ты об этом узнаешь, — Гордеев похлопал по чемоданчику с логотипом CPAS^[42], который стоял у него в ногах. — Сергей один такой уже развернул, а этот я установлю сбоку, чтобы контролировать фланг. Если кто-то появится во время встречи, я тебе сразу сообщу. В таком случае ты должен будешь переместиться так, чтобы быть на одной линии огня с Моргуновым. Там не меньше трехсот метров до возможной позиции, поэтому рисковать он не станет. Дальше мы перегоним джип, чтобы вы за ним укрылись, а за это время постараемся ликвидировать стрелка.

— А если они нашего снайпера засекут?

— Тогда встреча не состоится, потому что он уже там.

— Окей, — кивнул я, пытаясь справиться с нервной дрожью.

— Расслабься, — Дима похлопал меня по плечу и хмыкнул. — Вечно никто жить не собирается.

— Вот спасибо, успокоил, — фыркнул я в ответ, делая глубокий вдох.

— Михалыч, проедь чуть вперед, я выйду на кольце, — велел Гордеев, показывая рукой где надо остановиться. Водитель повернул на Мукусальский круг и притормозил под Островным мостом. — С богом, — бросил нам Дима, захлопывая за собой дверь.

Я поправил бронежилет, застегнул пуговицы рубашки и плотнее притянул ремешком закованную в гипс руку. Провезя нас по кругу, Михалыч заехал на стоянку возле «Максимы», где стояло довольно много машин. Джип задом припарковался между нарисованных белых полос и застыл с работающим двигателем.

— Закупаются, — прокомментировал Игорь, глядя, как какая-то молоденькая блондинка в джинсах и розовом свитере, с опаской оглядываясь по сторонам, перегружает продукты из тележки в багажник маленькой красной «ауди».

— Внимание, здесь Первый, — послышался в наушнике голос Гордеева. — Второй, Доктор, база, доложите обстановку.

— Здесь второй. Обжился на позиции, вооруженных людей не наблюдаю. На детской площадке четверо гражданских, за дальним столиком компания молодежи, два парня и две девушки, пьют водку, жарят шашлыки. Прием.

— Здесь Доктор, — ответил я. — Выжидаем, готовы к выдвижению. Прием.

— Здесь база, — ответила Светлана. — У нас все штатно.

— Вас понял. Занял позицию, работаю. Доктор, ждите отмашки. Конец связи.

Девушка закончила перегружать товары в свою «ауди» и, оставив корзинку в будке, возвращалась к машине, когда рядом со свистом тормознула черная «БМВ». Из машины выскочили двое молодых парней, схватили блондинку и головой вперед запихнули ее на заднее сидение машины. Крик «помогите!!!» раздался уже изнутри автомобиля. Я дернулся было, но большая ладонь Игоря больно сжала мне бицепс.

— Сиди на месте, — остановил он меня. — С Моргуновым будешь геройствовать.

— И что, так и смотреть? — Зло мотнул головой я.

— Не на что уже смотреть, — ответил Михалыч, кивая на удаляющуюся «БМВ», которая перед выездом на шоссе мигнула стоп-сигналами, а затем, резко ускорившись, влилась в жидкий поток машин.

— Всех не спасешь, Петь, — поморщившись и отпустив мою руку, проговорил

телохранитель.

— Михалыч, ты номер запомнил? — Поинтересовался я, освободив повязку и потирая место, куда мгновение назад впились в мышцу железные пальцы Игоря.

— Он запомнил, — водитель показал на видеореги­стратор, укрепленный на зеркале заднего вида.

— Здесь второй, — заговорил наушник. — Под мост заехал черный «бентли» и затормозил на стоянке. Наружу никто не выходит. Прием.

— Здесь первый. Доктор, минутная готовность. Как поняли?

— Поняли хорошо, — пробурчал я.

— Конец связи.

Изрядная порция злости приглушила страх и напряжение, я даже трястись перестал. Вот она, анархия, — констатировал внутренний голос. А блондинку сделают секс-рабыней, или, наигравшись, зарежут где-нибудь.

— Здесь первый. У меня чисто. Доктор, выдвигайтесь! Как поняли?

— Поняли хорошо, — вздохнув, ответил я, а Михалыч тронул рычаг, и джип медленно выехал из парковочного места.

— Проезжаете мимо «бентли» на скорости и тормозите возле второго стола. На всякий пожарный выходите так, чтобы джип закрывал вас от их машины. Мало ли, вдруг там совсем отморозки и пальнут через стекло. Как поняли?

— Поняли хорошо, — пробурчал Михалыч, разворачиваясь и возвращаясь на кольцо.

Луцавсала — это довольно большой остров на Даугаве, соединенный Островным мостом с обоими берегами. Лет пятнадцать назад рижская дума сделала здесь большой парк, в котором поставили детскую площадку, а также столики и скамейки для пикников. За вторым из них, если считать от моста, и решил организовать нашу встречу Гордеев. Весь вчерашний вечер мы отработывали возможные пути отхода в случае неприятностей, но, несмотря на это, я чувствовал себя неуверенно.

Как было приказано, Михалыч быстро пролетел под мостом и, проехав мимо припаркованной «бентли», прямо по газону рванул к месту встречи. Там, рядом с пошарпанными деревянными лавочками, рос большой куст сирени, прикрывающий стол от автомобильной стоянки, где сейчас находилась машина Моргунова. Подъехав к высокой растительности, водитель мягко притормозил, и мы с Игорем выскочили из машины. Чуть буксанув на траве, джип отъехал от нас на три десятка метров и, развернувшись, остановился носом к выезду, не глуша двигателя.

— Дасантировались штатно, — пробормотал в микрофон Игорь.

— Вижу. Второй, доложить о готовности.

— Всех наблюдаю чисто. Готовность полная. Конец связи.

Спустя минуту «бентли» медленно тронулась и, приблизившись к нам метров на пятьдесят, замерла, не выезжая на газон. Я включил микрофон и заблокировал кнопку в нажатом положении, чтобы наши дальнейшие разговоры слышал Гордеев. В лимузине распахнулись двери, и на воздух выбрались двое. Один, высокий короткостриженный мужик в разгрузке, цифровом пустынном камуфляже и в берцах, был вооружен пистолетом, закрепленным в открытой кобуре на бедре. Второй, низенький, толстый и лысый в строгом черном костюме и белой рубашке с синим галстуком, по-хозяйски огляделся и деловым шагом направился к нам. Боец, как привязанный, двинулся за ним следом.

— Внимание, здесь второй, — забормотал наушник. — По ту сторону моста наблюдаю

черный джип «чероки». Встал, не заезжая под мост. Никто не выходит. Машина в секторе стрельбы, готов открыть огонь по приказу.

— Понял тебя, второй. Не горячись. Работаем по плану, — ответил Дима.

Толстый мужик приблизился и, окинув нас с Игорем насмешливым взглядом, отсалютовал мне рукой.

— Моргунов.

— Мечников, — в тон ему ответил я, внимательно разглядывая отчима Лику. Очень уверенный в себе господин, хозяин жизни. Ведет себя и говорит так, будто все готовы начать плясать по щелчку его пальцев. Второй, явно бывший военный или спецназовец представляться не стал, но тоже выглядел вполне уверенным в себе. Хотя очень внимательно следил за каждым нашим движением и, время от времени, поглядывал в сторону нашей машины. И руку держал так, чтобы при случае быстро выхватить пистолет.

— Здесь второй, держу охранника, — шепнул наушник.

— Присядем, — предложил Моргунов, приглашая за стол, словно мы были у него дома. Пожав левым плечом, я подождал, пока он займет место, а затем опустил сиденье на деревянную лавку, сместившись чуть в сторону, чтобы не закрыть собой олигарха, если придется работать снайперу. Игорь остался стоять за моей спиной. — А вы молоды для доктора наук, — хриплым голосом сообщил мне Моргунов.

— Это со временем пройдет, — усмехнулся я, почувствовав, как напряжение стало отпускать.

— Что верно, то верно, — покивал головой олигарх, складывая кисти рук в замок и взгляд его, до этого не лучащийся добротой, стал вдруг стал совсем злым. — А вы меня обманули. Никогда не поверю, что Лика не захотела проститься с матерью.

— Послушайте, Виктор... — я сделал паузу, якобы припоминая его отчество.

— Петрович, — хрипло напомнил он мне, вонзив в меня острый взгляд.

— Виктор Петрович, может хватит играть в кошки-мышки? Что вам надо от девочки?

— Это тебя, мальчик, не касается, — наехал он на меня. — Ты бы не лез не в свое дело. И так уже вляпался по самые яйца, за моих «саргов» как отвечать будешь?

— Дядя, ты на меня батон не кроши, — перешел я на «ты», вспоминая прочитанные не так давно книги Корецкого и входя в образ. Все-таки ощущение телохранителя и снайпера за спиной здорово придавали уверенности. — Твои кунаки сами берега потеряли, да еще беспредельничать начали. Стариков нахрена трогать было?

Несколько мгновений Моргунов с удивлением разглядывал меня, словно некоторое диковинное животное, потом хмыкнул и покачал головой.

— Ладно, поиграли и хватит, — вдруг спокойно сказал он, глядя мне в глаза. — Мои условия — три с половиной лимона евро, в качестве отступного за моих людей. И Лика должна подписать кое-какие документы. У нотариуса. Взамен получаешь своих стариков живыми и невредимыми, и можешь трахать девчонку в свое удовольствие, у меня к тебе претензий не будет.

— Петь, соглашайся, — шепнул в наушник Гордеев. — Сейчас не надо быковать, разойдемся мирно, нам это ничего не стоит.

— Что за бумаги она должна подписать? — Упрямо спросил я.

Моргунов покачал головой, словно удивляясь моей наглости.

— Ладно, тебе скажу, по-родственному, — хмыкнул он. — В свое время я записал на ее мать кое-какую свою собственность. За границей. Та дурой не была, и втайне составила

завещание, отдав все дочери. Так вот, Петр, все это мое. А мое у меня никто не забирал и не заберет, я понятно выражаюсь?

— Мне чужого не нужно, — пожал плечом я.

— Так это же превосходно, — улыбнулся он улыбкой голодного крокодила. — Значит договорились?

— Договорились, — кивнул я, облегченно вздохнув.

— Внимание, здесь база! — Забормотал взволнованный голос Светланы. — На «Цитадель» совершено нападение. Нас обстреливают, к воротам подъехали несколько машин с логотипом «Ригас сарги», по зданию ведут автоматический огонь...

— Второй, вали обоих, — мгновенно отреагировал Дима. — Это подстава. Доктор, уходи!

Телохранитель Моргунова вдруг дернулся, его разгрузка спереди распахнулась вместе с грудной клеткой, выплеснув вперед фонтанчик крови с ошметками чего-то белого и только спустя мгновение, когда тело уже падало на траву, донесся звук винтовочного выстрела. Пока я в ступоре глядел на падающее тело, прямо над ухом дважды грохнул пистолет — Игорь без колебаний вогнал две пули в грудь Моргунову. Тот, видимо, так и не понял, что произошло, лишь завалился назад, падая со скамейки. Еще раз бахнула винтовка и со стороны «бентли» послышался звон разбитого стекла.

— Пулей к машине, — заорал Игорь, делая контроль телохранителю и его шефу.

— Здесь второй, в джипе оживление, — сообщил наушник, когда я со всех ног несся к машине.

— А ты им скучать не давай, — резко ответил Гордеев. — Док, мать твою, беги быстрее!

Опять щелкнул винтовочный выстрел, потом еще.

— Куда уж быстрее, — выдохнул, влетая на заднее сидение «поджеро». Джип тут же тронулся с места, резко набирая скорость. — Михалыч, там же Игорь остался!!! — Заорал я.

— Не ори, они друг друга прикроют, — спокойно ответил мне водила. — Дверь закрой за собой лучше. Забыл все, что вчера обговаривали?

— Тьфу ты блин, — я извернулся и протянул левую руку, пытаясь схватить ручку открытой двери, что удалось мне только с третьей попытки.

— Здесь второй, из джипа выбрались двое и укрылись за валом, — сообщил снайпер. — Машина не поедет.

— Не выпади, ерш твою налево! — Ругнулся Михалыч, заезжая на дамбу моста прямо по тротуару. Джип резво соскочил с бордюра и спустя десяток секунд уже спускался по виадуку на Мукусальское кольцо. Как только мы оказались на нем, машина притормозила и внутрь заскочил Гордеев.

— Гони, Михалыч, на базу, мухой, — скомандовал он. — Второй, четвертый, уходите водой и пулей к «Цитоделю»! Зайдете от берега и включайтесь. Как поняли?

— Все поняли, выполняем.

— Что на базе? — Спросил я, стуча зубами.

— База, доложить обстановку! — Рыкнул в микрофон Гордеев, перегнувшись через заднее сидение и доставая из багажника автоматы и разгрузку. Потом кинул их мне. — Ударим во фланг нападавшим. Сука твой Моргунов, все просчитал, знал, что людей уведем с базы, и там почти никого не останется...

— Если б все, сейчас бы живой был, — хмыкнул я, отстегивая руку с гипсом и пытаюсь

нацепить на себя разгрузку.

— Он нам и дохлый гадит... База, мать вашу, что у вас там?! — Заорал Гордеев в микрофон. Таким я его еще не видел, мне только сейчас вдруг дошло, что он боится за семью, укрытую в «Цитадели». Я как-то привык считать нашу крепость неприступной, но, судя по поведению «специалиста по безопасности», он так не считал. Внутри все похолодело, мать твою, там же Лика!!!

— Здесь база, — прохрипел мужской голос, на фоне которого раздался треск автоматной очереди. — У нас тут жарко, шеф, эти падлы из пулемета бьют... И сзади обошли, но там их снайпер прижал... — Послышался звон стекла и по ушам снова ударили звуки выстрелов. — Напавших два десятка или чуть больше. Автоматы, пулемет, подствольники, но вроде гранаты уже кончились...

— Млять! — Выругался Гордеев. — Как лучше помочь?

— С Баускас подходите, со стороны ЦСДД^[43]. Только аккуратно, там заслон у них...

— Понял, через пару минут будем на месте. Конец связи, — сообщил Дима, доставая из багажника чехол с моей «тичкой». Потом, посмотрев на мою, закованную в гипс руку, поморщился. — Михалыч, с тебя снайпер как?

— Как из говна пуля, — пробурчал наш водитель.

— Твою налево! Петя, приложись...

Я взял винтовку левой рукой и обхватил правой рукоять. Попробовал передернуть затвор. Больно, но терпимо.

— Только честно — сможешь?

— Попробую, — кивнул я, доставая из винтовки магазин и открывая коробку с патронами. Блестящие цилиндрики с тяжелой, охотничьей экспансивной пулей один за другим укладывались в пластиковую коробочку. — У нас что, выбор офигенный?

— Выбор небольшой, тут ты прав... Но ты мне живой нужен, на рожон не лезть! Михалыч, близко не подъезжай, вот здесь тормозни, — показал Дима рукой узкий проезд между домами. — Прикроешь Доктора и поможешь ему с выбором позиции. Я постараюсь отвлечь их заслон, а вам нужно будет мимо них по кустам тихо пройти, на прямой выстрел. Док, твоя задача пулеметчика грохнуть. А потом можешь остальных, кого достанешь. Понял?

— Так точно, — ответил я.

Не дожидаясь полной остановки машины, Дмитрий выпрыгнул наружу и, пригибаясь, побежал вдоль заборов в сторону, где слышались выстрелы.

Глава двадцать пятая. Битва за «Цитадель»

— Не спеши, — одернул меня Михалыч, едва я собрался выглянуть за угол. Отодвинув меня себе за спину, он опустил на колени и вытянул откуда-то маленькое зеркальце, которым обычно пользуются стоматологи. Выставив его перед собой, он несколько секунд изучал происходящее за углом дома, затем спрятал прибор наблюдения и повернулся ко

мне. — Машина прямо на дороге стоит, рядом двое «саргов». Наблюдают, не пробежим мимо. Надо валить сразу. Сейчас Старшой начнет, я помогу. А ты сиди тихо, но будь готов бежать, понял?

— Понял, — кивнул я. Жутко раздражало, что мною командуют все кому не лень, но я засунул свое раздражение подальше и, опустившись на землю, привалился спиной к деревянной стене дома. Я сейчас тут ни разу не командир, с моим-то боевым опытом. Вернее, с его отсутствием.

— Первый, здесь седьмой. Мы на месте, — шепнул Михалыч в микрофон. — Наблюдаю двоих хорошо.

— Готовность тридцать секунд. Я начинаю, они сместятся в твою сторону, вали обоих, как понял?

— Понял хорошо. Конец связи.

Михалыч встал рядом с углом дома и прижался к стене, подняв ствол автомата вверх.

— Док, готов бежать?

— Готов, — кивнул я, делая несколько глубоких вдохов, чтобы унять дрожь. Треск автоматной очереди прозвучал совсем рядом, из-за угла послышался звон стекла и глухой вскрик. Михалыч удовлетворенно кивнул и вдруг, не по возрасту резво, сместился вбок, прижав приклад к плечу. Грохот ударил по ушам, вереница горячих гильз, отрикошетив от стенки, посыпалась на меня. Пожилой боец, сделав четыре короткие очереди, быстро вернулся за угол и ловко поменял магазин на полный.

— Задел хорошо, кажись... — пробормотал он, запихнув пустой рожок в освободившийся карман разгрузки. — Щас проконтролирую еще разочек...

Я привстал и отступил на шаг назад, чтобы гильзы не сыпались на меня. Автомат в руках напарника снова вздрогнул несколько раз и затих. Не отводя взгляда от коллиматора, он поводит стволом еще несколько мгновений и проговорил:

— Первый, Док пошел. — И мне, — Пулей в кусты!

Рванув с места и пригнувшись, я побежал через дорогу и со всего размаху влетел в густую растительность, прикрыв левым локтем глаза. Ветки больно ударили по лицу, а винтовка на спине, видимо зацепившись, ощутимо стукнула прикладом по заднице. Неуклюже упав, я стиснул зубы и на четвереньках, пролезая между стволами, забрался на маленький пригорок. И чуть не вскрикнул от резкой боли в загипсованной руке. Твою мать, как неудачно оперся!

— Док, правее сместись, а то тебя видно будет, — прозвучал в наушниках голос Гордеева. — И запомни, Петя, у тебя будет только два выстрела. Потом по этому укрытию е...нут из пулемета и всех остальных стволов. Если же пулеметчика сможешь снять, можешь бахнуть еще пару раз, но потом все равно надо менять позицию. Ползком отходишь назад. Понял?

— Так точно, — выдохнул я, устанавливая винтовку на сошки и открывая крышку объектива у прицела.

— Доложи о готовности.

— Минута еще нужна, — зло шепнул я в микрофон, прикладывая к глазу дальномер. До ближайшей машины «саргов» было триста двадцать два метра.

— Как будешь готов, сообщи, — пробормотал Гордеев. — Я долбану из автомата по ближайшей жестянке. Это им добавит нервозности, а у тебя будет дополнительно пару выстрелов до обнаружения.

— Понял, — пробормотал я, прикидывая траекторию. Патрон был довольно настильным, но на таком расстоянии, при существующей пристрелке, пуля должна упасть сантиметров на тридцать. Хорошо, что ветра не было. Я посмотрел в окуляр.

Перед «Цитаделью» шел бой. Нападавших осталось человек пятнадцать, а, приехали они на четырех машинах. Сначала, видимо, решили взять нахрапом, но крепость огрызнулась и, как результат, у них не осталось ни одной целой транспортной единицы. Там же, прямо на дороге лежало четыре трупа. Живые укрывались за деревьями, машинами, за будкой остановки и за углом соседнего дома, время от времени обстреливая «Цитадель». Оттуда почти не отвечали, лишь когда «сарги» высывались, с двух-трех точек раздавались скупые, короткие очереди. Патовая ситуация, сообразил я. Отойти они могут только пешком, а в атаку идти кишка тонка, дичь зубастая попалась. Спустя секунду послышался винтовочный выстрел, а один из нападавших, высунувшийся из-за дерева, заорал и подтянул к себе раненую ногу — снайпер попал ему в голень. Тут же раздался басовитый грохот, рядом с одним из окон второго этажа посыпалась штукатурка. Ага, вот он. Пулемет, марки которого я не знал, стоял на сошках под изрешеченным пулями «хайлюксом». За колесом, вжавшись в землю, лежал боец. Сделав три глубоких вдоха, я щелкнул предохранителем и навел перекрестье прицела на пулеметчика. Потом, чуть опустив левую руку, на которую опирался приклад, приподнял сетку приблизительно на один мил выше. Затыльник очень неудобно давил в край гипса, но иного положения мне найти не удалось.

— Вижу пулеметчика, готов стрелять, — пробормотал я, прижавшись лицом к деревянной щеке. Сердце колотилось так, что перекрестье чуть подергивалась в такт.

— Давай, по твоему выстрелу открываю огонь, — ответил Дима.

Вдох, и с выдохом я медленно и без рывков потянул за спуск. Выстрел, как всегда, случился неожиданно. За пулеметчиком взорвался фонтаном щебень. Млять, промазал!!! Здесь же угол, пуля выше идет, вот придурок, обругал я себя.

— Промах, ниже надо, сантиметров на пятнадцать, — несколько напряженно сообщил мне Дима.

Где-то сбоку послышалась автоматная очередь, пулеметчик дернулся, резко развернувшись в мою сторону. Я мгновенно передернул затвор, сжав зубы от боли в руке, и снова упер приклад в гипс. Ствол пулемета стал медленно разворачиваться, и я, прицелившись крестом супостату в верхнюю часть шлема, опять потянул спуск. Выстрел. Тело «сарга» дернулось, он ткнулся носом в щебенку. Боль прострелила правое плечо, и я, не сдержавшись, выругался.

— Готов пулеметчик! — Сообщил кто-то в наушнике.

— Отлично, — буркнул Михалыч. — Док, готов тебя прикрыть.

Сжав зубы до хруста, я снова приложился к окуляру. Следующим был мужик, который из-за угла стал стрелять в нашу сторону. Я навел перекрестье прямо ему в лицо и выстрелил в третий раз. Бандит, как подкошенный, рухнул прямо там, где стоял, а у меня аж потемнело в глазах от боли. Млять, твою же мать через колено!!!

— Минус два, — сообщил Гордеев.

— Меняй позицию! — Заорал Михалыч и с его стороны застрекотал автомат. В этот момент кусты осыпало пулями. Меня проняло, я даже не понял, как скатился с холма, осознав себя лишь в тот момент, когда привалился спиной к желтой оштукатуренной стене дома, стоявшего почти в пятидесяти метрах от моей только что оставленной позиции.

— Док, доложись! — услышал я в наушнике голос Гордеева.

— Живой, — прохрипел я, прикусывая нижнюю губу, чтобы не застонать от боли. — За желтым домом шас. Рука болит, что звиздец!

— Оставайся там, — приказал Дима. — Девятый, прикрой Доктора.

— Понял, — ответил Михалыч.

Сплюнув, я опустился на карачки и неуклюже подполз к углу дома. За ним слышались выстрелы, но рядом, вроде, пули не свистели, поэтому я чуть высунул голову, чтобы оценить обстановку. А то вдруг сюда кто бежит?

Ситуация разительно изменилась. Не было видно ни одного живого бандита, лишь от «Цитадели» время от времени доносился звук коротких очередей.

— А где все, блин? — Пробормотал я, подтянув ближе винтовку и посмотрев в прицел. Пулемет, возле которого лежало тело застреленного мной «сарга», по-прежнему стоял на своем месте.

— Съеб. лись, — усмехнулся кто-то в наушниках. — Похоже, отбились.

— Отставить расслабляться, — скомандовал Гордеев. — Всем оставаться на позициях и наблюдать. Доложить о потерях!

— Четыре двухсотых, трое трехсотых, один тяжелый из бойцов, — Ответил тот же голос. — Еще двое двухсотых и пятеро трехсотых из гражданских.

Я почувствовал, как все внутри обмирает, ладони вспотели. Снова прикинув к окуляру прицела, начал внимательно осматривать пространство, останавливая перекрестье на лежащих телах — жутко захотелось еще кого-нибудь убить.

— Доложите об активности противника! — Спустя несколько минут приказал Гордеев.

— Чисто... Никого... Двор пустой... — Забормотали бойцы в наушниках.

— Пятый, как слышно? Вы рядом?

— Высадились на берегу, тут чисто. Медленно двигаемся к базе.

— Док? — Персонально спросил Гордеев.

— Никого не наблюдаю, — прохрипел я, продолжая разглядывать в прицел улицу.

— База, кто-то может пулемет подобрать? — Спросил Дима.

Несколько мгновений было тихо, затем знакомый голос ответил:

— Отправляю седьмого, не подстрелите!

— Седьмой, долбани по движению, если заметишь что-то, — приказал Гордеев.

Спустя минуту, из ворот показался боец с «ксюхой». Пригибаясь, он бегом рванул к «хайлюксу» и упал рядом с пулеметом. Отпихнув труп пулеметчика в сторону, он развернул ствол в сторону парка. Несколько мгновений стояла тишина, потом вдруг раздались три короткие басовитые очереди.

— Не, не достал... Так вроде чисто, не вижу ни хрена, — через мгновение послышалось в наушниках.

— Четвертый, выводи Дока, топайте до базы, — велел Дима. — Мухой! Смотреть по сторонам всем! Док и Четвертый выходят.

Через пару минут сзади послышался треск кустов, и появился хромающий Михалыч. Его, видать зацепило, на левом бедре поверх штанины белела лента повязки.

— Пошли, снайпер, — буркнул он, пригибаясь и водя стволом автомата из стороны в сторону. Поставив винтовку на предохранитель, я закинул ее на левое плечо и потопал следом за хромающим напарником.

Весь фасад здания был испещрен следами от пуль и осколков. Лишь несколько окон на четвертом этаже оказались целыми. В воротах, за сложенными мешками виднелись большие

пятна крови. Дверь и торец здания тоже были неоднократно обстреляны. Зайдя внутрь, я с облегчением поставил винтовку в угол и повернулся к Максиму, который встретил меня в дверях караулки. У бойца была перевязана левая кисть и правая нога чуть ниже колена.

— Кто погиб? — Задал я, наконец, самый страшный вопрос, цепenea в ожидании ответа.

— Там, — мотнул головой Макс, показывая стволом на дверь Диминого кабинета. Стиснув зубы, я вошел внутрь. Судя по всему, здесь что-то взорвалось. Окно было разбито, внутри часть мебели посечено осколками. На полу в разных позах лежали трое бойцов и маленькая, будто сломанная, окровавленная фигурка Светы. Мужиков сюда, видимо затаскивали через дверь — видны были следы крови на полу. Сглотнув появившийся в горле комок, я повернулся к Максиму.

— Еще кто?

— Артур на втором этаже, его пулеметом зацепило, не стали пока вниз вытаскивать... И завхоз в подвале, он детей выводил. Спиной прикрыв от окна, ему и прилетело. Но он дошел и там умер.

— Раненые где? — Глухо спросил я.

— В подвале. И всех гражданских туда отвели, — ответил мне Максим, передавая флягу. Я с жадностью присосался к горлышку. Спустя минуту, вернув емкость, я двинулся вниз по лестнице и, через несколько секунд оказался в помещении тира, где прямо на полу сидели и лежали два десятка человек. Воздух здесь был спертый, насыщенный запахами пота, крови и страха. Кто-то негромко стонал, плакали дети.

— Дамы и господа, — громко сказал я, выискивая взглядом Лику. — Мы отбились от нападения. В течение нескольких минут будет организована медицинская помощь. Прошу всех, кто здоров и не ухаживает в данный момент за детьми или ранеными, подняться наверх и помочь очистить помещение для размещения лежачих.

На несколько секунд в помещении установилась тишина, потом откуда-то со стороны, прыгая на одной ноге, ко мне приблизилась Лика и, уткнувшись носом мне в грудь, разревелась. Прижав ее к себе левой рукой, я покачал головой, заметив Данилу, который сидел рядом со своей заплаканной женой, держа на руках перевязанного бинтами малыша.

— Что с ногой, Рыжик? — шепнул я ей на ушко.

— Осколком... задело... — всхлипывая, пробормотала она.

Всех найду, подумал я. И позавидуют они тем, кто сейчас на улице под машинами валяется...

Глава двадцать шестая. Граница

Конец июля — как раз то время, когда в Латвии тепло. Почти каждый год две недели стоит теплая и солнечная погода, позволяющая, хотя бы немного, понежиться на берегу Рижского залива и искупаться в море, вода в котором редко бывает теплее восемнадцати градусов.

Впрочем, сейчас мы от моря были далеко. Солнце палило немилосердно, и я, поморщившись, кивнул, когда сидевший рядом с водителем Игорь, раз седьмой, укоризненно посмотрел на меня.

— Включай, включай свой кондиционер, — недовольно пробормотал я, откидываясь на спинку своего сидения и очередной раз вытирая салфеткой лоб. — Только, блин, ставь не меньше двадцати!

— Как скажешь, командир, — заметно повеселев, боец закрыл окно и начал колдовать над пультом климат-контроля. Ветерок, обдувающий всех нас, прекратился, но вскоре по ногам потянуло прохладным воздухом.

Что делать, не люблю я кондиционеры. Болеть начинаю. Сам не включаю и другим не даю, а народ мучается. Но сегодня действительно было очень жарко, больше тридцати. Уже сорок минут, как мы выехали из Риги, и попугачики мужественно держались, распахнув все открывающиеся окна микроавтобуса. Но, в конце концов, я и сам сдался. Единственно, кто поддерживал мою нелюбовь к кондиционеру — это Лика. Малышка никогда не жаловалась на жару. А вот с холодом у нее были проблемы. Впрочем, не только с холодом.

После памятной битвы за «Цитадель» девочка стала моей тенью, наотрез отказывавшись оставаться без меня где-либо. Один момент я стал здорово уставать от ее постоянного присутствия. Но когда, однажды, я попытался оставить ее дома, отправляясь на одну из деловых встреч, которыми были насыщены последние два месяца, Дима развернул меня с полдороги обратно. На Лику напала такая «паническая атака», что пришлось обращаться к врачу, который теперь всегда дежурил на базе. Вернувшись, я нашел ее трясущуюся, в слезах и соплях, свернувшуюся калачиком под одеялом в нашей спальне. Девочка рыдала в голос, и лишь спустя час мне удалось ее успокоить, и то с помощью трех ампул транквилизатора, которые наш эскулап вколол ей прямо в вену.

И, конечно, я не смог ее оставить, когда Дима сообщил, что ему удалось договориться об окне на границе. Там, в Литве третий месяц жили Ольга с Дашей, и до этого дня нам никак не удавалось провезти их домой.

Граница была полностью перекрыта.

Начиная с Бауски^[44], то тут, то там вдоль дороги виднелись палатки, а перед границей образовался огромный лагерь, в котором можно было разглядеть не только матерчатые, но и фанерные и пластиковые «дома». Здесь же, прямо на полях вдоль дороги сотнями стояли машины. В нескольких местах нашей колонне пришлось затормозить, потому что на шоссе образовался затор — несмотря на то, что граница была закрыта аж с мая, люди по-прежнему ехали сюда, пытаясь выбраться в Литву.

Первый затор удалось разрушить уговорами. Литовские пограничники и бойцы натовской группы быстрого реагирования не пропускали людей, однако фуры с едой и товарами первой необходимости свободно проезжали через КПП. Как раз такая машина появилась со стороны границы и беженцы сами сдвинулись на обочину. Многие из этих грузовиков разгружались прямо в Бауске, а потом этими продуктами кормили собравшихся здесь людей. Из отчетов Гордеева я знал, что эта деятельность плотно контролировалась тремя охранными предприятиями. Так же тут работал и Красный Крест, помогавший детям и совсем бедным людям, которых здесь с каждым днем становилось все больше и больше.

На второй затор мы навались перед самой границей. Две легковые машины, относительно нестарая «БМВ» и крепко потасканный «форд» нос к носу стояли прямо на шоссе, плотно перегораживая дорогу. Вокруг машин толпились несколько откровенно уголовных элементов, которые при нашем появлении вышли на дорогу, продемонстрировав дуствольный обрез и АК-74.

— Здесь Голова, ситуация «три», — пробормотало у меня в наушниках.

— Работаем по плану, — ответил Дима, щелкая предохранителем автомата. — Узнайте, чего хотят?

Наш головной джип резко затормозил, как было предусмотрено в таких случаях, и встал поперек дороги, прикрывая своим корпусом микроавтобус. Бойцы дозора тут же высыпались из машины, занимая позиции. Следовавший за нами «гелендваген» тоже тормознул, из его салона к палаткам рванула снайперская пара.

— Все помнишь? — Спросил Дима, открывая боковую дверь.

— Помню, помню, — успокоил я его, крепче обнимая начавшую трястись Лику. — Тихо, девочка, тихо... Все хорошо, никто на нас не нападает, — при обстреле следовало упасть на пол, корпус и стекла автобуса были бронированы, но при интенсивном огне стекло могло все же треснуть и рассыпаться, а вот ниже было относительно безопасно.

— Голова, я хочу слышать переговоры, — проговорил Гордеев, выскакивая из автобуса в июльское пекло.

— ... даю минуту на освобождение дороги, потом команду пулеметчику, и он превращает ваши жестянки в дуршлаг. И вас заодно. Я понятно выразил свою мысль? — Послышался в наушниках характерный говор Гунтиса, именно он у нас был «Головой». Месяц назад Гордеев нашел парня в одной из больниц, оплатил лечение и перевез в «Цитадель» его семью. Когда-то Лицитис служил заместителем командира группы «омега», латвийского антитеррористического спецназа, охоту за бойцами которого до сих пор вел комитет национального спасения. Он же нашел и привел к нам и двоих своих коллег с семьями, которые тоже скрывались от бандитов.

— Ладно, ладно, мы все поняли, — пробормотал кто-то ему в ответ. Картинки происходящего я не видел, обзор загораживал джип. — Мы думали вы тоже беженцы...

— А если и тоже, это что, причина дорогу перегораживать?

— У нас тут очередь, — буркнул какой-то другой голос. — Если Евросоюз квоты

согласует, первые приехавшие и уедут первыми...

— Сорок секунд...

— Все, все, освобождаем...

— Ну вот, все хорошо, — шепнул я Лике, поправляя выбившуюся прядку волос за ухо. —

Сейчас дальше поедем...

Впереди взревел двигатель, потом второй и послышался звук разъезжающихся машин. Гордеев заскочил внутрь, снова поставил автомат на предохранитель и уселся на свое кресло.

— Игла-один, по коням, — буркнул он в микрофон, вытирая пот со лба. — Через минуту продолжаем движение. Нихрена не будет никаких квот, — сообщил он, поворачиваясь ко мне. — Скорее наоборот, они собираются сюда перенаправить поток арабов, которые все еще едут в Германию с Ближнего Востока.

— Что, решение уже принято? — Спросил я, продолжая гладить успокаивающуюся Лику по голове.

— Будет принято в ближайшие дни, вот увидишь, — сообщил он, хватаясь за ручку над дверью.

Михалыч мягко тронул с места автобус, а я поставил на предохранитель свой МП-9^[45] и запахнул его обратно в карман стоявшего впереди сидения.

— Куда дальше? — Послышался в наушниках голос Гунтиса, когда впереди показался знак окончания населенного пункта «Гренцтале».

— Налево уходи, там дорожка будет грунтовая, — ответил ему Гордеев в микрофон и достал телефон. Потыкав в экран пальцем, он приложил динамик к уху и несколько мгновений молчал. — Мартинас, лаба диена^[46], — жизнерадостно проговорил он. — Мы почти на месте. Да... Да... Как договорились, все сразу отдам... Я тебя умоляю, ты меня первый день знаешь? — В его речи появился намек на одесский говор, — нам с тобой еще работать и работать... Ну, конечно. Давай.

Сунув телефон в карман разгрузки, Дима повернулся ко мне и улыбнулся.

— Все привез. Оружие, оптику, электронику и заказанные детали. Живем!

— Согласился? — Улыбнулся я в ответ.

— А как ты думал? — Хмыкнул он. — Золото — не какие-то там бумажки. Но сказал, что проверит на месте.

— Пусть проверяет, — усмехнулся я. Официально, после того, как Латвию признали «территорией без государства», со стороны ЕС завозили только гуманитарку, но литовские пограничники и бойцы НАТО — тоже люди и хотят жить хорошо. От суммы в несколько сотен тысяч евро золотом мало кто откажется. Пользуясь этим, мы заказали кое-что из оружия и электроники, а также те детали для синтезатора, которые не смогли найти на месте или сделать сами. Данила и Анцис заканчивали монтаж установки, позволяющей копировать предметы размером в два кубических метра, да еще и с активной матрицей D-поля, которая дает возможность изменять копируемый предмет. Для завершения работы не хватало только этого груза. Именно поэтому я и Дима поехали вместе, хотя ранее себе такого не позволяли — кто-то из нас двоих всегда должен был оставаться в «Цитадели». Но тут иначе нельзя — ему надо было проверить оружие, оптику и электронику, а мне — детали к синтезатору. Ну и встретить Ольгу с Дашей, конечно.

По литовской стороне, вдоль границы тянулся плотный забор из колючей проволоки. Каждые двести-триста метров на той стороне можно было увидеть зеленый джип

пограничников или прогуливающих бойцов Сил быстрого реагирования НАТО в полной выкладке, вооруженных автоматами. На некоторых машинах стояли даже турели с пулеметами. Что-что, а бороться с беженцами в Европе научились.

С нашей стороны, на полях и опушках стояли палатки. Очень плотно возле шоссе, а дальше по ходу нашего движения все реже и реже. Километрах в трех от дороги они, наконец, пропали совсем. Но люди встречались, то тут, то там вдоль дороги бродили непонятные личности с какими-то баулами и мешками, женщины с корзинками, полными ягод. Кое-где, рядом с хуторами можно было заметить крестьян, стоящих в позе пьющего оленя на огородных грядках.

Поднимая пыль, наша колонна на приличной для грунтовки скорости двигалась вдоль границы до тех пор, пока впереди не показался поворот к местечку «Тункуни». Проскочив чуть вперед, мы завернули направо и, спустя несколько минут подъехали к самой границе. Здесь в проволочном ограждении были вмонтированы широкие ворота, через которые вполне смогли бы протиснуться одновременно две грузовые машины. На той стороне нас встречали целых два джипа — «нисан» с пограничной эмблемой и большой серебристый «лендкрузер» без знаков отличия.

— Обеспечить оцепление, — скомандовал в микрофон Гордеев, едва мы остановились. Дозорный джип, сделав вираж, развернулся и застыл прямо посреди небольшой полянки, поросшей травой. «Гелендваген» тормознул чуть позади, из него сразу выпрыгнуло четверо бойцов, которые без особой спешки разошлись по окрестностям. Рядом с дорогой шумела роща, чуть в отдалении, примерно метрах в пятистах от нас была видна крыша какого-то хутора.

Потянувшись, я выпрыгнул из автобуса и протянул Лике руку.

— Пошли, ноги разомнем немного.

— Пошли, — кивнула она, опираясь на мою ладонь и спрыгивая на утоптаный гравий.

— Выходи, выходи, это мы приехали, — усмехнулся в телефон Гордеев. В ответ на его слова, двери серебристого «крузера» открылись и наружу выбрались двое здоровых мужиков, одетых совсем не по-военному — в майках, шортах и шлепанцах на босу ногу. Джип пограничников признаков жизни не подавал. — Здорова! — Крикнул Дима, помавав мужикам рукой.

— Привет, коль не шутишь, — с сильным литовским акцентом ответил лысый, тот, который вылез с водительского места. — Ты смотри, как у вас все серьезно...

— А как ты хотел, — хмыкнул Дмитрий, махнув мне рукой. — Петь, иди знакомиться...

Отпустив Ликину руку, я подошел к воротам.

— Что, так и будем общаться через решетку, — поинтересовался я, пожимая руки. — Петр.

— Мартинас, — представился лысый водитель «тойоты».

— Арвидас, — сообщил второй, бородатый и длинноволосый, с хвостом, перетянутым резинкой.

— Сейчас приедет шеф заставы, с ключами, — Мартинас кивнул на большой амбарный замок, висевший между створками. — Как вы живете там? — Спросил он, показывая рукой куда-то нам за спину.

— Как видишь, — Гордеев кивнул на бойцов, стоявших в отдалении и образовавших большой полукруг, в центре которого были припаркованы наши машины. — Без конвоя теперь даже в супермаркет не выезжаем.

— А есть, что в супермаркетах покупать? — Тоже с сильным акцентом поинтересовался Арвидас.

— Не такой ассортимент, как раньше, — покачав головой, проговорил Дима. — Но, в принципе, грех жаловаться. Сам знаешь, эмбарго касается оружия и товаров двойного назначения, а остальное везут без проблем. Ну и цены, за счет отсутствия налогов, упали существенно.

— Даже завидно немножко, — хмыкнул Мартинас.

— А ты давай к нам, — ухмыльнулся в ответ Гордеев. — Петя тебя с удовольствием на работу возьмет.

— Нет, он нам нужнее на той стороне, — не согласился я, кивнув в сторону «круизера», и оглянулся назад, почувствовав прикосновение прохладной ладони. Лица подошла очень тихо, даже гравий не скрипнул. — Знакомьтесь, это Лица. Моя девушка.

— Очень приятно, — галантно кивнул Арвидас, представившись.

— А там тогда кого я привез? — Громким шепотом спросил Мартинас, кивая себе за спину.

— А он гарем собирает, — сострил Гордеев.

— Мою дочку, — усмехнулся я, сжимая ладонь девушки и ощутив, спустя мгновение, ответное рукопожатие. Будь на ее месте Ольга, не миновать бы мне надутых губ после солдатской шутки Гордеева. Это же чудо даже внимания не обратила. — А где, кстати, они?

— А вон, едут, — Мартинас повернулся и показал в сторону дороги, на которую из-за деревьев вывернул минивэн. Сзади за ним показался небольшой крытый фургон. — Два в одном, и девушки, и груз. С тебя бабки.

— Вот ворота откроешь, тогда и достану, — усмехнувшись, пообещал я.

Глава двадцать седьмая. Ольга. Возвращение

— Нервничаете? — Спросил Тёма, развернувшись назад с переднего сидения.

— Немного, — вздохнула Ольга, поправляя волосы.

Дарья лишь пожала плечами, стараясь высмотреть что-то впереди. Соскучилась по отцу, очень. Последние дни только о нем и твердила. Настолько часто, что стала раздражать. Ольга поморщилась. Нервы совсем ни к черту последнее время, вот уже и на дочь срываться начинаю. Удивительно, что Артем ее такую терпит. Но ведь терпит, и не только потому, что вынужден с ними работать. Нет, не только.

Шершавая ладонь телохранителя коснулась ее ноги и, незаметно для Дарьи, погладила гладкую, загорелую кожу. Ольга машинально протянула руку и нежно дотронулась до его пальцев, отвечая на знак внимания.

Это случилось на следующий день, после того как Петя, сухим и глухим голосом, сообщил ей о смерти родителей. Она плохо помнила тот вечер, весь он состоял из горя и слез, они прорыдали его на пару с Дашкой. А потом, проснувшись утром, она вдруг, как никогда остро ощутила, что жизнь не вечна. Вот так раз — и не стало родителей. А завтра — хоп — и не станет ее. И все эти дурацкие слезы, истерики, ссоры, которыми она жила

последний год — это просто пустая трата времени. Которого, оказывается, очень и очень мало.

А Петю просто надо отпустить, поняла она. Признаться самой себе, что любовь прошла. И жить дальше, смотреть по сторонам и себя показывать... Иначе пройдут эти годы впустую. А она еще молода. И вполне ничего, сказала она себе, глядя в большое зеркало, висевшее возле ванны. Вон как Артем на нее смотрит ...

После таких мыслей ничего не оставалось, как собраться. Привести себя в порядок. Помыть голову, уложить волосы, подкрасить глаза. И жить, жить и радоваться каждой минуте, даже секунде и тому, что вокруг.

Артем словно прочитал ее мысли и чувства. Как-то вдруг перестал быть телохранителем, а стал мужчиной, который ухаживает за женщиной. А потом, после ужина, когда Ольга уложила Дарью спать, дверь между их номерами тихонько открылась и он прижал ее к себе, а она просто отпустила события... И случилось все, что могло случиться между одиноким мужчиной и брошенной женщиной.

Утром она безжалостно задавила сожаления, проснувшись вместе с ней. Конечно, Артем — не Петр. Не хватает интеллигентности, что ли — в общем, того, что она всегда больше всего ценила в мужчинах. Однако он был достаточно умным и начитанным, чтобы с ним было интересно общаться. И он оказался рядом.

Он переживал, как оказалось. Они с Дарьей были его «подопечными», и спать с ней для него было верхом непрофессионализма. Однако Ольга повела себя тактично и корректно, и он как-то договорился со своими переживаниями. Кроме того, они решили скрывать свои отношения от Дарьи, да и вообще — не афишировать их ни перед кем...

Рука пропала, а через минуту машина затормозила, и Артем тут же выскочил наружу. Ольга взяла за руку дочь, сидевшую как на иголках.

— Сиди спокойно. Сейчас увидишь своего любимого папу...

Дверь открылась.

— Выходите, все в порядке, — сообщил ей Артем деловым голосом, но она заметила, как он скользнул взглядом по ее обнаженным коленкам. Сдержав улыбку, она выбралась из машины и, поправив юбку, огляделась.

Впереди, за большими решетчатыми воротами, которые открывал мужчина в зеленой форме с литовским флагом на рукаве, их уже ждали. Несколько человек устрашающего вида, в камуфляже, в оттопыривающихся карманах жилетах и с автоматами стояли полукругом, поглядывая по сторонам. Там же, с рукой, висевшей на повязке, одетый в пятнистые штаны и зеленую футболку, с кем-то беседовал Петр. Рядом, держа его за левую руку, стояла невысокая, темненькая девушка с большущими глазами, одетая в короткие джинсовые шорты и маечку с большим желтым подмигивающим смайлом.

— Папка! — Крикнула Даша, и, кинув опасно-вопросительный взгляд на Ольгу, вдруг сорвалась с места и спустя секунду повисла на Петре, который неуклюже подхватил ее на руки.

А он похудел. И осунулся. И нашел себе молоденькую, подумала она, чувствуя непонятную досаду. Красивая и миленькая, как раз в его вкусе.

— Привет, — поздоровалась она, подходя ближе. — Даша, у папы рука болит.

— Привет, — ответил он, оглядывая ее с ног до головы. — Ничего, своя ноша не тянет. Знакомься, это Лика. А это Дмитрий.

— Здравствуйте, — поздоровалась девушка.

— С Дмитрием мы уже знакомы, — сообщила она ему и не удержалась от укола, — он нас в аэропорт провожал.

Это следовало понимать так: он провожал, а ты не счел нужным.

— Очень хорошо, — кивнул Петя, поставив Дашу на землю. В его голосе вдруг прорезалась сталь. — Потому что он отвечает у нас за безопасность и его указания обязательны к немедленному исполнению. Это понятно?

Ольга опешила и от этого тона и от его взгляда — она вдруг почувствовала, что это вовсе не попытка ее оскорбить. И впервые за последние два с половиной месяца у нее закралось подозрение, что идея вернуться в Латвию не была такой уж хорошей.

— В смысле? У нас же есть телохранитель, — пробормотала она.

— Объясни ей, — не сказал, а отдал указание ее бывший муж и, мимоходом пожав руку Артему, двинулся к литовским пограничникам. — Сюда несите ящики, будем смотреть...

— Уважаемая Ольга, мы сейчас поедем обратно и будем проезжать через многотысячный лагерь беженцев, — мягко проговорил Дмитрий, делая какой-то жест Артему. — Там полно голодных и злых людей, по пути они могут попытаться напасть на кортеж, и нам придется стрелять. Может случиться все, что угодно. Поэтому, пожалуйста, пока мы не прибудем в безопасное место, все, что вам говорю я или ваш телохранитель, следует выполнять немедленно и без пререканий. Если есть какие-то вопросы, сейчас самое время их задать.

— О, боже, — пробормотала она, чувствуя, как липкий страх сковывает ее. — Это что, розыгрыш такой?

— Нет, не розыгрыш. Здесь и сейчас нет никакого государства, нет полиции и нет закона. Любой встречный может вас ударить, ограбить, изнасиловать или убить. И ему за это ничего не будет. От всего этого вас оберегают лишь эти бойцы, — Дмитрий провел рукой, побуждая ее посмотреть на вооруженных мужчин. Ольга внутренне съежилась и кинула обеспокоенный взгляд на Дарью. Но девочка не обратила внимания на страшные слова «специалиста по безопасности», как он представился при первой встрече. Она знакомилась с новой пассивностью своего отца.

— Это тебе, — вдруг, опустившись на корточки, девушка Лика протянула Даше маленькую тряпичную куклу, которая задорно улыбалась. — Ее Машкой зовут.

— Ой, какая красивая, — загорелись глаза у девочки. — А я Даша. Маша и Даша, похоже, правда?

— Очень. А я Лика. Будем с тобой дружить?

— А ты играть со мной будешь?

— Обязательно.

Из-за ближайшего джипа вдруг вышел Артем, и Ольга с трудом его узнала. На нем был такой же камуфляж и жилетка, что и на остальных бойцах, а в руках он держал автомат.

— Возьми гарнитуру у Михалыча, — приказал ему Дмитрий. — Твой позывной прежний. Работаешь во внутреннем круге, твой объект — Ольга, а девочка переходит под опеку Сергея.

— Есть, — по-военному четко козырнул Артем, и даже не взглянув на нее, направился к микроавтобусу. К ним подошел еще один боец.

— Это Сергей, — представил парня Дмитрий. — Он отвечает за безопасность Дарьи.

— Здравствуйте, — совсем потеряно пробормотала Ольга, чувствуя, что мир, в котором она жила, вдруг стал совсем другим.

Окончательно ее добил лагерь беженцев, к которому они подъехали спустя полчаса. Мусор, полуголые люди, готовящие пищу на кострах и сотни, а может быть даже тысячи палаток по обе стороны дороги. Автобус, едва выехав на шоссе и разогнавшись, вдруг резко затормозил, а впереди послышался треск, словно кто-то разломал несколько досок одну за другой. Артем, схватив ее в охапку, заставил упасть на пол между сидениями. Рядом вскрикнула Даша, Ольга вскинула голову в поисках дочери и вдруг наткнулась на панически испуганный взгляд Лики. Девушка, съежившись, сидела на полу, прижавшись к Пете. Ее трясло, словно через нее пропускали электричество. Петя, обняв ее одной рукой, другой сильно прижимал к себе Дарью, пригнув голову девочки к своим ногам.

Совсем рядом раздалось еще несколько выстрелов, потом автобус, взревев двигателем, резко рванул с места, да так, что Ольга больно ударилась плечом о сидение.

— Все девчонки, все уже кончилось, — веселым и спокойным голосом вдруг проговорил Петр, поднимая Лику и Дашу на кресла. — Садимся и наслаждаемся путешествием.

— Папа, ты мне больно сделал, — захныкала Даша.

— Извини, малышка, надо было спрятаться, — проговорил он, сажая дочку на колени. — Рыжик, ты как?

— Уже нормально, — напряженно проговорила Лика, вытирая со лба выступившую испарину. — Даша, а как там Машка, не испугалась?

— Неа, — звонко ответила Дарья, доставая куклу из-под футболки.

Ольга, закрыв глаза, досчитала до десяти, а затем, собравшись с духом, поднялась и пересела на другое сидение, поближе к Петру.

— Петя, расскажи, как погибли мои родители? — Тихонько спросила она, стараясь, чтобы Даша не слышала их разговора.

Он вздохнул, потом растер ладонью лицо и глухо заговорил:

— Их взяла в заложники одна банда. Хотели выйти на тебя, захватить Дарью, а потом диктовать мне условия. Но, на самом деле, их сразу убили, просто застрелили по дороге, пока везли и закопали в лесу...

— О боже, — пробормотала Ольга, чувствуя, как в горле образуется ком. — За что?

— Ни за что, — ответил Петр, поморщившись и уложив правую руку на подвязку. — Они для бандитов были обузой.

— Мама моя... — Слезы сами полились из глаз.

— Банду мы... Ликвидировали. Всю, до последнего человека, — продолжал говорить Петр. — А родителей перезахоронили, там, рядом с твоей бабушкой. Завтра поедем туда, памятник надо поставить.

В ее руку кто-то вложил салфетку, и Ольга постаралась взять себя в руки.

— Зачем... Зачем ты был нужен этой банде? — Висморкавшись, спросила она. — Это те самые? Которые перед нашим отъездом тебя искали?

— Да, — кивнул Петр. — Те самые. Они... — Он замолчал, что-то обдумывая, — Сложно объяснить... Они претендовали на собственность, которая им не принадлежала...

— Что значит — сложно? — Вдруг разозлилась она. — Я хочу знать, почему погибли мои родители!

— Я много чего хочу, — вдруг громче ответил он, а в голосе появились уже знакомые стальные нотки. — У меня есть свои дела, о которых тебе не стоит знать, ясно? А если что-то не нравится, — он вдруг кивнул на дверь автобуса, — то свободна, можешь жить, как

знаешь и где хочешь.

— То есть тебе и на твою дочь плевать? — Взъерилась она. — Выкинешь ее в этот бандитский бордель?

— Причем тут моя дочь? — Вдруг спокойно ответил Петр, и Ольга внутренне передернулась от того, как он это сказал. — Моя дочь останется со мной, вне зависимости от того, чем ты будешь заниматься и где жить. И поверь мне, я все сделаю для ее безопасности. Для этого я и вытащил вас из Вильнюса, чтоб никакой сволочи не пришло в голову еще раз использовать моих близких как рычаг. А ты, если хочешь быть с ней, будешь вести себя тихо и спокойно, именно так, как обещала, кстати. Я достаточно доходчиво объяснил?

Ольга прикусила язык, наткнувшись на его взгляд. Это был совсем не тот Петя, который три месяца назад отправлял ее в Турцию. Тот был мягким, сентиментальным и интеллигентным ученым. А сейчас перед ней сидел жесткий и целеустремленный хищник, лидер, который запросто мог приказать СВОИМ людям остановить автобус и выкинуть ее прямо на дорогу. Она опустила взгляд, оцепенев от ужаса. А потом мельком посмотрела на Артема, который, не шевелясь и не подавая вида, моргнул обоими глазами, чуть кивнув, показывая, чтобы она соглашалась и не спорила.

— Да, — пробормотала она и отвернулась, посмотрев в окно, за которым проплывали поля и деревья. Реальность очень сильно отличалась от ожиданий. Ей надо было крепко подумать, как жить дальше.

— А давай Машке другую прическу сделаем, — донесся до ее ушей звонкий голосок дочери. Дарья уже давно научилась не обращать внимания на ссоры взрослых. Ольге вдруг захотелось стать маленькой девочкой, которая сможет не беспокоиться о проблемах. Вспомнив про родителей, она снова заплакала.

Глава двадцать восьмая. Непростое решение

Морская свинка с явным удовольствием жевала капустный лист. Ее клон, сидящий в соседней клетке, с не меньшим удовольствием грыз небольшой кусочек ярко-оранжевой морковки. В виварии стоял характерный запах животных, заходя сюда я почему-то сразу вспоминал Рижский зоопарк. Давно там не был, кстати. Интересно, как они живут сейчас? Надо бы дать задание Диме, пусть узнает, наверняка им помощь нужна. Впрочем, нет, не Диме, а Павлу, поправил я себя.

Две недели назад я провел реорганизацию «Структуры». Еще раньше стало очевидно, что мы с Димой не справляемся с огромным количеством дел, которых каждый день становилось все больше и больше. Вот у нас и появился целый совет директоров, куда входило пять человек.

Из обязанностей я оставил себе только общую координацию, стратегическое планирование и научные разработки, а Диму назначил своим заместителем и одновременно директором по безопасности. Гордеев уговорил меня передать управление над финансами и

ресурсами отдельному человеку, на пальцах объяснив, как его контролировать. Поколебавшись, я согласился и не пожалел.

Невесть откуда Гордеев привез в «Цитадель» человека с такой характерной еврейской внешностью, что я не удержался и усмехнулся, услышав его имя-отчество. Борис Моисеевич Банкович, еще совсем недавно — успешный финансист, оказался в непростой ситуации из-за своей многочисленной семьи. Не будь рядом с ним четверых детей, жены и тещи, он бы покинул пределы Латвии, как только вся эта заваруха началась. Но не получилось. Вначале теща болела, потом какие-то ушлые ребята похитили старшую дочку, и ему пришлось неслабо потратиться, чтобы вернуть свою любимую Сонечку. Как я понял, еще до работы на меня, Гордеев обеспечивал безопасность каких-то финансовых сделок, и Борис Моисеевич обратился к нему за помощью по старой памяти. Часа два мы беседовали, пытаюсь договориться о дальнейшей совместной работе. Сложность состояла в том, что ни мне, ни Гордееву совсем не улыбалось рассказывать финансисту о синтезаторе, а Банкович никак не соглашался работать на нас, не зная, откуда будут браться деньги. Наконец мне это надоело, я встал из-за стола и сказал Диме, чтобы он мне нашел другого человека.

— Молодой человек, я вас умоляю, — Борис Моисеевич вдруг развернулся ко мне. — Зачем искать кого-то другого, когда старый еврей уже здесь и таки готов работать? Как вы не понимаете, я же должен был поторговаться за лучшие условия. Как еще можно было показать вам, сколь я буду полезен, не проявив настойчивость в борьбе за свои интересы?

Так у нас появился директор по ресурсам и финансам. И еще двое управленцев, без которых сложно было бы обойтись. Техническим директором стал Валдис Граудыньш, в недавнем прошлом директор строительной фирмы, которая перестраивала и приводила в порядок «Цитадель». Валдис, чуть ли не с энтузиазмом перешедший под нашу «крышу», ныне отвечал за вопросы строительства и инфраструктуры. Ну а последнего — Павла Васильева — моего давнего приятеля, юриста по образованию и авантюриста по роду деятельности, я назначил директором по кадрам и связям.

Пашку я случайно встретил на торговой базе, куда месяц назад приехал договариваться о регулярных поставках. Эксклюзивный алкоголь, который мы стали синтезировать тоннами, оказался необычайно востребован и, чтобы не бодаться с бандитами, контролировавшими розничную торговлю, мы стали поставлять его оптом прямо на эту самую базу. Васильев пытался там делать какой-то бизнес, но сейчас, когда между охраняемыми фирмами шел передел сфер влияния, ему ничего не светило — не было у него спиной серьезной силы. Вспомнив про его коммуникабельность и талант всюду «пролезать без мыла», я предложил ему работу и защиту. Чтобы вести ту деятельность, которую я запланировал, надо было расширяться. А значит, искать нужных людей, договариваться с ними, вывозить и расселять здесь их семьи и прочее, и прочее, и прочее. Лучше Павла с этим никто бы не справился. Недельку он «поломался», но потом, видимо, на него «наехал» кто-то серьезный. В результате, он сам позвонил мне, на все согласился и попросил поселить рядом с «Цитаделью» его семью — жену и двоих детей. Это меня вполне устраивало, ибо гарантировало лояльность. Дима тоже с ним переговорил, как-то проверил его связи и, в конце концов, дал добро.

— ...главная хитрость в моменте синтеза, — говорил Даня, как всегда активно жестикулируя. — Надо поймать ту точку, когда сердце готово сделать сокращение, после того, как в клетки уже поступил сигнал. В результате, скопированное животное начинает свою жизнь с удара сердца, что жизненно важно при том двух-трехсекундном временном

разрыве, за который формируется копия. Этот зверь вторые сутки живет, а тот, — Сотников протянул руку и развернул ко мне клетку так, чтобы я увидел спящее в террариуме животное, — почти неделю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Да понял, я, понял, — кивнул я ему, и, глянув на свинок, направился обратно в его кабинет, куда, как и в виварий, зайти можно было только из синтезаторного зала. — Что ты предлагаешь?

Даня вдруг замолк, словно собираясь с мыслями, а потом выдохнул одной фразой:

— Давай человека скопируем!

— Как ты себе это представляешь? — Спросил я, пропуская его в синтезаторный зал и плотно закрывая дверь вивария. За два месяца тут много чего преобразилось и добавилось. Мы снесли стену, чем существенно расширили пространство. Вторая, уже почти законченная установка, отсвечивала огромным бериллиевым корпусом. — Где Анцис, кстати?

— Отсыпается, всю ночь работал — синтезировал копии тех хреновин, что вы привезли.

— А днем что, не работается? — Спросил я, обдумывая предложение Сотникова. Мне тоже очень хотелось попробовать скопировать человека, но такие вещи нельзя было решать с кондачка.

— Дык Диме срочно надо было, — пожал плечами он, открыв стеклянную дверь и заходя к себе в кабинет. — Кофе будешь?

— Да, пожалуйста, — попросил я его, усаживаясь в большое мягкое кресло, стоявшее рядом с заваленным бумагами столом. — Кого клонировать будем?

— А хоть бы и меня, — усмехнулся Данила, колдуя с кофе-машиной. — Нам тут рабочих рук очень не хватает, я тебе давно говорил.

— А жену и детей вы как с клоном делить будете, на двоих? — Усмехнулся я. — Ты представляешь, как это будет? Что ты будешь чувствовать? А если вас с ним кто-то заметит, вместе, скажем? Долю от прибыли тоже на пополам?

Даня поставил передо мной большую прозрачную кружку, наполовину заполненную ароматной жидкостью, на поверхности которой образовалась шапка из аппетитной светло-коричневой пенки. Потом достал из маленького холодильника пакетик с тридцатипроцентными сливками. Я долил их в кофе и отпил глоток. Да, именно так, как я люблю. Сотников попробовал свой напиток, поморщился и щедро насыпал себе в кружку несколько ложек сахара. Я аж передернулся, прикинув, какой там сироп образовался.

— Представь, что клон — это ты, — продолжил я. — Родные есть, вот тут, рядом, но они уже не твои, ты даже не можешь к ним подойти и поговорить. Здесь же — прототип, который знает про тебя все, вплоть до количества родинок в паху. У тебя его память, его чувства, его тело — а жизнь своя. С нуля ведь начать придется многое. Ну и пластическую операцию надо будет делать, не дам я тебе тут так ходить. Почувствовал нюансы? — Я пристально посмотрел на Данилу. Он присел на столешницу и задумчиво уставился в свою кружку. — Нет, если уж разойтись, можно, конечно и жену с детишками скопировать, — продолжил я рассуждать.

— Нет уж, шеф, тогда лучше копию своей Лики моему клону сделай, — хмыкнул он.

— Ты губу-то не раскатывай, — жестко оборвал я, обозначая границы, которые переступать не следовало. Даже в мыслях.

— Извини, — смутился Даня. — Неудачная шутка...

— В общем, продумать надо все как следует, — резюмировал я, делая глоток. — Не

столько с технической точки зрения, сколько прочие последствия.

Данила несколько секунд активно шевелил извилинами, машинально прикладываясь к своей кружке.

— Ну, пластическую операцию делать не придется, можно попробовать сразу при копировании изменить внешность, матрица-то активная, — пробормотал он, спустя несколько минут. — Но в мозг лезть я бы поостерегся пока, мы ж не знаем там ничего, что и как...

— Ты сначала на свинках потренируйся, а то сделаешь из себя Франкенштейна, — ухмыльнулся я. — А что касается мозга... Для клонов надо придумать механизм, обеспечивающий лояльность. Иначе, вся эта технология не имеет практического смысла.

— Тогда мне нужны специалисты, — решительно сказал он, подходя к кофе-машине и наливая себе вторую кружку кофе. — Как минимум толковый хирург и кто-то из ученых, занимающихся исследованием мозга. Причем, не просто врачи, а исследователи. Высочайшего уровня. И, конечно, они должны будут иметь допуск к синтезатору.

— И что мне потом с ними делать? Бритвой по горлу и в колодец? — Пробурчал я, отставляя кружку в сторону. Я бы с удовольствием последовал Данилиному примеру и выпил бы вторую, но решил воздержаться. Буду потом от изжоги мучиться.

— Петь, шила в мешке не утаишь, — Даня уселся прямо напротив и уставился мне в глаза. — Рано или поздно кто-нибудь сделает нужные выводы о том, что здесь происходит. Люди не дураки. А дальше нам просто нужно быть готовым к этому моменту. Технологии клонирования дадут колоссальный козырь.

— Да я-то все понимаю, — я встал на ноги и принялся ходить из угла в угол. Очень страшно было принимать это решение. Но, если говорить откровенно, другого выхода просто не было. Вспомнился разговор двухмесячной давности с Гордеевым, когда мы прикидывали план стратегического развития «Структуры» и анализировали влияние, которое синтезатор окажет на общество.

— Если энергетические корпорации еще какое-то время продолжают существовать, то производство просто умрет, — говорил тогда Гордеев. — Если мы сейчас, как ты выразился, «отдаем синтезатор людям», то очень многим просто уничтожим бизнес. Миллионы людей вдруг окажутся на улице, без работы, а многие и без средств к существованию. А синтезатор — это не мобильный телефон, с управлением которым справится даже ребенок. Вот я, не физик, обычный человек, окажись сейчас без вас в синтезаторном зале, вряд ли смогу провести наладку этого аппарата, чтобы скопировать хоть что-то... Короче, наступит кризис, равного которому еще не было. И все равно придется кому-то решать те самые проблемы, которые решаем сейчас мы. Какие у тебя гарантии, что этот «кто-то» сделает это лучше нас? — Он замолчал, вырисовывая на листе бумаги на редкость колоритного «веселого Роджера». — Поверь мне, стоит нам рассказать людям о том, что за аппарат у нас есть, очень многие захотят тебя просто грохнуть. А вторая половина — грохнуть и отобрать агрегат.

— Теоретически, можно собрать синтезатор, заточенный под обычного пользователя, — возразил тогда я. — Да и прогресс не остановить. Идея D-поля уже вышла в массы. Пройдет еще несколько лет, и кто-то наверняка поймет ее истинную сущность. А для инженерного решения, в этом случае, гении не нужны...

— Это ничего не меняет. Скорее наоборот, подчеркивает мою правоту, — покачал головой он. — Во-первых, доверять синтезатор простому обывателю — это то же самое, что

давать обезьяне гранату. Ты-то хоть образованный человек, с определенными моральными принципами. А, прикинь, что было бы, если аппарат попал бы к «черным»? Или к Моргунову? — Он выдержал паузу, давая мне возможность представить последствия. — А во-вторых... Это ты понимаешь, что прогресс не остановить. А те люди, у которых бизнес развалится благодаря синтезатору, сделают все, чтобы его, прогресс, хотя бы чуть затормозить. Так что, у нас с тобой, на самом деле, выход только один — стать сильными. Настолько, чтобы не нам диктовали условия, а мы их диктовали. А вот тогда-то и можно подумать о том, чтобы «отдать его людям». Правильно отдать, минимизировав последствия кризиса, который неизбежен...

Фиг с ней, с изжогой, решил я, подойдя к кофейному аппарату и поставив кружку на нужное место.

— Что тут у тебя нажать надо?

— Сейчас я сделаю, не трогай ничего, — подскочил он, хватаясь за какой-то рычажок.

— В общем так, Даня... Ищи тех, кто тебе нужен, — принял решение я. — Двух человек, не больше. А лучше — одного. Ну а потом Гордеев пусть думает, как их сюда доставить.

— Насильно они вряд ли захотят работать, — ответил Данила, передавая наполненную кружку.

— А мы никого заставлять не будем, — сообщил я, доливая сливки. — Мы их сюда доставим и сделаем копию. А клонам предложим выбор — или работаете с нами, или гуляйте на все четыре стороны. Но к этому времени ты должен будешь научиться менять лица морским свинкам. Уяснил?

— Мы клонам поменяем внешность и даже если они захотят уехать, то никогда и никому ничего не докажут, — уловил идею Сотников. — Без денег, документов, в чужой стране...

— Именно! Давай, дружище за работу, — хлопнул я его по плечу и направился к себе, прихватив кружку. И всю дорогу, пока шел, убеждал себя, что даже ошибочно принятое решение — это лучше, чем проблема, повисшая в воздухе.

Глава двадцать девятая. Лика. На взморье

Людей на пляже было очень мало. Даже здесь, в Асари, прошлым годом вся песочная полоса была бы заполнена отдыхающими. А сейчас, в такую жаркую погоду, кроме них с Дарьей и бойцов охраны, в непосредственной близости девушка насчитала лишь двенадцать человек. В основном, пожилые люди, старше сорока и всего два ребенка. Наверное, живут где-то неподалеку, почему-то решила она.

— Купаться пойдешь? — Спросила Лика у Дашки, бросая на песок шлепанцы и расстегивая пуговицы сарафана.

— А тина там есть? — Поинтересовалась девочка, усаживаясь прямо на землю и высыпая из мешка формочки с ведром и совочком.

— Тина — это просто трава, понимаешь? Только она в воде растет. И она совсем не

страшная, — который раз поучительно сообщила она Дашке. — Пойдем хоть посмотрим? Вдруг нету?

— Пойдем, — согласилась та. — Но, если она там плавает, я в воду не пойду!

— Ну и ладно, можешь тогда хоть зажариться на солнце, — хмыкнула Лика и пошла к кромке пляжа, на которую набегали пенистые барашки.

— Двое в кустах, один на дорожке, — привычно скомандовал Сергей охране, раскрыл зонтик и воткнул его в песок так, чтобы тень упала на расстеленное покрывало. Усевшись на него, мужчина положил рядом автомат, расстегнул разгрузку, а затем расшнуровал и снял ботинки. Это он так нас спасать готовится, если мы тонуть будем, подумала девушка. А мы не собираемся тонуть.

Уже месяц стояла жуткая жара. Еще не было одиннадцати, а столбик термометра давно переполз за двадцать пять и, судя по всему, не собиралась останавливаться. Даже не доходя до прибора, Лика знала — вода будет теплая. Потому что ветер с моря. Вот два дня назад, было наоборот, ветер дул с берега и, не смотря на тридцатиградусную жару, в воду было не войти, ноги сводило. Здесь так бывает. Это вам не Средиземное море. Это Балтика.

Вода обласкала ступни, и она удовлетворенно кивнула: здорово, градусов двадцать, а может и больше. Рядом с кромкой, то тут, то там в воде плавали маленькие клочки зеленых водорослей, чем-то похожих на странные и страшноватые медузы-мутанты. Пожалуй, да, подумала она, есть в них что-то противное.

— Вот видишь, плавают, — грустно сообщила ей девочка. — Давай, ты меня лучше ведерком обольешь?

— Ладно уж, неси свое ведерко, — согласилась Лика. Ммм, какой запах! Она очень любила море, пусть даже такое нежаркое. Было очень красиво: солнечные зайчики перебегали с барашка на барашек и прыгали туда дальше, где небо соединялась с водой. А там, почти на самом краю видимости вырисовывались хищные силуэты военных кораблей.

— Только смотри, чтобы туда эта гадость не запрыгнула, — предостерегла Дашка, передавая ей ведерко, на боку которого загадочно подмигивала златовласая диснеевская принцесса.

— Не запрыгнет, — пообещала ей Лика, зачерпывая воду и отгоняя ногой клочок тины. Потом развернулась и с удовольствием выплеснула воду на девочку. На визг обернулись даже бойцы охраны, расположившиеся в тени кустов.

— А набери мне с собой, — попросила довольная и мокрая Дашка. Зачерпнув еще воды, Лика передала девочке полное ведро и пошла купаться. Брести по воде пришлось долго, Рижский залив мелкий, в некоторых местах надо было метров сто пройти, чтоб вода дошла хотя бы до пояса.

Присев, девушка окунулась, передернулась, привыкла к температуре и поплыла по-собачьи, стараясь, чтобы волны не замочили волосы. Боже, как хорошо! Наконец-то, ее начало отпускать.

В Юрмале они с Дашей жили уже третий день. Тюша сам привез их сюда и поселил в большом доме, который стоял совсем рядом с морем. Чей он Лика не знала, Гордеев лишь упомянул вскользь, что хозяйева далеко, и они без всякого стеснения могут здесь пожить аж до осени. Петя забил на свои дела, и целый день они втроем, не считая охраны, загорали и обливались ледяной водой. Вчера он уехал в Ригу на полдня, а сегодня впервые после нападения, оставил ее одну на целый день. Ну как, не одну, конечно, а с Дашкой и гордеевскими головорезами. Но для нее и это было достижением.

Панические атаки, которые начались после нападения на «Цитадель», превратили Ликину жизнь в кошмар. Первое время она в ужасе вскакивала по ночам и своим криком будила несчастного Тюшу, которому приходилось ее долго успокаивать. Иногда успокоить не удавалось, и тогда он колол ей транквилизаторы, после которых она как-то засыпала. Гордеев нашел ей врачей, психиатра и психолога. Совместными усилиями эскулапы пытались привести ее в себя, но ничего не помогало. Стоило Пете отойти больше чем на несколько минут, девушку тут же клинило. С криком Лика забивалась в ближайший угол и дрожала от жуткого, беспричинного ужаса. А прозвучавший рядом выстрел мог довести ее до истерики. Если удавалось расплакаться, становилось немного легче. Как и ночью, иногда у Пети получалось ее успокоить, но чаще приходилось опять колоть лекарства, после которых она несколько часов бродила словно сомнамбула.

Все изменилось, едва рядом появилась Даша. Лика сначала здорово испугалось, когда Тюша сказал, что вернет Ольгу с дочкой в Латвию. Не то, чтобы она боялась соперницы, вот еще. Лика знала, чувствовала — Пете не нужна была никакая другая женщина, кроме нее. И детей она тоже любила и вовсе не имела ничего против Даши. Может быть это странно, но Лику больше всего волновало, что Ольга из-за этих дурацких приступов, примет ее за сумасшедшую. А выглядеть такой перед бывшей Тюшиной женой совсем не хотелось.

Но страхи оказались напрасными. Во-первых, Ольга оказалась не такой, какой Лика ее себе представляла. Нет, стерва, конечно, но в то же время довольно добрая и отзывчивая женщина. А во-вторых, приступы вдруг прекратились, едва рядом оказалась Даша.

Еще в автобусе, когда они отъехали от границы, девочка потянулась к ней. Может потому, что Лика была единственной, кто задумался о подарке, а может потому, что она сама еще совсем недавно играла в куклы... И потом, когда ее накрыло во время стрельбы в лагере беженцев, Лика вдруг ощутила, что Дашке тоже очень-очень страшно. Они прижались к Пете с двух сторон, и маленькая ладошка вцепилась в ее майку. Ладошка была холодной и мокрой, а еще — дрожащей. Вот тогда в Лике что-то щелкнуло. Ах ты коза, вдруг разозлилась она на себя. Ты тут дрожишь и рыдать собираешься, а маленькая девочка молчит и терпит. Хотя ей, может, еще страшнее, чем тебе! Едва эта мысль промелькнула, приступ вдруг прекратился. Нет, она, конечно, продолжала бояться. Но теперь этот страх стал обычным, с таким она умела справляться.

Петя поселил Ольгу и Дарью не в самой «Цитадели», а в домике неподалеку. После памятного нападения, многие людей просто сбежали из окрестных домов. Гордеев быстро расширил охраняемую территорию, фактически захватив пустующую недвижимость, в которой теперь расселяли работающих в «Структуре» людей. Дарья вроде как жила с мамой, но на самом деле она там лишь ночевала, а почти все дневное время крутилась вокруг отца. Чтобы дать возможность Тюше работать, Лика, фактически, стала нянькой. Заметив, что приступы перестали повторяться, врачи предложили Пете закрепить успех и организовать для нее с Дашей отдых на море. Что тот немедленно и сделал.

— А там, в глубине, тины нет, — сообщила она Дашке, выходя из воды. — Хочешь, я тебя отнесу?

— Хочу! — Оживилась девочка, бросая лопатку и запрыгивая на Лику. — А ты меня можешь покрутить за руки, как папа?

— Нет уж, ты для меня слишком тяжелая, — пробурчала она, с трудом удерживая это чудо на руках. — Я тебя только бросить в волны могу!

— Нет, не надо, — завизжала Дашка прямо в ухо.

— Ай, не кричи так, — одернула ее Лика, быстрым шагом заходя в воду. Ничего себе, пятилетний слоненок! Едва пятна тины пропали из поля зрения, она с облегчением опустила Дашу в воду. Та довольно взвизгнула и тут же села на дно. — Так тебя волной накроет, — предупредила Лика.

— Ну и пусть, — отважно заявила девочка. — Волну я не боюсь. Я тину боюсь.

— А еще чего боишься? — спросила Лика, удерживая ее за руки, чтобы дернуть вверх при приближении высокого гребня.

— Еще я боюсь ночью просыпаться, когда мамы нет рядом, — сообщила Даша.

— Здесь? — Не поняла Лика. — Здесь же нет мамы. Ты ж с нами в одной комнате спишь, а мы никуда ночью не пропадем, — девушка запнулась и смутилась, вспомнив, как прошлой ночью они с Тюшей уединились в соседней комнате, и совсем не для сна...

— Вы-то не пропадете, а вот мама... — начала говорить Дарья и в этот момент ее накрыла волной. Лика дернула девочку за руки, но не успела, волна оказалась коварной, быстрой и большой. Дашка стала смешно отфыркиваться и тереть глаза. Волосы, конечно, намочили. До самой макушки.

— Что мама? — переспросила Лика.

— Ты о чем? — пробормотала девочка, отфыркиваясь.

— Ты сказала, что мама пропадает ночью, — уточнила Лика.

— Ну да, — согласилась Дарья. — Я просыпаюсь, а ее нет. И тогда мне очень страшно, — девочка снова опустилась на колени, так, что над водой осталась торчать только голова.

— Может она в туалет ходит? — хмыкнула Лика. Ее вдруг заинтересовало исчезновение Ольги по ночам.

— Неа, — качнула головой Дашка, внимательно следя за приближающейся волной. — Она совсем из дома уходит. И дверь входную закрывает на ключ...

На этот раз Лика успела. Волна лишь лизнула Дашу между ключицами и разочарованно покатила дальше. Девочка опять опустилась на колени.

— А когда она возвращается? — поинтересовалась Лика.

— Не знаю, — девочка смешно пожалала плечами, и они чуть показались над водой, а потом снова нырнули. — Когда я утром просыпаюсь, мама уже спит в своей кроватке.

На этот раз волна была маленькой и Дашу пришлось приподнять совсем чуть-чуть.

— А ты с ней говорила об этом?

— Говорила, — кивнула девочка и Лика улыбнулась — настолько жест и выражение лица малышки были похожи на Петины. — Она сказала, что у нее бывают дела и просила никому про это не рассказывать. Ой, — Даша вдруг смутилась. — А я рассказала, да?

— Ничего, мне можно, — Лика в очередной раз выдернула малышку из воды. — Это будет наш общий секрет. Может хватит, пошли песочный город строить?

— Неет, хочу еще с волнами побеситься, — заныла Дашка.

— А вот там — водоросль, — коварно подсказала Лика, ткнув пальцем куда-то в сторону. — Зеленая...

— Виинии... — Даша с визгом вскарабкалась на нее. Рассмеявшись, Лика обхватила девочку и потащила к берегу.

— А сколько будет башен? — Спросила девочка, спрыгивая на песок.

— А сколько ты хочешь?

— Четыре маленьких и одну большую!

— Договорились, — кивнула Лика, посмотрев на Сергея, лежащего под зонтиком. Телохранитель что-то забормотал в микрофон, одевая и зашнуровывая ботинки. И лицо у него было... озабоченное. Девушка оглянулась по сторонам. В отдалении, вдоль прибоа к ним двигалась странная компания.

Громко переговариваясь, несколько мужчин, в шортах и белых майках, тащили за руки двух девушек. Девушки были в купальниках, шли понуро. Даже на таком расстоянии Лике показалось, что они плачут. Поглядывая на загорающих, впереди с видом вожака стаи шел молодой парень.

— Лика, возьми, пожалуйста, Дашу за руку. И держитесь у меня за спиной, когда *эти* подойдут, — сказал Сергей, застегивая разгрузку. — Ситуация один-семь. Шестеро мужиков, двое вроде как вооружены пистолетами, насколько я отсюда вижу, — продолжил тихонько говорить он в таблетку микрофона, закрепленную на воротнике. — Ведут двоих девушек, которых только что захватили на пляже. По повадкам мажоры с двумя телохранителями... Прошу в поддержку «иглу»... Понял. Понял, в случае нападения, бойцов валить наглухо. Конец связи. — Не отрываясь от приближавшейся компании, Сергей повысил голос. — Лика, ты как, держишься? Паниковать не будешь?

— Я в порядке, — ответила она, обнимая притихшую Дашу. — Нам к кустам бежать?

— Спокойно, не дергайтесь. Побежите, если стрельба начнется. Эдгар вас там встретит. Бородач, имени которого Лика не знала и высокий, статный боец, которого звали Павел, выбрались из кустов, подошли ближе и встали с обеих сторон от них.

При приближении к ним, странная компания замедлила шаг.

— Так, так, что тут у нас? — Развязано проговорил идущий впереди парень, нагло оглядывая Лику с головы до ног.

— Держите руки на виду, клоуны, — спокойно проговорил Сергей, поднимая ствол автомата. — Пистолеты остаются в кобурах, и идёте дальше, туда, куда шли.

— Ты, мля, на кого ствол поднял, мудила? — Вдруг заорал их предводитель. У парня были длинные, до плеч волосы и выразительное, но какое-то застывшее лицо. И совершенно стеклянные глаза. — Ты знаешь, кто мой батька?

— А мне насрать, — сообщил Сергей. — Мужики, угомоните мажора, а то всем плохо будет.

— Слыш, Виталя, пойдём дальше, — проговорил один из бугаев, на плечах которого висела оперативная кобура с большим черным пистолетом.

— Закрой пасть, Конь, — отозвался мажор, глянув в глаза Лике. От застывшего взгляда с крохотными зрачками девушке стало не по себе. — Смотри какая козочка, фигурка, ммм... Не то что у этих. Слыш, чикса, пойдём со мной... не обижу. Оторвёмся по полной. У меня все есть...

— Вит, пойдём дальше, — вдруг негромко проговорил второй телохранитель, невысокий и лысый, похоже, самый старший из компании. Секундой ранее он замер по команде Сергея, разведя руки чуть в стороны. — На шеврон глянь, это бойцы из «Структуры». Они пол Риги держат. Там, говорят, одни вояки, отмороженные на всю голову...

— Послушай старших, мальчик, — усмехнулся Сергей, не отрываясь от прицела автомата, чей ствол был направлен как раз на телохранителя. — Он дело говорит.

— Да ипал я вас всех всех в рот, — огрызнулся мажор, поворачиваясь к своим дружкам. — Берем чиксу?

— Да ну нах, Виталья! — Отозвался второй, чем-то похожий на актера Алексея Нилова в молодости. Он явно струхнул, наверное, был не настолько обдолбанным, подумала Лика. — Пошли дальше, а то щас нашинкуют, мля, в винегрет.

— Нее, я эту козу хочу, — наклонив голову, мажор, не отрываясь, смотрел на нее взглядом, в котором не было ничего человеческого. Лика передернулась от омерзения и инстинктивно отодвинула Дашу себе за спину. И тут мажор шагнул к ней...

Грохот автоматных выстрелов неожиданно ударил по ушам. Белые майки телохранителей мгновенно окрасились красным, а мажор опрокинулся на спину, с нечеловеческим криком упав на песок. Лику словно кто-то в спину подтолкнул — она развернулась, схватила Дашку на руки и со всех ног бросилась к кустам, краем глаза заметив, как разбегаются отдыхающие. Боже, я щас упаду, подумала она. Ноги уже заплелись, но вдруг сильные руки подхватили ее...

— Отпусти ребенка, я держу, — услышала она знакомый голос и, подняв глаза, перехватила взгляд Эдгара. — Целы обе?

— Вроде да, — пробормотала она, прислушиваясь к себе.

— Я целая, — вдруг совершенно спокойно проговорила Даша. — Это бандиты были, да?

— Еще какие! — Ответил Эдгар, прикрывая их своим телом от моря, хотя выстрелы уже прекратились. — Бегом в машину.

Тяжелая, бронированная «ауди» неожиданно ловко развернулась на маленьком пяточке. Лика, следом за Дашкой, нырнула в кондиционированную прохладу салона, с сожалением подумав об оставшемся на пляже сарафане.

Глава тридцатая. Прогулка

— Михалыч, останови, пожалуйста, — попросил я, ибо понял — если не прогуляюсь, голова просто расколется. Как упавший на асфальт арбуз. Три совещания подряд — слишком большая нагрузка для меня. А ведь впереди еще сложнее переговоры.

— Ты чего? — Всполошился Гордеев.

— Дим, мы пройдемся. Предупреди охрану, — я сжал Ликину руку. — Пойдешь со мной?

— Конечно, — кивнула девушка.

— Предупреждать заранее надо, — недовольно отозвался Гордеев, забормотав в микрофон. Михалыч, глянув на него, прижал «бентли» к тротуару. — Прямо до места догуляете?

— Угу, — кивнул я, подождав, пока кто-то из телохранителей откроет дверь. Затем выбрался на воздух и помог вылезти Лике. Семеро бойцов рассредоточились вдоль забора церкви, взяв нас в «коробочку». Я только вздохнул, романтическая прогулка никак не получится. Издержки профессии, так сказать. И обстоятельств.

Церковь Благовещенья Пресвятой Богородицы, как ни странно, была открыта, и туда шли люди. Рядом с входом сидели попрошайки, аж целый десяток. При приближении нашей

процессии, нищие, если их можно было так назвать, загомонили, прося подать «Христа ради». Достав бумажник, я вытащил несколько купюр и положил их молодой женщине с ребенком на руках — единственной, которая не просила, ибо была занята успокаиванием расплакавшегося младенца. Не знаю, как кто, а я всегда неуютно чувствую себя в таких обстоятельствах. Не денег жалко, нет. Но давать их просто так неправильно, что ли...

— Не хотела бы я оказаться на ее месте, — пробормотала Лика, едва мы перешли улицу Тургенева, двигаясь в сторону вокзала.

— Откуда тебе знать, как ей живется? — ответил я, поглядывая на шпиль Академии наук. Людей вокруг было мало. Очень мало для теплого вечера и центра Риги. Редкие машины проносились по Гоголя, обгоняя наш кортеж из трех джипов и «бентли», которые позли за нами с пешеходной скоростью.

— Наверное, не очень хорошо, раз стоит здесь с малышом, — пожала плечами Лика, отчего-то передернувшись.

— Замерзла? — С удивлением посмотрел я на нее. Мне, в моем смокинге было откровенно жарко. А в ее коктейльном платице, по-моему, самый раз.

— Нет, просто представила, что я там стою...

— Опять страшилки себе выдумываешь? — покачал головой я. Вчера, после случая в Юрмале, я настоял, чтобы Лика опять побеседовала со своим «мозгоправом». После сеанса Юля, так звали психолога, посоветовала мне, не много ни мало, «не давать девочке мечтать». Мол, у нее богатое воображение, и она часто представляет себе всякие ужасы, которые могли бы случиться. Впрочем, как ни странно, ночь прошла нормально — ни криков, ни паники. Видать, все ж идет на поправку.

— Нет, — усмехнулось мое чудо, взяв меня за руку. — Просто подумала, смогла бы я так же стоять? — Она помолчала немного, цокая каблучками по асфальту в такт моим шагам. — Скажи, а у нас не будет последствий... После вчерашнего?

— Из-за того, что телохранителей грохнули? — уточнил я.

— Угу...

— Смерть не бывает без последствий, — невесело вздохнул я, вспоминая вчерашний вечер.

— ...Его отец — Эдгар Колмогоров, владелец сети магазинов «Латэлс», — говорил Гордеев, изредка поглядывая в блокнот. — После «нобрукумса»^[47] оперативно поднял все свои старые бандитские связи и организовал «Латэлс-апсардзэ», которая сегодня, фактически, держит дальнюю Юрмалу, все, что после «Майори».

— Что нам от него ждать? — Спросил я, рассматривая на мониторе фотографии, снятые оперативной группой на месте вчерашнего происшествия. Три трупа телохранителей и раненый мажор, зажимающий руками окровавленное «хозяйство».

— Пока сложно сказать, — немного помолчав, ответил Гордеев. — По моим данным, он тоже сыном был очень недоволен последнее время. Думаю, забьет стрелку и потребует компенсацию за бойцов, чтоб авторитет совсем не потерять... Сынок-то жить будет, правда, внуков Колмогорову уже не дожждаться...

— Да уж, Серега в стрельбе виртуоз, — хмыкнул я. — Силового варианта не будет?

— Полностью исключить нельзя, — Гордеев пожал плечами. — Но сомневаюсь. Силенок им не хватит, у них бойцов-то всего два десятка. И вряд ли их кто-то поддержит, — Дима снова замолчал ненадолго, что-то обдумывая. — Но я бы тебе советовал не игнорировать приглашение и завтра съездить на день рождения Закиса.

— Нафига? — Поморщился я.

— Если мы заключим с ним договор о разделении сфер влияния и сотрудничестве, то конкурентов в Латвии у нас не останется. Против двух крупнейших группировок никто не пойдет, Петь...

Я внимательно посмотрел на Гордеева, а он выдержал мой взгляд. Мы оба знали, к чему нас приведет это соглашение. «Черные», то бишь «комитет национального спасения» неоднократно предупреждали всех, что слияния «охранных фирм» они не допустят. После того, как нам удалось собрать под собой остатки спецназа, полиции и некоторых военных подразделений, мы уже получили два предупреждения в черных конвертах. В последнем письме нам открытым текстом сообщили, что третьего предупреждения не будет.

— Ты считаешь, что мы уже полностью готовы? — В лоб спросил я.

— Мы никогда не будем готовы «полностью», — Гордеев вдруг наклонился ко мне и зашептал. — Пойми, они — виртуалы. У них нет ни базы, ни складов, ничего. Мы не можем их найти, пока они не проявят себя.

— То есть, ты решил нас всех как наживку использовать? — Уточнил я таким же шепотом. Не смотря на постоянную проверку на наличие прослушивающих устройств, ни он, ни я не были до конца уверены в их отсутствии. В моем кабинете разные люди бывали.

Опять выдержав мой взгляд, он усмехнулся.

— Петь, у нас выбора нет. Рано или поздно информация об устройстве в соседней комнате уйдет из стен этого здания. Не мне тебе объяснять, чем это обернется... Сразу же территория Латвии будет объявлена рассадником терроризма, и сюда войдут войска. Или натовские, или российские — в зависимости от того, кто узнает первым. Мы не можем позволить себе оставаться заштатной бандой...

— Я думал, вначале стоит закончить Данин проект, — пробормотал я.

— Нет у нас времени, нет! — Крикнул шепотом Гордеев, постучав ладонью себя по лбу. Я его таким возбужденным никогда еще не видел. — Наши грузчики между собой уже шепчутся, что мы товары из воды делаем, вчера лично слышал, когда мимо фур проходил... Посмотри, мы в этом месяце отгружаем десятки тонн каждый день, а нам ничего не поставляется! Все же здесь живут, все всё видят. Пройдет еще месяц, и к нам поедут шпионы. Сначала от местных бандитов, а потом из-за границы. Петь, у нас в лучшем случае полгода! В лучшем!!!

Он замолчал, поднялся и принялся ходить по кабинету из угла в угол. Что же он так нервничает, подумал я. Даже во время штурма он не был таким...

— Ладно, Дима, я понял тебя. Завтра поеду поздравлять Закиса. Готовь подарок.

— Ну слава богу! — Хмыкнул он, облегченно вздохнув. — И «бентли»!

— Давай, хрен с тобой, — усмехнулся я, вспомнив недавнее совещание. Я всячески отказывался покупать дорогие машины, но Дима, на пару с Банковичем убедили меня, что это необходимо.

— Вы поймите, молодой человек, — Борис Моисеевич скорчил, как он думал, убедительную мину лица. — Сегодня, в этом бандитском беспределе, в который таки превратили Ригу, только понты и имеют значения. Никто не будет с тобой разговаривать, если ты приедешь на встречу в своей красивой «ауди». Все, таки скажут, что за Петром Мечниковым нету денег. Или, того хуже, что у него таки не достает характера сделать гоп-стоп автосалону «бентли»...

«Делать гоп-стоп», как выразился старый еврей, я, конечно, не стал, но пришлось

купить дорожную и броскую машину как раз для таких случаев, на выезд, так сказать.

— Чего ты ухмыляешься? — Спросила меня Лика, беря под руку. Мы зашли под железнодорожный виадук, в тень. Сразу стало прохладнее.

— Вспомнил, как Банкович убеждал меня, что надо «бентли» покупать, — признался я.

— А что про последствия? — вновь спросила она.

— То, что мы сегодня к Закису идем, это и есть последствия в каком-то смысле, — пожал плечами я. — Все будет хорошо, Рыжик. Вот увидишь!

— Будет, — как-то грустно и не очень уверенно согласилась она.

По эту сторону железной дороги народу и машин было больше. Люди поглядывали на охрану, но вид вооруженных автоматами прохожих уже давно перестал смущать окружающих. Я уже пару месяцев не выходил в центр, и, пока мы шли по привокзальной площади, все время ловил себя на мысли, что вокруг что-то не так. Стало грязнее? Ненамного, все охранные фирмы города еще два месяца назад договорились скидываться на работу коммунальщиков. Часы работали, торговые центры «Стокман» и «Ориго» тоже были открыты... Таксисты на месте.

— Рыжик, тебе не кажется, что здесь что-то поменялось? — Поинтересовался я у Лики, цокающей каблучками рядом со мной.

Девушка оглянулась вокруг и пожалала плечами.

— Вроде все как обычно, — пробормотала она. — Женщин только на улице почти нет.

— Вот точно! — Согласился я. — Женщины пропали.

В Риге девушек всегда хватало. Особенно летними вечерами, да в хорошую погоду.

— Страшно жить стало, поэтому и нет, — так же грустно проговорила Лика, прижимаясь к моему локтю. — Вот так, с охраной еще можно погулять, а одна, или даже вдвоем с парнем я бы не рискнула. Особенно, после вчерашнего.

— Не переживай, твой мажор уже никому не навредит, Сергей «вредилку» отстрелил.

— Он не мой, — передернулась Лика. И вдруг как-то странно посмотрела на меня. — Тюша, а ты не знаешь, к кому твоя бывшая жена по ночам бегают?

— А она бегают? — Удивился я. — Ты-то откуда знаешь?

— Мне Даша вчера по секрету сказала, что она ночами просыпается, а мамы дома нет.

— Во как, — пробормотал я, задумавшись. Не похоже на Ольгу.

— Ревнуешь? — Усмехнулась Лика, все так же испытывающее поглядывая на меня.

— Да нет, просто странно, — пожал плечами я. — Она днем на виду все время, закрути с кем роман — я бы знал. А так, втихаря, ночами... Совсем на нее не похоже.

— Я уж подумала, может это ты с ней ночами тусишь, — то ли спросила, то ли сообщила мне Лика.

— Ага, значит, это ты ревнуешь! — Ухмыльнулся я.

— Да, ревную, — вдруг совершенно спокойно сказала она, а я аж остановился от неожиданности. Развернул девушку к себе, несколько секунда смотрел в большущие голубые глаза, а потом наклонился и поцеловал.

Спустя некоторое время, оторвавшись, она прижалась ко мне и на некоторое время застыла, то ли успокаиваясь, то ли просто наслаждаясь моментом. Посмотрев на бойцов, которые окружила нас, ощетинившись стволами во все стороны, я почувствовал себя неудобно и, отстранившись, взял Лику за руку.

— Пойдем, Рыжик!

— Сейчас, — она открыла клатч, достав оттуда маленькое зеркальце и помаду.

— Как же я тебя люблю! — Совершенно искренне вырвалось у меня.

Взмахнув ресницами, она озорно взглянула на меня и чуть улыбнулась уголками губ.

— За то, что ревную?

— Нет. За то, что ты такая, какая есть, — сообщил я ей, забирая у нее сумочку, пока она приводила в порядок макияж.

— Обычная, — пожалала плечами она.

— Нет! Совсем необычная! Ты даже не представляешь, какой театр одного актера устроила бы мне Ольга, появившись у нее подобные подозрения. Ты же просто спросила. Спокойно. НОРМАЛЬНО, — выделили голосом я последнее слово. — А потом, так же спокойно позволила мне съесть с тебя помаду, — усмехнулся я, возвращая клатч ей в руки.

— Чего-чего, а уж помады мне для тебя ни капельки не жалко, — засмеялась девушка. — Я просто тебя люблю, Тюша. Лишний раз накрасить губы — это самое малое, что можно сделать для любимого человека. Тем более, когда самой нравится целоваться.

— Тебя мне бог послал, не иначе, — улыбнулся я, снова взял ее за руку и двинулся к пешеходному переходу. Как ни странно, голова прошла. Совсем. Теперь я был готов общаться хоть с Закисом, хоть с чертом лысым. Что, впрочем, примерно одно и то же.

Глава тридцать первая. Переговоры

— ...Sveiks lai dzīvo, sveiks lai dzīvo, lai dzī-ī-īvo sveiks!^[48] — Как раз пели присутствующие, когда мы втроем поднялись по лестнице в самый большой зал здания Рижского латышского общества.

Навскидку, здесь присутствовало человек семьдесят. Дамы в платьях всевозможных расцветок и фасонов, солидные мужчины в смокингах, реже в костюмах. С бокалами шампанского в руках они стояли вокруг большого стола, заваленного подарками, и увлеченно выводили незамысловатую песенку. Сам именинник, высокий и большой человек, выглядел лет на шестьдесят. На хозяине торжества был белый смокинг, в котором он неплохо смотрелся. С зачесанными назад седыми волосами и круглым красным лицом он с улыбкой слушал славословия в свой адрес.

Едва мы вошли внутрь, возле нас тут же нарисовался официант с подносом, заставленным бокалами с игристым вином. Вдоль стен, по периметру зала стояли ломившиеся от еды столы. Повесив на лицо улыбку, я забрал у Димы коробку с подарком и двинулся к имениннику.

Мы с Закисом встречались всего трижды, все три раза на переговорах. Но почему-то я был уверен, что считался тут одним из самых важных и ожидаемых гостей. Поэтому, по совету Гордеева, отбросил природную стеснительность и, несколько нагло, попер поздравлять. Предводитель одной из самых больших и сильных банд Риги не должен ждать возле двери своей очереди. Не поймут-с.

— Вот это подарок, так подарок! — Увидев меня, довольно громогласно воскликнул

именинник на языке Пушкина, с легким характерным акцентом. Что интересно, как я не пытался говорить с Закисом по-латышски, тот, общаясь со мной, всегда переходил на русский.

— Здравствуй, Алвис, — широко улыбнулся я, протягивая свою ладонь, которая мгновенно исчезла в его лапе. — Вот, прими мой скромный презент для твоей коллекции. Почему-то уверен, что этот экземпляр будет тебе особенно интересен!

Закис собирал коллекцию старинного и дорогого алкоголя. Гордеев за день где-то умудрился найти дороговую и редкую бутылку коньяка, которой, по словам Димы, именинника просто быть не могло. Однако, засомневавшись, я все же передал Алвису еще и пухлый конверт, как было принято у деловых людей. Даже если у него и окажется такой коньяк, десять штук всяко компенсируют легкую досаду коллекционера.

— ...здоровья тебе, дорогой, и большой-большой удачи во всех делах! — Продолжил я поздравления.

— Спасибо Петр, что-что, а здоровья и удача понадобятся, — прогудел Алвис, трясая мою ладонь.

— Позволь тебе представить, моя девушка, Лика, — Рыжик мило улыбнулась и протянула Закису букет из пяти больших белых роз. Именинник в ответ, с явным удовольствием облобызал ее и представил свою супругу, стоявшую рядом — невысокую шатенку моих лет, в очень красивом вечернем платье темно-красного цвета. Женщину звали Санта. Я, по-светски, приложился губами к ручке.

— Немного перекусим, а потом уединимся на полчаса? — То ли спросив, то ли пригласив, шепнул мне Алвис.

— Как скажешь, — согласился я, уступая место Гордееву, который тоже передал ему пухлый конверт и озвучил несколько стандартных пожеланий.

Часа через два, когда мне эта тусовка уже откровенно надоела и, натанцевавшись с Ликой под неплохую живую музыку, мы с ленивым интересом обсуждали наряды присутствующих дам, Закис с женой вырвались из толпы гостей и подошли к нам.

— Петр, прошел слух, что твоя девушка — заядлая театралка, — проговорил именинник, глядя на Лику. — Вот Санта хочет с ней обсудить, как бы нам помочь оставшимся в Риге театрам. А мы пока могли бы поговорить о скучных мужских делах...

— Да, конечно, — я легонько сжал Ликину ладонь, давая понять, что оставляю ее одну. Она кивнула, сжав руку в ответ, показывая, что все в порядке.

— Думаю, господин Гордеев лишним не будет, — Алвис развернулся к Диме, который стоял чуть в отдалении, беседуя с каким-то мужиком.

Следуя за именинником, мы прошли по коридору и свернули в небольшую комнату, которая служила чем-то вроде подсобки.

— Каспар, сделай так, чтоб нам никто не мешал, — приказал по-латышски Закис присутствующему в комнате человеку, судя по костюму — охраннику. Из голоса хозяина торжества как-то вдруг пропала вальяжность, а движения приобрели резкость и властность. Я тоже сразу собрался, настраиваясь на переговоры. — И найди нам Виктора. Господа, — снова перешел он на русский, беря со стола обычную магазинную корзину, которая невесть как тут оказалась. — Вы не возражаете, если наши телефоны обождут в соседней комнате? — И первым положил туда свой смарт. Мы с Гордеевым последовали его примеру. Забрав корзину, Каспар вышел, а мы уселись на неудобные стулья, стоящие рядом с небольшим столиком. — Я прошу прощения за обстановку, но тут уж нас точно никто не

услышит.

— Все в порядке, Алвис, мы все понимаем, — ответил я, устраиваясь поудобнее.

— Тогда можем перейти к делу, — кивнул Закис и замолчал, собираясь с мыслями. Мы с Гордеевым молча ждали. Вдруг дверь открылась, и в помещение вошел высокий худой и лысый человек откровенно уголовной наружности. — Это Виктор, — представил бывшего зэка Алвис.

— Мы знакомы, — улыбнулся Гордеев, пожимая руку вошедшему. Я тоже приподнял седалище и сжал протянутую сухую ладонь.

— Ну да, вы же коллеги, — усмехнулся Закис. Виктор Астафьев возглавлял боевое крыло его группировки, вспомнил я досье, которое Гордеев заставил меня пролистать перед выездом. — Итак, господа, чтобы не тянуть кота за хвост, сразу начну с главного. Как вы смотрите на то, чтобы объединиться?

Мы с Гордеевым переглянулись.

— Алвис, поясни, пожалуйста, свое предложение, — попросил я, закидывая ногу за ногу.

— Нет, нет, — усмехнулся он, поднимая ладони перед собой. — Я не имею ввиду слияние, конечно. Я предлагаю поделить районы и совместно решить проблемы с некоторыми нашими... ну, назовем их по научному, — он подмигнул мне, — оппонентами.

— Алвис, а вы не могли бы более детально описать, как вы это видите? — спросил Гордеев, откидываясь на спинку стула.

— Конечно, — кивнул Закис. — У нас есть некоторые спорные моменты с Галактионовым и огрскими^[49] ребятами. А у вас, как я слышал, возникло... недопонимание с Эдгаром «Юрмальским». В одиночку трудно, а объединившись, мы могли бы решить эти вопросы.

— Ну, допустим, мы договорились, — чуть подумав, произнес Дима. — А что потом?

— А потом мы поделим территорию или направления и будем жить дальше, — развел руками Закис, улыбаясь и глядя на меня. Однако, глаза его оставались внимательными и холодными.

Он как медведь, подумал я. С виду большой такой, мохнатый, и выглядит добрым. Но когти длинные и зубы... И не дай бог попасться ему в лесу, на узкой тропке и без ружья.

— Все это очень интересно, Алвис, — сообщил я ему, сплетая пальцы в замок. — И может рассматриваться детально. Но, прежде чем все это дальше обсуждать, нам надо решить, что мы будем делать с главной проблемой.

Виктор, который до этого момента изображал из себя сфинкса, вдруг оживился и кивнул.

— Не будет ли нескромностью с моей стороны спросить, — Закис тоже закинул ногу на ногу, продемонстрировав замысловатый узор на белых носках, — сколько предупреждений вы уже получили?

— Не будет, — усмехнулся Гордеев. — Два.

— И мы два, — удовлетворенно кивнул он. — Поэтому, если мы хотим продолжать развиваться, нам придется дернуть тигра за усы. А делать это вдвоем куда веселее. И безопаснее.

— Прежде чем тигра за усы дергать, неплохо было бы разведать его логово, — поднял бровь Дима. — Может быть, у вас есть какие-то наработки в этом направлении?

Закис усмехнулся, покачав головой своим мыслям. Потом посмотрел мне прямо в глаза.

— Петр, я тобой восхищаюсь. Честное слово. Ну ладно, я в бизнесе много лет уже. Начал в девяностые, мальчишкой у Харитонова^[50]. Потом долгое время крутил всякие полузаконные схемы. Даже в политике побывал. После «нобрукумса» вспомнил старые навыки и, пользуясь новыми связями, вот выбился в уважаемые люди, — он развел руками, будто бы демонстрируя свои достижения. — Но это я, со своим опытом. А ты, никому неизвестный ученый — и на тебе, даже меня опередил.

— Ты мне льстишь, Алвис, — ухмыльнулся я.

— Нет, нет, — он снова выставил перед собой ладони. — Никакой лести, все правда. Я не лезу в твои дела, и знать не хочу твоих секретов и методов. Но одно я знаю точно — глупый человек так бы не смог. Я знаю, что у тебя первоклассные аналитики, — Закис изобразил поклон в сторону Гордеева, — и отличная разведка. Про боевую группу и не говорю, *seripe post!*^[51] Поэтому, был совершенно уверен, что уж кто-кто, а ты все знаешь про «логово тигра».

— К сожалению, вынужден тебя разочаровать, Алвис, — я посмотрел на Гордеева. — Дима, расскажи, что мы знаем.

— Совсем немного, — Гордеев развел руками. — Несколько фамилий, на которые были оформлены фальшивые документы. На них брались в прокат микроавтобусы. Так же нам удалось вычислить канал поставки вооружения: морем из Германии. Однако, концы подчищены профессионально. Трое из тех, кто знал и обеспечил поставки найдены мертвыми. Последний, четвертый, пропал без вести. По качеству и чистоте подготовки похоже на спецслужбу серьезного государства. Были ошибки и у них, но анализ и проработка ничего не дали. Это все.

Закис улыбнулся и потер ладони друг об друга.

— Значит хоть в чем-то, но я вас опередил, — довольно проговорил он. — И, если ты, Петя, в принципе, принимаешь мое предложение, я готов поделиться всем, что знаю.

Я посмотрел на Гордеева. Поймав мой взгляд, он прикрыл глаза, советуя соглашаться.

— Хорошо, Алвис. Договорились, — я протянул ему руку.

— Отлично, — с энтузиазмом пожав мою ладонь, он откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и некоторое время, улыбаясь, глядел на нас с Гордеевым. Выдерживая, так сказать, театральную паузу. Артист, блин, нашелся. — Ну, во-первых, приблизительно за неделю до первого теракта, директор одного банка, с которым я тогда работал, внезапно отказал мне в кредите. Работали мы с ним много и долго, поэтому он мне шепнул, что в Латвии ожидаются большие проблемы. Поэтому, банк их, по указке сверху, из Скандинавии, оперативно сворачивает свою деятельность...

— А банк принадлежал крупной международной корпорации? — уточнил Гордеев.

— Очень крупной и очень международной, — усмехнулся Закис. — Это раз. Два. Как мне удалось выяснить, восьмого мая посольства некоторых стран внезапно... опустели. Сотрудники разъехались в командировки. Забавно, правда?

— Каких стран? — Предельно серьезно спросил Дима. Я прямо почувствовал его напряжение и активную работу мозга.

Закис снова выдержал театральную паузу.

— Западных, — наконец ответил он. — Послы США, Великобритании и Германии, а так же большая часть их сотрудников куда-то срочно выехали. А два больших транспортных самолета ВВС США, которые, по странному стечению обстоятельств, оказались в аэропорту Риги, девятого мая забрали всех остальных.

— Я слышал, что самолеты приземлились девятого вечером, под прикрытием гэ-бэ-эр^[52] НАТО, — несколько удивленно проговорил Гордеев.

— А вот и нет, — покачал головой Алвис, вдруг став серьезным. — Самолеты приземлились восьмого. Это улетели они девятого, а, как ты выразился, гэ-бэ-эр прикрывала их вылет. И, едва они вылетели, наши черные друзья приехали в аэропорт. И ни минутой раньше.

— Занятно, — хмыкнул я, обмозговывая услышанное. — Но, по сути, мало что дает, разве только направление поисков.

— Ну что ж вы такие нетерпеливые, — усмехнулся Закис и повернулся к Виктору, до сей поры не проронившему ни слова. — Расскажи им.

— Ну дык, короче, — открыл рот «коллега» Гордеева, сразу проявив характерные блатные интонации. — Черные, типа хвастались, шо всем вставили, а самих их, типа, никто не покоцал в ответку. Тока вот, лажа все это. Вломили им звиздюлей там, в парке Победы, как надо быть. Они, типа, лохов пришли шмалять, а среди лохов парочка совсем даже не фраеров оказалась. Короче, покоцали они там черных с десятков. Ну, мля, мой кореш всю эту заварушку глазами видел, был он там, его дед, типа, в войну до Берлина дошел. Ну и когда черным-та звиздюлей вломили, начали они своих раненых и убитых собирать, одному, еще живому, намордник-то и сняли. Вот кореш-та мой его и узнал.

— Вот, это уже кое-что, — удовлетворенно кивнул Гордеев. — И кто это был?

— Та пацан, сосед его, — Виктор кинул странный взгляд на Закиса и продолжил. — Он типа этот, как его... Перкру... Пирк... Да хер выговоришь, короче радикал-националист. Из тех, кто по Старушке с факелами ходит.

— Перконкрустовец^[53]? — Уточнил Гордеев.

— Во, во, этот самый. Малой пацан совсем, только девятнадцать исполнилось. Рейнис Дзинтарс вроде как его звали.

— И что, вы дальше крутили? — спросил я.

— Неа, — Закис покачал головой. — Толковых аналитиков и оперативников у меня нет, а тут нужен, как говорит Витя, «волчара легавый». — Виктор кивнул, соглашаясь. — Да и силенок в такое дело лезть, до разговора с вами у меня не было.

— Ну что ж, Алвис, — удовлетворенно кивнул я. — Значит, будем работать дальше вместе. Надо только детали утрясти.

— Утрясем, — пообещал Закис, вставая со стула. — Пусть Витя с Димой договариваются, как работать будем. А мы пойдем, выпьем с тобой.

— Пойдем, — согласился я, двинувшись за хозяином к двери.

Глава тридцать вторая. Константин Каверин. Срочная командировка

— Константин Андреич, к вам там посетитель, — Леночка привычно стрельнула глазками, а Костя, так же привычно, подавил в себе основной инстинкт. А ведь однажды она

добьется своего, вдруг подумал он. Вон, халатик, с каждой неделей все короче и короче...

— Сейчас, Лена, пусть подождет немного, — ответил он, снимая латексные перчатки и развязывая завязки фартука.

— Он уже два часа ждет, — прощепетала она и исчезла за дверью отделения.

Странно, кому это я так понадобился, подумал Каверин, разоблачаясь. Все же знают, что пациентов в операционные дни не принимаю. Надо, пожалуй, еще раз устроить головомойку в регистратуре. А этот парень, вероятно, выживет. Но на мотоцикле ему уже не кататься, да.

Переодевшись, Костя вымыл руки и, хорошенько вытерев их висящим здесь же полотенцем, направился к выходу из операционного отделения.

Посетитель, сидевший на стуле в коридоре, при виде него упруго поднялся. Мужчина лет тридцати, спортивный, короткостриженный, высокий. Одет прилично, дорого — темно-серый костюм, при галстук.

— Здравствуйте, вы ко мне? — Поинтересовался Костя, оглядывая визитера.

— Думаю, да, — с сильным прибалтийским акцентом ответил мужчина. — Вы, ведь, профессор Каверин?

— Именно, — согласился Костя.

— Меня зовут Саулюс Рачис, — посетитель протянул руку, а Костя ее пожал. Ну да, литовец, судя по имени. — Мы не могли бы где-то приватно поговорить?

— Вы знаете, я сегодня пациентов не принимаю? — Уточнил Костя.

— Нет, нет, я не пациент, — усмехнулся гость.

— Ну что ж, пойдете, — Костя протянул руку, показывая направление, и двинулся к кабинету. Господин Рачис, прихватив свой плащ, аккуратно сложенный рядом на стуле, устремился за ним следом.

— Можете повесить на вешалке, — предложил Костя, едва они вошли в кабинет и уселся за стол. — Присаживайтесь. Слушаю вас.

Литовец аккуратно повесил плащ, подошел к столу, уселся и улыбнулся.

— Уважаемый профессор...

— Константин Андреевич, — представился Костя на всякий случай. Литовец кивнул.

— Константин Андреевич, я работаю секретарем у господина Сверчкаускаса, может быть слышали про такого? Это известный литовский банкир.

— Не имею чести, — покачал головой Каверин.

— Дело в том, что недавно господин Сверчкаускас неудачно упал. Настолько неудачно, что пробил голову. В Вильнюсе ему была проведена операция, после которой он находится в коме, — литовец говорил медленно, сразу было видно, что русский язык ему не родной. — Его лечащий врач сказал, что наши, литовские нейрохирурги не являются достаточно компетентными, чтобы провести правильное лечение. И посоветовал обратиться к вам. Сказал, что в мире вы сегодня ведущий специалист, и надежда только на вас, — господин Рачис достал из кармана визитку и протянул ее Константину. — Доктор Василевскис сказал, что вы встречались на каком-то симпозиуме.

«Доктор Йонас Василевскис» прочитал на визитке Константин и задумался. Да, точно, был такой, пили вместе пиво в Праге.

— Прага, симпозиум по функциональной нейрохирургии, года четыре назад, кажется, — кивнул он. — Да, помню. Но, к сожалению, я здесь, в Москве и у меня много дел... Боюсь, что большого толка от моей дистанционной консультации не будет...

Литовец снова сунул руку во внутренний карман пиджака, достал пухлый конверт и протянул его Каверину. Тот машинально взял и заглянул внутрь. Там оказалась пачка пятисотевровых купюр.

— Вне зависимости от того, что вы решите, это останется у вас, — проговорил господин Рачис, когда Костя протянул было деньги обратно. — Там двадцать тысяч. Если вы согласитесь немедленно вылететь со мной в Вильнюс, то получите еще пятьдесят. Тысяч, разумеется. А в случае успешного лечения, супруга господина Сверчкаускаса согласна заплатить миллион евро. Наличными.

Костя растерялся. Никто и никогда не делал ему подобных предложений. Нет, разумеется, он проводил платные операции, да и зарплата в клинике у него была хорошая. Но, чтоб вот так, сразу начинали с денег, да еще и платили ни за что... С другой стороны, предложение было заманчивым. Старший сын учится в Англии, а с чего платить в следующем семестре, Константин пока не знал. На этой почве они здорово поругались с женой два дня назад. Супруга настаивала на кредите, а Константину очень не хотелось залезать в долги. А тут семьдесят тысяч просто за поездку, уже с этого можно было бы все оплатить. А про миллион и говорить нечего...

— Когда случился несчастный случай? — Поинтересовался он.

— Позавчера. Тогда же была проведена срочная операция. К сожалению, я не специалист и не могу рассказать вам большего, — сделал грустное лицо литовец. — Однако, частный самолет моего шефа стоит во Внуково и, как только вы будете готовы, он вылетит.

— Ах вот как, — еще больше поразился Константин. — Но у меня нет шенгенской визы...

— За это не стоит беспокоиться, Константин Андреевич, — покачал головой Рачис. — Банк господина Сверчкаускаса оказывает серьезные услуги премьер-министру Литвы, поэтому в посольстве готовы немедленно оформить вам визу. Если вы готовы, то мы можем выехать прямо сейчас.

— Хм... но мне надо собраться...

— Разумеется. У меня тут такси внизу, мы можем заехать в посольство, потом к вам домой за вещами, а потом — в аэропорт. Если хотите, можем по дороге еще и в банк заскочить, положите деньги, — Саулюс показал пальцем на конверт, который так и лежал на столе.

— А когда я вернусь обратно? У меня же здесь операции, пациенты... — Забормотал Константин, уже прикидывая, как он будет говорить с главврачом и кто сможет его заменить.

— Самолет будет в вашем распоряжении, — пожал плечами Рачис. — Как только решите вернуться, вернетесь.

Чудеса какие-то, хмыкнул про себя Костя. Но, с другой стороны, такой шанс выпадает, наверное, раз в жизни.

— Хорошо, тогда обождите меня десять минут, пожалуйста, — решил он и, положив конверт с деньгами в карман, почти бегом ринулся к кабинету главврача.

У литовца все было организовано по высшему разряду. Удивительно, но они даже в пробках почти не стояли. Каверин неплохо знал Москву, но тут диву давался — таксист ехал по каким-то дворам и переулкам, причем так, словно спешил на пожар. Видать мотивация более чем серьезная, усмехнулся про себя нейрохирург, время от времени прощупывая пухлый конверт с деньгами. В Борисоглебском переулке [\[54\]](#) они задержались всего на десять

минут — их встретили, провели в специальное помещение, где Костю сфотографировали, сняли отпечатки пальцев и, спустя несколько минут, вклеили в паспорт поблескивающую голограммой шенгенскую визу. В банк Каверин заезжать не стал, оставил деньги дома, коротко объяснив ситуацию супруге.

К небольшому частному самолету подъехали прямо на поле, уже в сумерках. Костя впервые летал на таком. Внутри все было совсем не так, как в рейсовых машинах — никаких тебе рядов из кресел и узких проходов. Больше всего внутреннее пространство самолета напоминало номер дорогого отеля — полуторная кровать, отгороженная занавеской, четыре кожаных кресла, стол. Везде очень шикарно и чисто. Симпатичная стюардесса в строгой синей юбке и белой блузке, встретившая их внутри салона, дежурно улыбнулась, предлагая располагаться как дома.

— Спасибо, — поблагодарил Костя девушку, забравшую у него пальто и, чуть помедлив, опустился в одно из кожаных кресел.

— Может быть виски? — Предложил Саулюс, кинув свой портфель на соседнее кресло.

— С удовольствием, — согласился Каверин. — Только чуть-чуть.

— Разумеется, — ответил литовец, подойдя к бару и что-то там наколдовав. Девушка-стюардесса поставила на стол тарелку с орешками и крекерами.

Каверин взял у литовца бокал и сделал небольшой глоток. Хороший напиток. Сразу чувствуешь, что благородный и выдержанный, даже если не разбираешься.

— Понравилось? — Поинтересовался Рачис, почему-то пристально глядя на Каверина.

— Хороший виски, — кивнул Костя, и вдруг почувствовал странное. Окружающее пространство закружилось и стало расплываться, словно не глоток он выпил, а целую бутылку. Что это со мной, успел подумать Каверин, прежде чем остатки сознания погрузились во тьму.

Пробуждение было тяжелым. Веки, словно свинцовые, категорически отказывались подниматься. Голова сильно болела, а во рту чувствовался привкус давно нечищенных зубов. Сделав над собой усилие, Костя все же открыл глаза. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы осознать окружающую действительность.

Он лежал на большой, двуспальной кровати, заботливо укрытый одеялом. Кровать находилась в комнате, в которую из-за задернутых штор пробивался дневной свет. Первое, на чем Косте удалось сосредоточить свое внимание — полуторалитровая бутылка с водой, стоявшая на тумбочке. Протянув руку, Каверин схватил ее и присосался к горлышку. Сильнейшая интоксикация, мелькнула мысль. Чем больше выпью, тем быстрее организм очистится.

Спустя некоторое время, поставив опустошенную более чем наполовину бутылку, Костя огляделся вокруг. Похоже на гостиничный номер. Ощувив сильные естественные позывы, он медленно поднялся и, шатаясь, пошел искать туалет. Нужное помещение, оборудованное отличной сантехникой, обнаружилось быстро, стоили только выйти в прихожую. Опустившись на унитаз, Костя осмотрел себя. Во-первых, он был полностью голым. А во-вторых — на левой и правой руках, в районе локтевой ямки отчетливо выделялись следы от уколов. Не менее пяти инъекций, сообразил Каверин. Облившись внезапно выступившим холодным потом, он быстро ощупал себя со всех сторон. Уффф, никаких швов! Значит, не охотники за донорскими органами. Но что же с ним случилось?

Сделав свои дела, он залез в душевую кабину и, стоя под тугими струями теплой воды, заставлял свой мозг вспоминать. Самолет, потом виски. Видимо, туда что-то подсыпали.

Или у него прихватило сердце? Инфаркт? Может инсульт? Да нет, тело работает как надо, только интоксикация... Похоже, все-таки подсыпали. Безвкусное, без запаха — какой-то сильнодействующий препарат... Больше ничего не помню. Нет, было что-то еще. Какие-то то ли сны, то ли видения... Куда-то ехали, перед глазами мелькнуло что-то вроде потолка «скорой помощи». Литовская речь... Потом какое-то помещение, койка и стойка с медицинским оборудованием, пиканье монитора... И огромная установка в прозрачной пластиковой коробке, с кучей проводов и трубок. Или все это приснилось?

Почувствовав себя лучше, он выбрался из кабины и с удивлением обнаружил над раковиной свою зубную щетку и мыльно-рыльные принадлежности. Почистив зубы, побрившись и обмотавшись чистым махровым полотенцем, Каверин вышел из санузла и подошел к окну. За шторой открывался вид на мощные улочки и невысокие дома старинного европейского города. Справа вдали виднелся высокий холм со старинной башней из красного кирпича, на вершине которой развивалось желто-зелено-красное знамя.

— Похоже на Вильнюс, — пробормотал он и обернулся в поисках одежды. Однако, взгляд упал на небольшой журнальный столик, на котором лежало два конверта и паспорт. Подойдя ближе, Костя изучил находки. В пухлом конверте обнаружилась очень толстая пачка из двухсот- и пятисотевровых купюр. В паспорт был вложен авиабилет до Москвы на его имя, на третье октября. Во втором конверте, самом тонком, Каверин обнаружил письмо. Документ был отпечатан на принтере. Письмо гласило:

«С пробуждением Вас, Константин Андреевич!

Мы хотим извиниться за причиненные Вам неудобства. Сразу сообщим — Вы находитесь в Вильнюсе, в гостинице «Амбертон». Номер оплачен до третьего октября. С Вами и Вашим здоровьем все хорошо, возможно лишь небольшое отравление, которое пройдет к обеду, если будете пить много жидкости, что Вы, конечно, и сами прекрасно знаете. О причинах происшедшего Вам знать не стоит, ибо незнание полезно как для Вашей безопасности, так и для безопасности Ваших близких. Компенсацию за несколько дней, проведенных в Прибалтике, в размере пятидесяти тысяч евро, Вы найдете на столе. Надеюсь, этого хватит для оплаты обучения Вашего старшего сына, и на шубу вашей милейшей супруге, о которой она так мечтает. Так же советуем Вам уничтожить эту записку (мало ли попадет не в те руки, зачем Налоговой службе РФ знать об этом вашем небольшом доходе?) и отказаться от идеи выяснить подоплеку происходящего. Убедительно советуем. Думаем, что Вы неплохо представляете теперь наши возможности, поэтому мы уверены, что Вы последуете всем нашим советам. Не забудьте позвонить сегодня Вашей супруге, вчера ей сообщили, что Вы проводите сложную операцию и просили Вас не беспокоить. Пожалуйста, поддержите эту легенду, зачем ей лишние знания и беспокойство? Надеемся на Ваше благоразумие.

С глубочайшим уважением,

Ваши прибалтийские друзья.»

— Ну надо же, — пробормотал Каверин, потеряв лоб в задумчивости. Под конвертом с запиской обнаружился телефон, который Костя немедленно включил. После загрузки на

экране появилась дата и данные о семи пропущенных звонках. Второе октября, пятнадцать — сорок семь. — Трое суток, вычеркнутых из жизни, — сказал он вслух и нашел в контактах строчку с надписью «Любимая жена». — Но, с другой стороны, семьдесят тысяч... Блин, во что же меня втравил этот Рачис?

Глава тридцать третья. Константин Каверин II. Пробуждение

Пробуждение было тяжелым. Веки, словно свинцовые, категорически отказывались подниматься. Голова сильно болела, а во рту чувствовался привкус давно нечищенных зубов. Сделав над собой усилие, Костя все же открыл глаза. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы осознать окружающую действительность.

Он лежал на небольшой койке, заботливо укрытый одеялом. Кровать находилась в комнате, в которую из-за задернутых штор пробивался дневной свет. Первое, на чем Косте удалось сосредоточить свое внимание — система, от которой тянулась тонкая прозрачная трубочка к его правой руке. Несколько мгновений он рассматривал окружающий интерьер, потом закрыл глаза. Палата интенсивной терапии, уж ему-то не привыкать видеть такое. Значит, что-то случилось в самолете. Последнее, что он помнил — вкус виски во рту. Инфаркт или инсульт?

Каверин пошевелил конечностями. Странно, вроде все работает как надо. Дышалось тоже неплохо. Левая ладонь, ощупывая пах, коснулась катетера. Очень странно. Через некоторое время он обратил внимание на непривычное ощущение при движении лицевых мышц. А что нам там льют? Костя снова открыл глаза и немного напряг зрение, пытаясь прочитать этикетку. Похоже просто физраствор капают. Зачем?

Чуть повернув голову, Каверин осмотрел стену. Как и ожидалось, недалеко от левой руки находилась кнопка вызова медперсонала. Недолго думая, Костя надавил пальцем на пластиковую выпуклость. Где-то послышалась трель звонка, и, спустя секунду, открылась дверь. В палату вошла молодая и привлекательная женщина в непривычном светло-зеленом медицинском брючном костюме.

— Здравствуйте, — на чистейшем русском языке поздоровалась она. — Как вы себя чувствуете?

— Приемлемо, — прохрипел он, в горле основательно пересохло. — Вы не могли бы дать мне попить.

— Конечно, — улыбнулась медсестра, зашла за изголовье кровати, и, забулькав кулером, вернулась со стаканом, наполовину наполненным водой. — Пожалуйста.

— Благодарю, — пробормотал Каверин, выпив всю воду. — Вы мне расскажете, что со мной случилось? Мне можно вставать?

— Думаю, вам стоит переговорить с доктором, — улыбнулась она. — Вы в туалет хотите?

— Да, очень, — кивнул он. — И катетер эту проблему не решит.

— Потерпите еще три минуты?

— Потерплю, — согласился он, прислушавшись к себе.

— Отлично, тогда я сниму вам катетер, — сообщила она, откинула в сторону одеяло и ловко выполнила не слишком приятную процедуру. Каверин оценил профессионализм. Похоже, дорогая частная клиника, решил он. Отличный ремонт, прекрасная техника, квалифицированный персонал. Перекрыв систему, сестра выдернула из вены иглу, а потом подала ему белый, махровый халат и показав, где находится туалет, вышла из палаты.

Санузел тоже оказался на уровне. Опустившись на унитаз, Костя осмотрел себя. В районе локтевой ямки отчетливо выделялись следы от уколов. Не менее семи инъекций, сообразил Каверин. Видать, неслабо я попал.

Сделав свои дела, он залез в находящуюся здесь же душевую кабину и, стоя под тугими струями теплой воды, постарался не думать ни о чем. Зачем? Сейчас придет доктор и все ему расскажет. А иначе можно напридумывать себе болезней и мучится почем зря. Чувствовал он себя хорошо, только вот кожа на лице... Будто не его.

Костя вылез из ванны, взял с полки большое махровое полотенце и тщательно вытерся. Потом накинул халат и, подойдя к раковине, посмотрел в зеркало. И почувствовал, как ему поплохело. Из зазеркалья на него смотрел абсолютно незнакомый мужик.

Нет, какое-то сходство все же было. Форма лица и головы. Волосы остались прежними. Но нос, брови, разрез глаз и подбородок были чужими. Совсем. Не говоря уже про форму рта. Каверин закрыл глаза и потряс головой. Потом снова открыл. Ничего не поменялось. В зеркале был не он. Как-то взяв себя в руки, он умылся и ощупал свое лицо, шею и голову. Никаких шрамов. Никакой операции. Лишь странный дискомфорт при движении лицевыми мышцами. Хмыкнув про себя, Каверин скинул халат и осмотрел тело. Тело было родным. Родинки, мышцы и даже живот, который упорно рос последние лет семь, были на месте.

— Живот могли бы и убрать, — усмехнулся он, почувствовав, что близок к истерике. Сделав несколько глубоких вдохов, Костя усилием воли заставил себя успокоиться и, надев халат, вышел обратно в палату. Здесь его уже ждали.

В палате находились трое мужчин. Один, в медицинской форме той же расцветки, что и медсестра, явно был доктором. Двое других не потрудились надеть халатов, однако у них была своя униформа — двойки великолепного качества. Первый, высокий и худой, в сером костюме о чем-то в полголоса переговаривался с доктором, а другой, в темно-синем, стоял возле окна и задумчиво смотрел сквозь стекло. Едва Каверин вышел из туалета, все трое, как по команде, повернулись к нему.

Высокий, оглядев Каверина с головы до ног, удовлетворенно кивнул, и, шагнув на встречу, протянул руку.

— Дмитрий Гордеев.

— Каверин, — представился Костя, пожимая протянутую ладонь.

— Это доктор Рокулис, — представил Гордеев коллегу Каверина. — Если у вас нет жалоб на здоровье, мы могли бы отпустить его, — то ли спросил, то ли сообщил высокий. — Нам предстоит долгий и серьезный разговор.

— Я чувствую себя хорошо, но хотел бы узнать, что со мной произошло, — проговорил Каверин, немного растерявшись от такого напора.

— О, это я вам расскажу в подробностях, — пообещал Гордеев. Костя пожал плечами, и доктор Рокулис, кивнув, вышел из палаты, так и не сказав ни слова. — Позвольте вам представить еще одного участника нашей беседы, — церемонно продолжил Гордеев. — Доктор Мечников. Точнее, доктор физики Мечников.

Темноволосый мужчина в синем костюме подошел ближе и протянул руку.

— Петр.

— Константин, — в тон ему представился Костя.

— Может быть, присядем, — предложил Гордеев, подвигая к себе один из двух стульев, стоявших возле окна. Каверин опустился на свою кровать, физик же уселся на второй стул.

— Я вижу, Константин Андреевич, вы уже посмотрели на себя в зеркало, — начал Гордеев.

— Да, посмотрел, — согласился Костя, чувствуя себя не очень уютно. Надо было одеться, что ли.

— Сразу скажу, что с вами никаких болезней не случилось и вам не делали пластическую операцию, — продолжил Гордеев.

— Последнее я уже понял, — вздохнул Каверин.

— Не сомневался в вашей компетентности в медицинских вопросах, — удовлетворенно улыбнулся Гордеев. — Чтобы не тянуть кота за хвост, скажу сразу как есть. Вы — клон профессора Константина Андреевича Каверина. Того самого, который в настоящий момент находится в Вильнюсе и собирается вернуться в Москву к жене и детям.

Гордеев замолк, давая возможность Косте переварить сказанное.

— Это... несколько неожиданная новость, — пробормотал он ошарашено. Потом, сглотнув, внимательно оглядел своих собеседников в поисках улыбок, мол вот так мы шутим, неужели поверил? Но как Гордеев, так и физик, были убийственно серьезны. Каверин вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха и быстро-быстро задышал. Немного полегчало. Ровно настолько, чтобы Костя смог вдуматься в только что услышанные слова. И прокачать, проанализировать заложенный в них смысл. Нет, это не шутка... Так не шутят. Он вдруг всем своим существом, всей внезапно обострившейся интуицией осознал — это правда.

— Может быть пригласить доктора Рокулиса? — С видимым беспокойством поинтересовался Гордеев. — Вы очень побледнели.

— Нет, нет, все в порядке, — покачал головой Каверин. — Но... Но как такое возможно?

— Видите ли, — вступил в разговор физик. — Детали в двух словах сложно описать. Для начала представьте, что нам удалось создать установку, копирующую материальные предметы. Как «ксерокс», который копирует текст. И, как оказалось, подобное можно проделывать не только с неживыми объектами. Вы — первый человек в мире... возникший таким образом.

— Но почему я? — вырвалось у Каверина.

— Ну как почему, — вроде как удивился Гордеев. — Вы — один из ведущих нейрохирургов в мире, профессор медицинской академии, гениальный ученый. Кого же копировать, если не вас?

— Хм, — буркнул Костя, всеми силами стараясь справиться с изумлением. — А... А мой... мой прототип в курсе, что его... того... Клонировали?

— Нет, — покачал головой Гордеев. — Он был без сознания в момент проведения эксперимента. Несколько часов назад он очнулся в вильнюсской гостинице, прочитал письмо, которое убедило его не капаться в произошедшем, а сейчас гуляет по городу, покупая подарки родным. Если хотите, я покажу вам онлайн видео, мы присматриваем за ним.

— Простите... А кто вы? И где я сейчас нахожусь? — спросил Каверин.

— Мы, это те, кто сделали всю эту ситуацию возможной, — усмехнулся Гордеев. — А находимся мы все сейчас в Риге.

— В Риге??? Тэ-бэ-гэ, — выдохнул Костя. — Ох, мать честная...

— Именно, — подтвердил Гордеев. — Территория без государства. Бывшая Латвийская республика, если угодно.

Каверин задумался. Точнее, даже не задумался, а просто «завис» словно компьютер, перегруженный некорректной информацией. Собеседники молчали, давая ему возможность прийти в себя. Поднявшись с кровати, он подошел к кулеру и наполнил стакан водой. Отпил глоток и приблизился к окну. Видимо, палата находилась достаточно высоко, этаже примерно на третьем. Перед зданием раскинулся небольшой парк, разукрашенный желто-красными листьями, какие-то невысокие дома неподалеку, трамвайное кольцо. Это место могло находиться где угодно, хоть в Москве или, скажем в Питере. Однако одна деталь пейзажа выбивалась из спокойной жизни: под окном походила асфальтированная дорога, наполовину перекрытая баррикадой из заполненных чем-то мешков. Рядом с препятствием разместилась черная, похоже бронированная машина, отдаленно напоминая «хаммер», на крыше которой стояла турель с пулеметом. Из окна можно было разглядеть шлем пулеметчика, который высунулся из люка и что-то рассматривал в бинокль.

— И... что теперь? — Наконец спросил он, повернувшись к сидевшим на стульях собеседникам. — Что со мной будет? Я буду лабораторной крысой?

— Ну что вы, — как-то облегченно усмехнулся Гордеев, а физик лишь улыбнулся одними губами и покачал головой. — Как раз наоборот — мы хотим предложить вам войти в команду исследователей.

— Ах вот как, — Костя дернул подбородком и снова отвернулся к окну. — И что же планируется изучать?

— Человека, разумеется, — на этот раз ответил физик, как его там? Мечников, кажется. — Дело в том, что в процессе копирования мы можем осуществлять некоторые изменения в клонах. Как раз поэтому у вас другое лицо. Такая технология открывает огромные возможности, в том числе в медицине. Но и в то же время возникает большое количество вопросов...

— А как насчет этичности подобных исследований? — Каверин снова развернулся и посмотрел в глаза Мечникову. — Вы не задавали себе подобных вопросов?

Удивительно, но физик выдержал его взгляд, не ступал. И даже мелькнуло там что-то, отчего Костя, неожиданно для себя, сам отвел глаза.

— Задавали, — твердо ответил Мечников. — И, если вы согласитесь присоединиться к нам, у вас будет возможность оценить ситуацию со всех точек зрения. В том числе задать и ответить на этические вопросы.

— А если не соглашусь? Получу пулю в затылок? — Прямо поинтересовался Каверин, решив сразу прояснить все до конца.

— Ну, как-то вы уж слишком плохого мнения о нас, — протянул Гордеев, затем поднялся со стула, взял из держателя одноразовый стакан и наполнил его водой. — Не захотите, не надо. Вы свободны как ветер, ваша одежда в шкафу, — он кивнул на двухдверный шифоньер, стоящий в углу.

— А не боитесь, что я растреплю о ваших технологиях копирования и клонирования? — Мрачно усмехнулся Каверин.

— А кто вам поверит? — Парировал Гордеев, опершись пятой точкой на подоконник и

отпив глоток. — Выбраться из, как вы выразились, тэ-бэ-гэ во внешний мир не так уж легко. Но, допустим, вам это удалось. И что вы можете сделать? Выскажетесь в интернете? Это даже не смешно. Какой у будет вес у ваших слов, так сказать, у бомжа без денег и документов... Представим самый удачный для вас вариант: приедете вы в Москву и свяжетесь со своим прототипом. Пусть даже и докажете ему, что вы Каверин. А дальше? Лицо у вас другое, отпечатки пальцев тоже. Со стороны все это будет напоминать очень плохую мистификацию. Думаете он и ваша жена будут рады вам и бросятся помогать? Очень сомневаюсь. Он только что получил семьдесят штук евро за молчание. Вы бы стали рисковать всем непонятно для кого и для чего? Вот-вот.

Глядя, как Костя опустил глаза, Гордеев усмехнулся

— Но заметьте, мы даем вам выбор...

— А на другой чаше весов — интереснейшая работа, по специальности, — вдруг включился Мечников. — Новая жизнь, новая личность и документы, огромные перспективы профессионального роста. Ну и, конечно, в деньгах и удобствах мы вас не обидим. Также гарантируем вам полную безопасность. А после легализации наших исследований, которая когда-то обязательно наступит, вы сможете опубликовать свои работы...

— Ну и, конечно, со временем устроим вам встречу с вашими детьми. И присмотрим за ними, — продолжил Гордеев. — Поможем финансово, ну и другие вопросы порешаем, если они возникнут. Как вы, наверное, понимаете, у нас нет материальных проблем. Ну а с женой... Тут уж ничем помочь не могу. К сожалению, за все в этом мире надо платить...

— Ага, только я вот не хотел ничего покупать! — Вдруг, неожиданно для себя, выкрикнул Костя.

— Да ладно? Вас в Вильнюс кто-то силком тянул? Сами клюнули на деньги.

— Но ведь вы меня обманули!

— И что теперь, будем истерики закатывать? — Как-то очень спокойно и мягко поинтересовался Мечников. — Как будто, приди мы к вам открыто, вы бы нам поверили...

Тяжело вздохнув, Каверин сел на кровать и спрятал лицо в ладонях.

— Тут есть отличный коньяк, — негромко предложил Гордеев. — Может по рюмашке? Можно, конечно, попросить Рокулиса транквилизаторы принести...

— Неа, — покачал головой Костя. — Давайте лучше коньяк...

— Вот это уже мужской разговор, — хмыкнул Мечников, доставая откуда-то пузатые бокалы. — Давай, Дим, разливай!

Глава тридцать четвертая. Институт

— Ну-ка, заверни сюда, — внезапно встрепенулся я, заметив в окне до боли знакомые пейзажи.

— Сюда? — Переспросил водитель, слишком резко притормозив от неожиданности.

— Что ты там забыл? — Поинтересовался Гордеев, глянув в окно.

— Хочу посмотреть, чем они живут, — ответил я. Мы возвращались с осмотра

строительной площадки в Саласпилсе. Еще два месяца назад стало понятно, что оставлять основную базу в городе нельзя. Мы просто физически не могли разместиться в «Цитадели» — лабораторные корпуса разрослись, а с ними росли производственные и складские помещения. Поэтому, после нескольких «жарких» совещаний, совет директоров решил, что будем переезжать за город — там и места побольше, и безопасность обеспечить легче. Васильев нашел подходящий кусок земли почти в шесть десятков гектаров, а Борис Моисеевич довольно легко его выкупил. Причем, половина оплаты состояла из услуги — хозяин, вместе с семьей жаждал покинуть Латвию, ну и мы, конечно, ему в этом помогли — «окно» на литовской границе работало прекрасно.

Причина же того, что я решил завернуть в Институт, была предельно прозаическая — потянуть время. Мне просто очень не хотелось возвращаться в «Цитадель», хотя там меня ждали. Данила, Анцис и Каверин, наконец, сочинили стратегию дальнейшей работы. Предстояло довольно трудное совещание, на котором мне нужно было продать свою точку зрения. И, если Даня, по старой памяти, еще сильно прислушивался к моему мнению, то Каверин — тот еще фрукт. Войдя в курс дела, нейрохирург в пух и прах раскритиковал нашу работу, все переиначил и существенно усложнил нам жизнь. Нет, поймите правильно, надавить я, конечно, мог. Но ученые — это не тот контингент, с которым, для максимальной производительности, следовало бы использовать командные методы. Тут как раз наоборот — нужна свобода для полета мысли.

Весь сыр-бор закрутился вокруг моей идеи о «модуле лояльности». Клонов мы могли наплодить тысячами, но ведь от того, что они клоны — они не перестают быть людьми. Людьми со своими желаниями, стремлениями, достоинствами и недостатками. Мы можем их обеспечить едой, одеждой, жильем, пусть даже деньгами в каких-то пределах. Но люди-то стремятся к большему. Кому-то нужна свобода, в каком-то собственном понимании, кому-то — богатство, кому-то гарем, а кому-то совсем невесть что. Определенную часть производственных мощностей «Структуры» я готов был потратить на удовлетворение нужд клонов, но все равно, должны быть гарантии, что они, эти потребности, не раздуются до бесконечных пределов. В результате, нужен был некий психологический механизм ограничения. К которому, так же, очень хотелось добавить «модуль лояльности». Гарантирующий, что созданная армия в один, далеко не прекрасный момент, не повернет против «Структуры». При этом, безусловно, хотелось бы, чтобы клоны были счастливы. При этом...

Короче, существовал не один десяток «при этом». Все это я расписал и вручил Константину Андреевичу две недели назад в качестве задания. Ох, как он меня критиковал. Давненько я не слышал такого в свой адрес. Начал он с морального права, мол, нельзя экспериментировать над людьми. А закончил эпитетами, самый мягкий из которых — «второй Гитлер». В ответ я предложил ему самому придумать, как поступить. При тех же вводных. И вот, они все вместе что-то «родили» и сейчас мы должны будем это обсуждать. А обсуждать не хотелось... Уже который месяц работаю, фактически, без выходных. Только что спорили со строителями, теперь вот эти... Ничего, подождут немного, пока я, так сказать, окунусь в прошлое.

— Это куда мы приехали? — Поинтересовалась Даша, которую я в этот раз взял с собой. Трудно ребенку сидеть все время в «Цитадели». А кататься по Риге гражданским Гордеев категорически запретил. Ждем нападения «черных» со дня на день.

— Это институт, в котором я раньше работал, — ответил я дочери. Машина

остановилась и, спустя секунду, телохранитель распахнул дверь. Мы выбрались наружу, бойцы охраны, как всегда, ошетились стволами. Я только вздохнул, кинув взгляд на бронированного монстра, который перегородил въезд на стоянку. Самый настоящий БТР-80. Гордеев сторговал в России и, непонятно как притащил его в Латвию, минуя натовские кордоны на границе. Целых две штуки. Один стоит возле «Цитадели», другой всегда сопровождает кортеж. С нами еще три «бентли», в которые мы садимся по жребию, и два «микрика» с бойцами. Как сказал Дима — охрана на уровне короля небольшого африканского государства. А кому сейчас легко? Закис, вон, совсем из своей «крепости» не выезжает. — Дим, может, не будем пугать людей внутри?

— Не будем, — согласился он и распорядился: — Из Дашиной охраны с нами только Артем, остальные остаются на входе.

Подойдя к стеклянным дверям, я изумлено остановился. Рядом с открывающейся створкой, на прозрачной поверхности была прилеплена щитообразная пластиковая наклейка с надписью: «Объект находится под охраной фирмы «Latvijas Vanagi»^[55]. Ниже был указан телефон.

— Забавно, — пробормотал я, оглядываясь на Гордеева. — Как это Закис так подсуетился?

— Видать думает, что корни твоих успехов находятся в этом здании, — глубокомысленно изрек Дима.

— Надо бы позвонить, а то неудобно получится, — проговорил я, доставая смартфон. Закис откликнулся сразу, будто держал телефон в руке.

— Да, Петр!

— Добрый день, Алвис, — поприветствовал я партнера. — Как поживаешь?

— Твоими молитвами, Петр, грех жаловаться, — усмехнулся Закис. — Что-то случилось?

— Пока ничего, — нейтрально ответил я. — Просто в родной институт заехал, а тут наклейка... Дай, думаю позвоню, чтоб не случилось недоразумения...

На той стороне трубки немного помолчали.

— Извини, Петр, не знал, что у тебя там остались дела, — наконец осторожно проговорил Алвис. — Ученые остались без охраны и защиты, а поскольку мы с тобой говорили, что на Кенгарагс ты не претендуешь...

— Нет, нет, дружище, — успокоил я Закиса. — Просто заехал повидать старых знакомых. Не возражаешь, если зайду? С охраной, разумеется. Ломать ничего не буду, обещаю!

— Да ради бога, дорогой, ради бога. Спасибо, что позвонил!

— Тебе спасибо, дружище. На связи остаемся!

— Разумеется, — Закис отключился.

— Слышали, ребята? — Обратился я к охране. — Ничего не ломаем, никого не роняем. Это чужая территория.

Я двинулся следом за автоматчиком, который первый зашел в отодвинувшуюся в сторону дверь.

— Лабдиен, Линарт, — поприветствовал я вахтера, который, сквозь стекло своей будки изумленно смотрел на ввалившуюся в фойе процессию. — Не узнали?

— Вас узнал, — пробормотал он, медленно приходя в себя, разглядывая четверых автоматчиков в полной экипировке. — А вот этих господ — нет...

— Эти господа — со мной, — усмехнулся я, беря Дашку на руки и проходя через вертушку. — Директор у себя?

— Нет его.

— А кто есть?

— Почти никого нет, — вздохнул вахтер. — Люди появляются два-три дня в неделю, финансирование-то закрыли.

— Ну да, — покивал я. — А в моей бывшей лаборатории?

— Дайга была сегодня, вроде еще не ушла, — проскрипел старик, косясь на бойцов, которые рассредоточились по фойе, взяв под контроль лестницы и коридор.

— Ну и отлично. Линарт, не переживайте, мы ненадолго. И ничего громить не собираемся, это просто охрана...

Старик лишь пожал плечами, опустившись на свое кресло.

Поднявшись на третий этаж и оставив бойцов охраны возле лестницы и лифта, я, в сопровождении Гордеева и Даши подошел к такой родной двери и постучал по стеклу. Полгода всего здесь не был, а такое ощущение, будто в другую жизнь вернулся.

Некоторое время никто не показывался, и я уж было поднял руку, чтоб постучать повторно, как вдруг где-то внутри лаборатории скрипнула дверь, и в коридор вышла Дайга. Девушка здорово похудела за то время, что я ее не видел. В джинсах, в каком-то бесформенном балахоне, выглядела она откровенно плохо. Увидев людей за стеклом, близоруко прищурилась и вдруг, узнав меня, чуть ли не бегом рванула к двери.

— Петя! — вскрикнула она, и, открыв дверь, бросилась мне на шею. С трудом удержавшись на ногах, я осторожно приобнял ее, а она вдруг уткнулась носом мне в плечо и почему-то разревелась.

Через несколько минут мы сидели в моем бывшем кабинете, ожидая, пока закипит чайник.

— Извините, но булочек нету, — грустно сообщила Дайга, расставляя чашки на столе. — Кафе в институте закрылось, больше не пекут.

Я посмотрел на Гордеева, тот молча поднялся и исчез за дверью.

— Сейчас будут, — улыбнулся я девушке, стараясь заглушить непонятно откуда возникшее чувство вины. — Рассказывай, как ты тут и что здесь вообще происходит?

— Ох, Петя, — Дайга подвинула стул так, чтобы сесть напротив нас с дочкой. — Тут у нас... трудно совсем стало. Никого нет, — посмотрев на скучающую Дашку, она вдруг вскочила, вытащила из принтера пару листов и придвинула к девочке стакан с цветными карандашами. — Хочешь порисовать? — С сильным акцентом спросила она по-русски. Дашка кивнула и по-хозяйски придвинула карандаши к себе. — Когда вы исчезли тогда, тут все подгрел под себя Мартыньш. Забрал себе все компьютеры и то, что осталось от установки... Я перешла в его подчинение. Он тогда еще долго допытывался, что и как вы тут делали... Но я-то не знала ничего, только бумаги оформляла. Наконец, он понял, что из меня ничего не выжать и отстал, — Дайга вздохнула. — А потом случился «нобрукумс» и все интриги как-то... затихли. Потом у нас ограбили чистую комнату, знаешь? — Я кивнул. — Рентгеновский лазер унесли и еще что-то по мелочи. А через неделю Раугс пропал, за ним и многие другие исчезли совсем, перестали на работу приходить.

— А ты? — спросил я, рассматривая ее осунувшееся лицо, на котором блестели надеждой большие серые глаза.

— А я... А я сначала ходила, каждый день. Думала вы с ребятами вернетесь... Ну и я

ведь одна живу, что мне дома делать? Родители звали к себе в деревню, но я отказалась, как чувствовала — месяц назад там банда появилась, всех девушек забрали в... гарем. — Она шмыгнула носом. — Тут хоть какие-то люди знакомые, не так страшно... Одно время даже ночевала тут, на кушетке, — она кивнула на маленький диванчик, на котором и я когда-то спал во время ночных экспериментов. — А потом... — она как-то запнулась и еще больше погрузилась, — как-то выскочила за продуктами и нарвалась на... плохих людей. — Она передернулась, и я машинально протянул руку и погладил ее ладонь. — Сжав мои пальцы, девушка продолжила: — Через несколько дней мне удалось сбежать от них. Закрылась дома, неделю никуда не выходила, боялась. Но кушать хочется... Позвонил директор, он где-то договорился насчет гуманитарных пайков... Забрал меня на машине, довез до института. На этих пайках мы тут все жили целый месяц...

Из коридора послышался стук в дверь.

— Гордеев булочки принес, — сообщил я Дайге, и она побежала открывать. Дима расстарался — пока он выкладывал на стол выпечку, я аж слюну сглотнул. — Где ты достал такое великолепие?

— Места знать надо, — усмехнулся он.

Дайга налила всем кофе, уселась на стул, некоторое время не решаясь протянуть руку к пахнущей сдобе. Наконец, взяла и прикрыла глаза от удовольствия, вонзив зубки в мягкий бок круассона. Несколько минут мы молча уничтожали булочки. Потом я откинулся на спинку кресла, посмотрев на Дайгу.

— И что дальше?

— А дальше, где-то в сентябре в институт приехали «Латвияс ванаги». Все тут обыскали, долго говорили с директором, потом со мной — все спрашивали, чем лаборатория занималась. Директор с ними как-то договорился, они взяли нас под охрану и даже денег дали — мы теперь экспертизы для них делаем и заключения готовим... А мне вот что дали, чтоб не приставал никто, — девушка поднялась, подошла к шкафу и вытащила из кармана пальто небольшую железную пластинку с цепочкой. Я взял жетон из ее рук и внимательно рассмотрел. На пластине был выбит логотип «ванагов» и надпись на трех языках: «Этот человек находится под нашим покровительством и защитой». Ниже шли цифры телефонного номера и наклейка с персональным кодом. Я передал жетон Гордееву. Тот внимательно рассмотрел его и, спустя минуту, вернул владелице.

— Красиво!

— У Закиса голова варит, — усмехнулся я. — Пока мы создаем закрытые территории, он печатает жетоны.

— Ничего, еще не поздно перенять опыт, — поморщился Дима.

— Вот-вот, сядьте с директором по кадрам и придумайте систему, — отдал я начальственное распоряжение и повернулся к Дайге, которая все такими же блестящими глазами смотрела на меня. — Поедешь с нами? Там будет безопасное жилье, и работу для тебя найдем. Ну и женихи у нас тоже есть, — то ли в шутку, то ли всерьез добавил я, чтобы расставить все точки над «ё».

Девушка встрепенулась и быстро-быстро закивала, а на некрасивом лице появилось то самое выражение, когда вдруг сбывается какое-то очень ожидаемое, но слишком маловероятное событие.

— Я поеду, конечно, поеду!

— Ну тогда собирайся, а мы тебя внизу подождем, — поднялся я из-за стола, беря в

руки рисунок, который Дашка успела нарисовать за время нашего разговора. — А что, здорово получилось! Пойдем...

— Мало тебе женщин в твоей жизни? — Поинтересовался Гордеев, когда мы, в окружении охраны спустились по лестнице.

— Мы в ответе за тех, кого не убили, — хмыкнул я в ответ, подходя к вертушке. Артем, приподняв автомат, первым перебрался на ту сторону, за ним двинулась Даша. — Кстати, Дим, все забываю тебя спросить... Тут моя бывшая куда-то ночами пропадает, ты узнай, что к чему?

— Ревнуешь что-ли? — Хмыкнул он, пролезая через вертушку.

— Неа, — я покачал головой. — Просто Дашка ночами одна остается, а это мне не нравится.

— Ох, если б это была самая большая проблема, — усмехнулся Гордеев, легонька хлопая по плечу вдруг застывшего Артема. — Давай, охрана, работай, чего встал?

— Линарт, Дайга со мной уезжает, — сообщил я вахтеру, передавая мою визитку. — Передай директору, там мой новый телефон, пусть позвонит мне, я денег и работу подкину.

— Обязательно, — с достоинством кивнул старик, а мы вышли на свежий октябрьский воздух.

Глава тридцать пятая. Предательство

— Итак, я вас слушаю, господа ученые, — я удобнее уселся на кресле и взял в руки остро отточенный карандаш. Кроме меня в конференц-зале присутствовал Гордеев и главные действующие лица — Сотников, Каулиньш и Каверин.

Константин Андреевич встал и откашлялся. В костюме он смотрелся солидно, я даже на короткое время вновь почувствовал себя участником научной конференции. До того момента, пока на большом экране не появился логотип «Структуры» — щит с красной четырехлучевой звездой и с встроенным внутрь схематичным изображением атома.

— Уважаемые коллеги, — солидно начал он. — Тщательно изучив ситуацию, а именно возможности синезатора и обстановку, мы с господами Сотниковым и Каулиньшом пришли к выводу, что моральные аспекты, о которых я высказывался ранее, малоприменимы к существующему положению. Проще говоря, перед тем, как высказать наши предложения по проекту, я хотел бы принести извинения вам, господин Мечников, за высказанные в запале эпитеты.

— Пустое, — махнул рукой я, делая зарубку в памяти. Господин Каверин, оказывается, достаточно гибкий человек, умеющий признавать свои ошибки. Как, впрочем, и ляпнуть не думая. Однако, это распространенный недостаток. — Давайте сразу к делу.

— Хорошо, — Костя щелкнул мышкой, и на экране появилась схема из нескольких квадратиков. — Тем не менее, перед тем, как начать разговор по существу, я хотел бы отметить, что при планировании экспериментов с человеческим материалом мы должны придерживаться максимально гуманных методов, — докладчик еще раз кашлянул и,

поправив галстук, продолжил. — Прототип клона, добровольно согласившийся на эксперимент, не будет знать о сути всей работы и о самом факте клонирования. Сам клон, после всестороннего изучения, получит полноценную личность в социальном плане, то есть новое имя, документы, социальный статус, а также ему будут созданы все необходимые условия для жизни, соответствующие тем, которые имеют все сотрудники «Структуры», — Каверин немного помолчал, видимо собираясь произнести что-то ему неприятное. — Если же изменения мозга будут критичными для самого клона или для социальной среды, то он будет... ликвидирован максимально безболезненным и гуманным образом. При этом решение о такой... ликвидации должно приниматься единогласным голосованием всех присутствующих здесь участников проекта.

Все замолчали, переваривая озвученный тезис.

— Продолжайте, Константин Андреевич, — попросил я, сделав отметку в блокноте. Послушаем все, потом будем обсуждать.

— Итак, здесь вы видите схему, которая показывает наши знания о связи между физической структурой человеческого мозга и эмоционально-поведенческими реакциями. Сразу оговорюсь, мы только начали понимать детали этих закономерностей. Чтобы разработать то, что господин Мечников называет «модулем лояльности», то есть такие изменения структуры мозга, которые исключили бы определенные поведенческие шаблоны, а именно предательство интересов «Структуры», нам необходимо провести обширные исследования на человеческом материале. Конечно, генератор, благодаря которому мы можем не только копировать, но сканировать и изменять структуру клетки — великолепный инструмент для таких исследований. Суть основного эксперимента я вижу в изготовлении клона человека с определенными изменениями в структуре головного мозга, а затем этот человек должен будет пройти ряд тестов поведенческого характера. При этом прототип клона будет участвовать в таких же тестах, мы же при этом будем фиксировать разницу в поведенческих особенностях, — Каверин сделал паузу и приложился к стакану с водой. — К сожалению, на этом этапе работ, лояльность клонов может быть гарантирована только физическими методами, а именно ампулой с сильным снотворным, которая будет находиться в одной из костей тела и активироваться дистанционно...

Каверин говорил долго, время от времени щелкая мышкой, чтобы сменить слайд. Несмотря на то, что выглядел он достаточно уверенно, я чувствовал, что ему не по себе. Да чего там, даже Гордеев морщился в некоторых местах доклада, а однажды даже покачал головой, не соглашаясь с докладчиком. Я же просто заставлял себя вникать в суть проекта, отметая в сторону моральные терзания. Сегодняшний разговор с Дайгой начисто вымел все сомнения в правильности моих деяний. Люди, люди... Стоило государству исчезнуть, большинство из нас превратилось в диких зверей, идущих убивать, грабить, похищать женщин и насиловать их неделями в опустевших квартирах. Все мы милые, цивилизованные и гуманные, пока нас держат в рамках, пока мы в безопасности, пока нам есть что жрать и где спать. Вот и этот, господин ученый... Ишь как он критиковал меня неделю назад! А как на самого повесили ответственность — так сразу... принес извинения. Потому что понял, если «Структуру» нагнут — его первого поставят в позу пьющего оленя. Но хрен вам, нагнуть нас... Теперь наша очередь нагибать. Вначале «черных», а потом и тех, кто все это организовал. Все умоетесь кровавыми слезами! И за резню на 9-е мая, за слезы изнасилованных девчонок, за мать Лики, сгоревшую заживо... А если для этого надо будет заключить сделку с дьяволом, значит, заключим. Потому что дьявол где-то далеко, да и хрен

его знает, есть ли... А слезы Дайгины вот они, еще не высохли на плече.

Каверин замолчал, закончив свою речь, опустился на стул и отпил из стакана.

— Спасибо, Константин Андреевич за обстоятельный доклад, — поблагодарил я его. —

Прошу каждого из присутствующих высказаться. Анцис?

Каулиньш долго говорить не стал. На корявом русском, который он, наконец, начал всерьез учить, сообщил, что поддерживает тезис о максимальной гуманности экспериментов, а с вопросом уничтожения «неудачных клонов» не согласен. Мол, государство содержало психлечебницы, и мы вполне сможем это потянуть.

— Данила, твои мнения? — поинтересовался я.

— Я тоже против уничтожения клонов, — встав со стула, начал Сотников. — Тем более, что у меня есть наметки по созданию так называемой «онлайн матрицы», которая позволит не копировать, а изменять материю в режиме реального времени... Конечно, это дело не такого скорого будущего, но, со временем, некоторых неудачных клонов мы бы могли, так сказать, «вылечить». По остальному у меня возражений нет.

— Дима? — Я развернулся к Гордееву вместе с креслом.

Тот, не вставая, обвел нас всех взглядом, остановившись на мне.

— Надеюсь, все присутствующие понимают, чем мы рискуем, планируя и осуществляя такие эксперименты? Нюрнбергский и гаагский трибуналы покажутся детскими играми, если нас когда-нибудь посадят на скамью подсудимых.

— А ты не пугай, — вдруг разозлился я. — Не ты ли мне на днях втолковывал, что если мы сейчас завалим «черных», то через месяц сюда войдут войска? И что с нами сделают, едва они тут появятся?

— Вот именно об этом я и хотел сказать, — спокойно парировал он мой выпад. — Прежде чем все проголосуют, я хочу быть уверенным, что каждый из нас понимает последствия принятого решения. Сейчас мы находимся на грани столкновения с теми, кто устроил здесь весь этот бардак. И я думаю, что «Структура» совместно с группировкой господина Закиса, может справиться с террористами, которые называют себя «комитетом национального спасения». Но надо иметь в виду, что силы, стоящие за их спинами, нам этого не простят. Ибо слишком много было вложено средств в организацию «территории без государства» в центре Европы. Значит, с высокой вероятностью, после обрушения их проекта, поддержание здесь ТБГ перестанет иметь смысл. В результате, сюда войдут войска, для того чтобы взять территорию под контроль и, вероятно, организовать марионеточное государство. Сделает это НАТО или Россия — еще вопрос, но для нас это принципиального значения иметь не будет — все центры силы на территории Латвии быстро прижмут к ногтю. А кое у кого проснется любопытство, и он захочет узнать, откуда это у «Структуры» появились ресурсы и могущество? Дальше продолжать?

— Не стоит, здесь люди вроде как неглупые собрались, — усмехнулся я. — Давай сразу выводы.

— А выводы очень простые, — невесело хмыкнул он. — Если мы не хотим, чтобы синтезатор попал в чужие руки, то выхода у нас ровно два — или уходить на нелегальное положение, или в кратчайшие сроки организовать армию, способную навести здесь порядок и удержаться против внешнего агрессора. А затем построить государство. В принципе, если мы освоим обсуждаемую здесь технологию клонирования совместно с реализацией «модуля лояльности», то ничего невозможного в этом нет. Синтезатор, вернее, синтезаторы — это неограниченные ресурсы. Клонирование — неограниченное количество бойцов и

специалистов. Дальше — все дело за организацией.

Гордеев замолчал, а все присутствующие глубоко задумались. Отпив глоток воды, я поморщился, встал, и подошел к бару. Выбрав бутылку виски и еще один стакан, плеснул туда на два пальца янтарной жидкости и кинул несколько кубиков льда.

— Итак, уважаемые господа, подведем итоги, — завершил дискуссию я, делая большой глоток. — Голосуя за или против проекта, мы голосуем за наше будущее.

— Скажите, Дмитрий, а сколько у нас времени? — поинтересовался Каверин.

— Времени до чего?

— Как начнутся предсказанные вами события...

— Мало, — скривился Гордеев, кинув недовольный взгляд на меня и на мой стакан. — Через неделю-другую мы будем знать всю численность, ресурсы и местонахождение «черных», а еще через неделю или две сможем их уничтожить. Но, по изложенным выше причинам, сделаем это только тогда, когда нас вынудят. Будем лишь следить за ними и ждать. Когда они решаться напасть? Не могу сказать. По моим прикидкам, вилка времени составляет от недели до нескольких месяцев...

— Но это слишком мало, — пробормотал Каверин. — По нашим расчетам, чтобы нормально осуществить описанный здесь проект, нам потребуется два-три года!

— Значит, будем работать быстрее, — я многозначительно посмотрел на ученых, а затем перевел взгляд на Диму. — А первое время обеспечивать лояльность клонов будем другими методами. Физическими, как сказал Константин Андреевич. Вместо снотворного, в кость вполне может быть зашита и ампула с цианидом...

Все опять затихли, а Каверин поморщился и покачал головой, с чем-то не соглашаясь.

— Итак, ставлю вопрос на голосование, — веско проговорил я, оглядывая каждого из присутствующих. — Поднимите руки те, кто за реализацию проекта, представленного нам Константином Андреевичем?

Первым вытянул руку Гордеев. Спустя мгновение, его жест, почему-то опустив взгляд, повторил Сотников. Каверин, поколебавшись несколько секунд, тоже поднял ладонь. Отпив еще глоток, я решительно поднял руку и посмотрел на Анциса.

— Я воздерживаюсь, — решительно сообщил Каулиньш, подняв на меня взгляд. При этом я заметил, что у него дернулся уголок рта. Моральные принципы или «соломка» на случай гаагского трибунала? Будущее покажет...

Пожав плечами, я отпил небольшой глоток, почувствовав, как жгучая жидкость прокатилась по пищеводу.

— Большинство голосов проект принимается. Константин Андреевич, — поймав взгляд Каверина, я продолжил, — прошу приступить к работе немедленно. Так же необходимо скорректировать план исследований таким образом, чтобы результат был достигнут в кратчайшие сроки. Список всего необходимого прошу передать мне не позднее завтрашнего утра, перед заседанием совета директоров. Вопросы безопасности проекта должны быть обсуждены уже сегодня, план мероприятий завтра утром тоже мне на стол, — я посмотрел на Гордеева.

— Сделаем, — согласился тот.

— Тогда, мы, пожалуй, пойдем работать? — Спросил Каверин.

— Идите, — отпустил я ученых, допивая виски. И поморщился — спиртное обжигало, но желанного расслабления так и не чувствовалось. — Дима, я пойду, прогуляюсь. Дайгу устроил?

— Передал Васильеву. Вроде как восемнадцатый дом, вторая квартира.

— Хорошо, — я встал из-за стола, и двинулся к выходу из зала заседаний.

Для конца октября стояла на редкость сухая погода. Зайдя к себе в кабинет и накинув плащ, я вышел на улицу, и вдохнул прохладный воздух с запахом прелых листьев и дыма — дворники местами жгли опавшую листву.

— Мы куда-то далеко? — спросил Игорь, выходя следом за мной из «Цитадели» и снимая автомат с предохранителя.

— Нет, по территории пройдемся, — ответил я, доставая телефон. Лика отозвалась на втором гудке.

— Тюш, я на занятии, — громким шепотом ответила она, не дав мне слова сказать. — Что-то срочное?

— Нет, Рыжик, все в порядке, занимайся, — ответил я. — Просто хотел узнать, как ты?

— Грызу гранит, — усмехнулась девушка в трубку и отключилась. Она давно привыкла к таким звонкам. Под грузом дел я постоянно забывал, где и чем она занимается в данный момент. Месяц назад мы организовали небольшую школу, на подконтрольной территории оказалось довольно много детей и подростков. Правда, в результате, в классах набралось лишь по три-четыре человека, но люди, как дети, так и родители, почувствовали признак возвращения стабильной жизни. А я настоял, чтобы Лика закончила двенадцатый класс^[56]. Она немного поныла, но потом все же согласилась. И неожиданно втянулась. Может быть потому, что Васильев собрал по всей Риге лучших учителей, которые с удовольствием переехали вместе с семьями на территорию «Структуры». Ту самую, где я сейчас и гулял.

Территория эта неожиданно разрослась. Мы откусили себе кусочек почти в три квадратных километра, который оградил забором, обеспечили контрольно-пропускными пунктами и камерами наружного наблюдения. Помимо постоянной охраны, в Центре безопасности постоянно дежурили две группы быстрого реагирования, включающих в себя по четыре «Хамви» и шестнадцать полностью укомплектованных бойцов.

Последнее время я часто выбирался погулять в одиночестве. Ну как в одиночестве, в присутствии телохранителей, конечно. Но Игорь и мой второй бодигард, Оскар, в такие моменты держались в отдалении и старались особо не докучать. Перейдя через дорогу, я оказался в парке и, заложив руки на спину, медленно пошел по дорожке, изредка пиная носками туфель красно-желтые листья.

Какое-то неосознанное беспокойство третий день давило на нервы, а сегодня, после разговора с Дайгой, предчувствие приближающихся неприятностей буквально захватило меня. Бредя по мощеной дорожке и шурша листьями, я прокручивал в голове последние события, пытаюсь сообразить, откуда может вылезти очередная гадость? Довольно часто мне казалось, что я чего-то недосмотрел, недопонял или недоделал. Вот и сейчас именно такое ощущение никак не хотело оставить меня в покое. Наконец, устав копаться в себе, я глубоко вздохнул и постарался абстрагироваться от всего, просто перестать думать. Обычно это помогало.

Отойдя от «Цитадели» метров на триста, я уже прикидывал, не догулять ли мне до школы, как вдруг сзади раздалась автоматная очередь. Оскар, шедший впереди, закрутил головой, вскидывая автомат, а я, как учили, тут же бросился на землю. Бодигарды, пригнувшись, рванули ко мне, что-то забормотав в микрофоны. Почувствовав всплеск адреналина, я судорожно откинул полы плаща, сунул руку под пиджак и рванул из кобуры верный «вальтер».

— Что это было? — Спросил я подбежавшего Игоря, стукнувшего наколенником рядом с моей головой.

— Непонятно пока, — буркнул он, разглядывая окрестности через коллиматор. — Давай-ка, Док, на карачках, туда, за дерево. Конь, прикрывай!

Адреналин — отличное лекарство от условностей! Скажи мне кто минуту назад, что я буду ползать на четвереньках, я бы только покрутил пальцем у виска. А тут рванул, не задумываясь, лишь стараясь не выпустить рукоятку «вальтера» из ладони. Внезапно возле «Цитадели» взревел двигатель БТРа, а сама бронированная машина, ловко развернувшись на месте, стремительно двинулась к нам, оставляя за собой облако сизого дыма.

— Сейчас нас броня подберет, — сообщил мне Оскар, стоя на одном колене спиной ко мне и высматривая потенциальную угрозу сквозь прицел АРки. — Где-то в «Цитадели» стреляли, похоже. Так что, Док, из-за дерева не светись!

Я послушно сгруппировался за толстым дубовым стволом. И поэтому не видел, а только услышал, как возле дома свистнула резина, и заревел еще один двигатель мощной легковой машины.

— База, от «Цитадели» отъехала машина «Всадницы» и стремительно удаляется к третьему Кэ-пэ-пэ, — скороговоркой сообщил в микрофон Игорь.

— Куда это она? — В непонятках спросил я, нахмурившись. «Всадницей» бойцы звали Ольгу, она сейчас вообще должна быть дома, в квартале отсюда...

— Артем сообщил, что вывез «Всадницу» и «Малышку» из опасной зоны, — ответил мне Игорь.

— Что происходит вообще? — недовольно буркнул я, протянув руку к Оскару. — Дай гарнитуру!

Двумя часами ранее я завез Дашу домой, где она осталась с Ольгой и телохранителями. Что они могли делать в «Цитадели»?

Оскар, помедлив мгновение, все же снял наушник и вместе с микрофоном передал его мне. В этот момент БТР затормозил рядом, прикрывая нас бронированным боком.

— Давай, Док, внутрь, — мотнул головой Игорь, показывая на открывшуюся бортовую дверь. Опершись о нижнюю створку ногой, я забрался в десантный отсек и уселся на ближайшее сидение.

— База, здесь Док, доложите обстановку, — буркнул я в микрофон.

— База Доку, — отозвался хриловатый голос диспетчера, — У нас стрельба внутри «Цитадели», выясняем, что к чему.

— Что с Малышкой?

— Малышка и Всадница в порядке, Рафаэль вывез их в машине со двора здания.

— Внимание, третий всем! — Послышался в наушнике голос Павла — Командира охраны Цитадели. — Имею два двухсотых, возле кабинета Первого. Сам Первый внутри, трехсотый, тяжелый, срочно медиков сюда!

— Твою мать! — Выругался я, лихорадочно размышляя, что теперь делать? Дима, Дима, как же ты подставился? Что вообще происходит?

— База Доку, — послышался растерянный голос диспетчера. — Машина Всадниц покинула территорию... Рафаэль на вызовы не отвечает. По данным с ка-пэ-пэ, внутри салона Всадница и Малышка, а Рафаэль за рулем. Жду указаний!

Я замер, пытаюсь вдохнуть. Почему-то не получалось... Закрыв глаза, распрямил плечи и волевым усилием протолкнул воздух в себя. Потом достал телефон и нашел в контактах

строку «Бывшая».

На четвертом гудке звонок сбросили. В ответ на второй вызов, смартфон сообщил, что телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

— Внимание, третий всем! — Послышалось в наушниках. — Гордеев сообщил, что у него стрелял Рафаэль. Забрал деньги из сейфа и ушел. Есть персональное послание для Дока... — Павел замолчал на мгновение.

— Не тяни! — Рыкнул я.

— Цитирую дословно: нас не ищи, и тогда с девочкой все будет в порядке...

Глава тридцать шестая. Гордеев

БТР еще не успел остановиться, а я уже выскочил из распахнувшегося люка и бегом ринулся в «Цитадель». Через несколько секунд влетел на второй этаж, где у нас располагался медпункт и, оттолкнув стеклянную дверь, вбежал внутрь.

На столе операционной лежал Дима. Медсестра, активно работая ножницами, сдирала с него окровавленную одежду, бросая обрезки прямо на пол. Рокулис с помощницей крутились вокруг, устанавливая систему и что-то делая с грудной клеткой, на которой кровавыми точками выделялись пулевые отверстия.

Монитор, стоящий рядом, вдруг перестал пикать, выдав равнотонный писк.

— Дефибриллятор, — крикнул Рокулис, медсестра отступила на шаг, а помощница подала врачу электроды. Тело Гордеева тряхнуло, но гудок монитора изменил тон лишь на мгновение.

— Каверина сюда! — рыкнул я. — Игорь, срочно!!!

— Есть, — телохранителя словно ветром сдуло.

— Шансы есть, Гатис? — Спросил я Рокулиса.

— Почти нет, — буркнул он. — Разряд!

Равномерный гудок монитора словно жилы вытягивал.

— Приготовиться к вскрытию грудной клетки, — проговорил доктор.

— Что? — В медпункт влетел Каверин. — Что случилось?

— Костя, две минуты клиническая смерть! — Я развернулся к нейрохирургу. — Ты сможешь тело сканировать, потом исправить повреждения и... синтезировать?

— Его? — Тупо спросил Константин, потом глянул на тело. — Повреждения какие? Два легких и позвоночник? Можем пробовать! Тогда надо срочно тело вниз!

— Давай, — скомандовал я. — Гатис, отставить! Тело вниз, в центральную лабораторию, срочно!!!

— Что? — Рокулис непонимающе взглянул на меня, выставив электроды дефибриллятора перед собой.

— Тело Гордеева вниз! — Заорал я. — В лабораторию!!! Срочно! — И в микрофон: — Док — всем! Исполняющим обязанности директора по безопасности назначается Второй! Пусть они с Ликой пулей летят в «Цитадель»! Обеспечить прикрытие броней!

— Есть! — Послышался голос Сергея, телохранителя Лики и заместителя Гордеева. — Второй — Базе! — Продолжил он. — Уровень готовности — красный! «Рафаэля» отключить от сети. Если он действовал не один, могут быть сюрпризы. Как поняли?

— База — Второму, все понял! «Рафаэль» уже отключен. Что с преследованием?

— Здесь Док. Никакого преследования, — вмешался я. И тихо добавил: — Потом найдем...

Толкая каталку, Каверин повернул голову.

— Из чего в него стреляли? Раны сквозные?

— Похоже автомат, пять сорок пять, — ответил Рокулис. — Два сквозных, третья где-то в позвоночнике в грудном отделе. Обширное внутреннее кровотечение, гемотракс.

Каверин лишь головой покачал и ускорил шаг.

— Костя, сколько времени потребуется? — спросил я, помогая закатить каталку в лифт.

— Не знаю, — покачал головой он, нажимая кнопку. — Я никогда этого не делал. Но думаю, несколько дней провозимся, если вообще это возможно...

— Костя, ты не понял, — повысил голос я, — он мне нужен живым немедленно! Каждая минута его отсутствия — это звиздец нам всем, понимаешь?

— Я тебе что, господь бог? — Огрызнулся Каверин, но увидев выражение моего лица, сбавил обороты. — Скажи, чтоб Сотников и Каулиньш бросили все и помогали... И фенамин^[57] мне найди, тогда, будем работать до последнего.

Выкатив каталку, мы, почти бегом, двинулись к синтезаторному залу.

— Кати сам, я дверь открою, — рванув вперед, я подбежал к двери и провел по замку своей карточкой. — Давай! Мужики, дверь держите!

Каверин, бросив охране на стол телефон, вкатил носилки внутрь. Данила и Анцис, сидевшие за компьютерами возле огромной установки, испуганно вскочили при нашем появлении.

— Большой сканер врубайте! — Крикнул я, подбегая к генератору и щелкая основным рубильником, включающим рентгеновский лазер. — У нас две-три минуты!

— Сюда, — пока Анцис соображал, Даня уже развернул стойку для тела и бросился к столу вводить параметры.

— Анцис, матрицу включай! — Рыкнул я, помогая Каверину развернуть каталку. — Давай, я за ноги. На счет три. Раз, два, три!

Схватив Гордеева, мы резко подняли его и перекинули на стойку. Капли крови брызнули мне на брюки.

— Контур?

— Есть!

— Направляющие?

— Выровнены!

— Генерация D-поля?

— Двадцать секунд!

Поправив руку Димы, так чтобы она оказалась внутри направляющих, я вздохнул и шагнул назад. Все что мог — сделал, дальше уже их работа...

— Пятнадцать... Десять... Пять, четыре, три, две, одна... Есть сканирование!

Невидимая вспышка рентгеновского лазера, и матрица, активированная D-полем, зафиксировала характеристики пространства в том месте, где лежало тело Гордеева. Включились мощные информационные накопители на несколько сотен эксабайтов^[58], записывая данные. Данила, дождавшись, пока полоса записи достигла конца, открыл окно с файлами и, выбрав нужный, щелкнул на нем мышью. Спустя несколько секунд, на 3-D мониторе появилось изображение человеческого тела.

— Все в порядке. Тело можно убирать.

— Давай, Константин Андреевич, начинай...

— Начинаю, — буркнул он, подходя к умывальнику, чтобы отмыть руки от крови. — Тело надо переместить на каталку, но не увозите, может еще понадобится. Еще, кофе мне и бутербродов, а ближе к ночи — фенамина. Путь Анцис идет спать, мне понадобится его свежая голова, под утро он сменит Данилу. И не мешать!

— Будет тебе кофе... — Вздохнув, я подошел к Диме. Из пулевых отверстий кровь уже не сочилась. Глаза его были закрыты, а рот, напротив, слегка приоткрыт. Кожа побледнела, на лице застыла маска полнейшего спокойствия.

— Извини, дружище, но тут еще осталась для тебя работа... Так что рано тебе на покой. — Я поморщился и подозвал Анциса. — Давай перетащим его обратно на каталку, и отмоем здесь все от крови. Потом принеси простынь и иди отдыхать...

Секундная стрелка больших настенных часов ритмично отсчитывала секунды, а я упорно медитировал на нее. Каверин и Сотников, негромко переговариваясь, щелкали мышками, глядя в огромный, висящий на стене монитор. Картинка, высвеченная на нем, была очень странной — будто бы миллионы пауков сплели неправильные паутины, которые касались друг друга краями. Насколько я понимал происходящее, это было изображение спинного мозга Гордеева.

— Смотри, семь два-пятнадцать повреждена, — едва слышно бубнил Костя, показывая стрелкой мышки на дефект в одной из паутин.

— Даю сетку, — так же тихо бормотал Данила, что-то отбив на клавиатуре. На поврежденной паутинке возникла система координат. — Развернуть?

— Ага, разверни, градусов на тридцать влево и на семьдесят вниз...

— Так?

— Угум, — паутинки вдруг сдвинулись и сместились, развернувшись другой стороной.

— Вот еще, — продолжил бубнить Сотников.

— Нет, это фигня, — отмахнулся нейрохирург. — Это само потом отрастет, нам надо основное исправить, самые толстые выбирай...

— Эту?

— Эту обязательно!

Может напиться, подумал я. Ужраться до скотского состояния, тогда смогу не думать и отключиться... Неет, вот они закончат, а я буду не в состоянии... Раза четыре уже ложился, но так и не смог заснуть. Лица, наверное, уже десятый сон видит... Девушка, вернувшись со школы, скуксилась, узнав о случившемся. Потом немного поплакала и несколько часов не отходила от меня, но затем стала клевать носом и, в конце концов, ушла в спальню.

Секундная стрелка очередной раз коснулась двенадцати, а я, наверное, в тысячный раз перевел взгляд на каталку, где, укрытое простыней, все еще лежало тело Гордеева. Дима, Дима, ну как же ты так, а? Или он не виноват? Может это я взвалил на него столько, что у него просто не хватило времени сделать все как надо?

Нестерпимо хотелось спросить Каверина о прогрессе, но я упорно молчал, понимая, что отвлекать нельзя... С каждой секундой Артем-Рафаэль увозил Дашку все дальше и дальше. А единственный человек, который мог бы организовать ее поиски, лежал мертвым под простыней.

Через какое-то время я все-таки вырубился, прямо в кресле — организм взял свое. Пробуждение было ужасным, все тело затекло, а голова была тяжелой, словно перед сном я выпил бутылку водки.

За окнами уже было светло. Несмотря на это в лаборатории горел свет — просто никто не стал отвлекаться на то, чтобы его выключить. Каверин и Анцис, сидели за тем же монитором. Настенные часы показывали половину одиннадцатого. Ничего себе я поспал! Черт, на десять же совет директоров назначен!

— Разворачивай, — устало произнес Каверин по-английски. — Тридцать градусов!

— Окей, — ответил Анцис.

Потянувшись, я встал и, подойдя к раковине, умылся. Потом, на затекших ногах вышел из лаборатории. Двое бойцов, стоящих перед дверью, подтянулись при моем появлении.

— Гарнитуру, — буркнул я, и, получив требуемое, продолжил в микрофон. — Док — Базе! Доложить обстановку.

— Здесь база, все штатно.

— Конец связи, — пробормотал я, вернул гарнитуру, и взял со стола телефон. Нажав на иконку с лицом моего секретаря, дождался ответа. — Инга, совет собрался?

— Шеф, я их отпустила, когда Лика сказала, что вы спите и будить вас не надо.

— Умница, — похвалил я ее. Ингу нашел и долго проверял Гордеев, и я еще ни разу не разочаровался в ее работе. Миленькая тридцативосьмилетняя женщина была на редкость умной и исполнительной, и, к тому же, в совершенстве знала четыре языка. — Собери их на два часа. Что-то срочное есть?

— Горящего ничего, только текучка. Единственное... Заходил Сергей, служба безопасности осталась без наличных денег.

— Свяжись с Банковичем, пусть решит эту проблему.

— Хорошо.

— Меня не беспокоить без нужды.

— Все поняла, Петр Сергеевич.

Оставив телефон на столе, я вернулся в лабораторию. Каверин и Каулиныш, встав из-за компьютера, колдовали с установкой, приводя в готовность реанимационное оборудование.

— Закончили? — Спросил я, подходя к кофе-машине.

— Да, — устало сообщил Каверин, набирая в шприц какое-то лекарство. — Насколько могли восстановили позвоночник, легкие, добавили крови в сосуды, убрали пулю, ошметки костей и тканей... И кровь из легких. Если удастся реанимировать, ему нужно будет время на восстановление, — Костя положил шприц на марлю и посмотрел на меня. — Гарантии, что будет ходить, и что все будет работать как надо, дать не могу. Будь у нас время, все, наверное, можно было бы сделать чище и лучше...

— Нет у нас времени, — поморщился я. Поймав взгляд Анциса, вдруг смутился и, почему-то начал оправдываться: — Дело не только в моей дочери. Операция с «черными» завязана непосредственно на Гордеева...

— Давай, — оборвал мои оправдания Каверин, кивая на пульт управления. Анцис сел за монитор и защелкал мышкой.

— Тридцать секунд... Пятнадцать... Десять... Пять, четыре, три, две, одна, синтез!

Раздался едва слышный писк. Над реанимационным столом воздух вдруг уплотнился, и, спустя мгновение, из неоткуда возникло обнаженное тело клона. Появилось оно в сантиметре над лежаком и с легким хлопком упало на поверхность. Каверин тут же ловко прикрепил электроды монитора и закрепил на лице маску дыхательного аппарата. Потом схватил дефибриллятор и приложил «утюги» к груди Гордеева, на которой места попадания пуль выделялись лишь кожей другого цвета.

— Разряд!

Тело клона трянуло, линия на мониторе дернулась, но тут же выровнялась.

— Еще разряд!

Опять трянуло. Тот же результат.

— Да живи же, мать твою! — Вдруг в запале выкрикнул Каверин и, выпустив электроды из рук, стукнул ребром ладони Гордеева по груди.

Монитор вдруг пикнул, а на экране появился характерный зигзаг, показывающий, что сердце заработало. Нейрохирург схватил шприц и ловко воткнул иглу куда-то в локтевую впадину ожившего человека. Как только поршень коснулся дна, грудная клетка клона вздрогнула, делая первый вдох.

— Млять, неужели нельзя было медсестру сюда позвать, — проворчал Костя, укрепляя на руке Гордеева катетер.

— Какого... ты его с катетером не синтезировал? — Спросил я, чувствуя, что губы сами растягиваются в улыбке.

— Да ты ж орал — быстрее, быстрее, — огрызнулся нейрохирург. — Подержи его руку!

Я шагнул ближе и схватил холодную ладонь Гордеева, которая чуть дернулась и стала стремительно теплеть.

— Так держи, — приказал Каверин, вгоняя иглу в вену и закрепляя катетер пластырем. — Все, отпускай, — добавил он, воткнув в него пластиковую трубку от системы. — Молитесь теперь! Рокулиса бы сюда с медсестрой...

— Анцис, труп укади в подсобку, — попросил я. — И накрой установку чехлом. А я за Рокулисом схожу...

— О, очнулся, — воскликнул Костя и расплылся в улыбке. — Ай да Каверин, ай да сукин сын!

Я подошел ближе и встретился взглядом с Димой, который постепенно осознавал свое местонахождение. Несколько секунд он просто смотрел по сторонам, а потом чуть двинул шеей и попытался что-то сказать. Каверин осторожно снял с него дыхательную маску.

— С возвращением, дружище, — проговорил я, прикоснувшись к его руке.

— Хр... Где я? — Тихо просипел Гордеев.

— Еще пока на этом свете, — бодро сострил Каверин, беря со стола шило. — Сейчас я тебя колоть буду, а ты говори, чувствуешь или нет, хорошо?

— Хорошо, — тихо пробормотал Дима, моргнув. Повернув шею, он снова оглядел помещение, потом посмотрел на меня. И вдруг спросил, — Я — клон?

Не в силах ничего сказать, я просто кивнул.

— Что... с прототипом?

— Три пули. Оба легких и позвоночник. Умер шестнадцать часов назад.

— Колю в левую стопу, — предупредил Каверин.

— Чувствую, — поморщился Гордеев. — Подожди, Костя... Петь, это Артем... Он был любовником Ольги... Он в меня стрелял, чтоб бабки из сейфа забрать... А перед этим охрану застрелил из пэ-бэ...

— Я понял уже, — кивнул я, похлопав его по руке. — Давай-ка быстрее приходи в себя. У нас с тобой дел по горло.

— Сергей за меня? — прошептал он.

— Да.

— Артем ушел?

— Да, — повторил я.

— Скажи Сергею, чтоб Артема не искал, — Дима попытался сглотнуть, и я подал ему стакан воды, который Анцис только что наполнил в кулере. Приподняв голову, дал напиться. Отдышавшись, Гордеев продолжил. — А то дров наломает... Он... далеко не уйдет.

— Это я и сам понял... Все, отдыхай, — я вздохнул, почувствовав, как с моих плеч упала гора. — Сейчас Рокулис тобой займется.

Глава тридцать седьмая. Саня «Крот». Охота за «Янтарем»

— Здесь стань, носом к подворотне, — приказал Саня, беря в руки маленький «Сваровский» со стабилизацией изображения. Он давно мечтал о таком бинокле. Лет десять назад, когда он только начинал службу в спецназе, ему как-то попался на базе один журнальчик с рекламой вот такого. А теперь мечта осуществилась.

Небольшой, неприметный «форд» притормозил и остановился. Водитель, молодой парень по имени Толик двигатель не глушил, как и было велено. Солярки не жалко, а вот если надо будет быстро уезжать, можно потерять секунды. А в их деле секунды — это очень много. Иная пуля за секунду пролетает почти километр.

— Тот дом? — Спросил Бигль с заднего сидения, показывая на монументальную серую громадину сталинской постройки.

— Да. Смотри свой сектор, — велел Крот. Леша с позывным «Бигль» числился стажером, и Крот не ленился ему об этом напоминать. Ибо как только боец решает, что он уже крут и учеба закончилась, вероятность получения пули возрастает многократно. Она итак немаленькая, а уж когда начинаются ошибки...

— Смотрю, — вздохнул Алексей, развернув голову в свою сторону. — Нет тут никого. Пустота и тишина.

Саня внимательно осмотрел дом, потом каждое окно отдельно, а затем тщательно исследовал припаркованную машину с логотипом охранной фирмы, камеры наблюдения, подъезды и подходы к дому. А потом начал сначала. Тишина, нарушаемая лишь негромким стуком дизеля немного давила на нервы. Октябрьский вечер, только начинает темнеть. Сегодня холодно, температура чуть ниже нуля. Ветер с моря приносит крупинки снега, кидая их на стекло. Фонари пока не горят, но для наблюдения света пока хватает. В сером доме уже зажглись некоторые окна. Прохожих нет совсем, лишь редкая машина проезжает по улице у них за спиной.

— Глуши движок, — наконец приказал Саня, не обнаружив ничего подозрительного. Толик послушно повернул ключ и машина заглохла.

— Замерзнем мы так, — констатировал очевидное Бигль. — И окна запотеют.

— Нехрен бухать было вчера, — усмехнулся Крот. — Не переживай, машина правильная, тут все приспособлено.

— Четыре аккумулятора для спецпечки, — похвастался Толик. — Не замерзнем!

— Мы не бухали, так, выпили немного за здоровье шефа...

— И что, помогло? — усмехнулся Крот.

— Ну, он даже с инвалидной коляски встал, правда правая нога не очень еще работает, только на костылях ходить может.

— А что за история, мужики? Расскажите хоть, не дайте помереть дурой, —

поинтересовался Толик.

— Шефа нашего подстрелили на днях, слышал? — Начал Леша. — Дык вот, говорят, его Док с того света вытащил. Какими-то странными машинами, что в центральной лаборатории стоят. Мужики, что на охране стояли, рассказывали, что в лабораторию уже труп привезли, три пули в груди...

— Что ты болтаешь всякую хрень? — Оборвал подчиненного Крот. — Следи за сектором!

— Да слезу, нет никого, — отозвался Бигль и замолчал.

Некоторое время тишину в салоне нарушал только завывающий снаружи ветер и негромкой шелест снежной крупы, бьющейся об окна.

— Что Гордеева подстрелили, слышал, конечно. А чо, в натуре мертвого оживили? — Не выдержал Толик.

— Так говорят, — почему-то шепотом ответил Бигль. — Труп завезли, а следующим днем вывезли уже живого. Даже Рокулис, говорят, в шоке был и все допытывался у Каверина, что да как?

— А тот?

— А тот молчал, как рыба об лед, — пожал плечами Бигль. — Только улыбался довольно и твердил себе под нос, какой он сукин сын...

— А что Гордеев?

— Да ничего... С неделю на коляске катался, а вчера даже с костылем прошел немного. Каверин обещает, что правая нога тоже со временем восстановится.

— Вот балаболки, — буркнул Саня. Бигль с Толиком замолчали, уловив в голосе командира неодобрение и некоторое время сидели молча, наблюдая за своими секторами.

— Нога — херня, — вдруг продолжил Алексей, будто его распирало. — Ранение легкого, вот это чудо. За два дня никак не проходит. А тут, смотрю, шеф наш дышит как молодой... Жена его наутро как узнала, прибежала, а он с ней бодренько говорил, словно и не было тех дырок... Вот так вот.

Это Леха меня на разговор вытягивает, вдруг понял Крот. Позавчера Бигль стоял на вахте возле лаборатории и видел, как Саня внутрь заходил. А теперь ему интересно, что он, Крот, там внутри видел и делал. Ну, это хрен ему, он не станет лишнего болтать. О таких вещах не болтают. А тут еще и специально попросили, чтоб молчал. Сам Док попросил. А Дока Саня очень уважал. Не столько за образование. И не потому, что шибко умный. А за то, что при необходимости, мог винтовку взять и ребят прикрыть, а не только за спинами телохранителей прятаться.

— Болтун, мля... Сидим тихо и работаем!

— А долго сидеть? — зевнув, спросил Толик.

— Часов до трех. Если лишней активности не будет, утром берем объект.

— Как берем-то? — Не отставал водила.

— Каком кверху, — отшил его Крот. Но потом подумал, что Толик водитель вроде неплохой и вполне может стать постоянным членом группы. Тогда надо его учить понемногу, ибо всякое в жизни бывает. — Я ему в машину шприц в сидение поставлю. А сам сзади залягу, а как он заснет, так мы местами и поменяемся. Я выеду, а вы прикроете, если что — хвоста снимете. Но без нужды не дергаемся, чем тише все пройдет, тем лучше. Первый приказал: если есть шанс засветить операцию, то лучше совсем не соваться. Если хвоста не будет, тихо уходите на базу, как было сказано на инструктаже, объект я сам

доставлю куда надо.

Помолчали.

— А внутрь как попадешь? — спросил Бигль.

— Молча, — буркнул Крот, но потом все же пояснил. — Там дверь сбоку в подсобку. А с нее выход вниз. Ключи подобраны. И камеры нет, муляж там, «хакеры» проверили уже.

— А в гараже? — Алексей никак не мог уговориться.

— В гараже есть, — вздохнул Крот. — Но тут уж техотдел должен постараться. Обещали все сделать чисто, чтоб комар носа не подточил.

Снова наступила тишина. В машине стало ощутимо холодно, а стекла стали запотевать. Толик щелкнул каким-то выключателем, и впереди, под капотом загудел вентилятор.

— Сейчас согреемся... — Водитель помолчал немного, глядя, как отпотевают стекла, а потом, мельком глянув на Крота, повернулся к Биглю. — А что этот Артем, который «Рафаэль», так и ушел?

— Ушел, — подтвердил Леха. — Но, думаю, ненадолго.

— Почему?

— Потому что Док за свою дочь кого угодно на куски порежет, — ответил Бигль, мельком глянув на Толика. — И Гордеев предательства никогда не прощает. Мне Сергей рассказал... Был в Москве один, который его кинул. Первый его долго искал и года через три нашел.

— И что?

— Ничего. пожалел мужик, что плохо поступил. Недолго жалел, правда. Несчастный случай с ним случился. Из окна выпал, бедняга.

Опять все замолчали. Из решеток ощутимо потянуло теплом. Крот вновь поднял бинокль и что-то долго рассматривал.

— Крот, а кто этот «Янтарь», которого мы брать будем? — Снова не выдержал тишины Толик.

— Конь в пальто, — буркнул Саня. — Объект, которого работаем. Какая тебе разница?

— Ну интересно же!

— Интересно ему... — Проворчал Крот, но, все ж, решил рассказать. — Рейнис Дзинтарс, рабочий псевдоним «Янтарь»^[59]. Есть оперативная информация, что он — «черный», один из тех, кто девятого мая устроил ту бойню, у памятника. Поэтому, смотри, Толик, не в «покемонов» играем. Тут люди и ставки серьезные, облажаться нельзя. Вник?

— Так точно, — ответил сразу посерьезневший водитель.

— Вот так-то лучше.

— В моем секторе — патруль, — вдруг напряженным голосом сообщил Бигль.

— Сидим на жопе ровно, — тут же отреагировал Крот, чуть разворачиваясь, чтобы рассмотреть показавшуюся вдалеке машину. По улице, сверкая синей мигалкой, в их сторону медленно двигался патрульный джип. — Если близко не подъедут, то не поймут, что в машине кто-то сидит. Поэтому не дергаемся.

— А если подъедут?

— Тогда будем уходить резво. Толик, будь готов.

— Всегда, — откликнулся водила, удерживая правой рукой ключ зажигания.

Джип, бросая по сторонам синие отблески, ехал медленно, сидевшие внутри, без сомнения, внимательно осматривали окрестности. Крот поправил автомат на коленях и щелкнул предохранителем.

— Игла-три — группе «Ц», — проворковал в наушниках приятный женский голос.

— Группа «Ц» на связи, — отозвался Крот, не спуская глаз с патрульной машины.

— Готова работать по «синей голове», — сообщила девушка-снайпер, сидевшая в засаде в одной из квартир неподалеку.

— Игла-три не горячись, — угомонил девушку Саня, включая коллиматор. — Работать только по команде, как поняла?

— Поняла хорошо, работать по команде, — послушно отозвалась «игла». — Конец связи.

— Маринка что ли? — хмыкнул Бигль.

— Она, — отозвался Крот.

— Женит она тебя на себе, — усмехнулся Алексей, подняв ствол автомата на уровень стекла.

— Не лезь, куда тебя не звали, — буркнул Саша, но не зло, а, скорее так, для порядка. Женскую снайперскую группу Первый организовал совсем недавно, и она, конечно, сразу вызвала среди бойцов живой интерес. Однако, любые попытки подкатить к молодым воительницам оканчивались неудачей: как ни странно, девушки совсем не жаждали общения. Кто они и откуда было покрыто тайной — Первый сразу засекретил всю информацию. Единственным исключением стала Марина, которая с первой встречи на стрельбище прицепилась к Кроту словно клещ. Неизвестно, чем ей так приглянулся командир третьей боевой группы, но молодая и симпатичная снайперша действовала на удивление активно. Настолько, что уже через неделю Саня не устоял, и они оказались в одной постели. Странные это были отношения. Единственное, о чем они разговаривали — это о работе. Оружие, тактика, разные приспособления и методы маскировки... При этом, они оба молчали о своем прошлом и никогда не говорили о будущем. Вот такая странная любовь.

Машина с мигалкой притормозила у въезда во двор, где стоял «форд», но секунду постояв, двинулась дальше. Толик едва слышно выдохнул, убирая ладонь от ключа зажигания.

— Что, памперсы полные? — Хмыкнул Крот, ставя оружие на предохранитель.

— Бодрящее ощущение, — нервно хихикнул Толик.

— Привыкай, боец, такого впереди еще много будет, — пообещал Крот, глянув на часы. — Еще дважды они тут проедут, а потом я пойду работать.

Толик лишь вздохнул, откидываясь на спинку сидения.

Глава тридцать восьмая. Рейнис Дзинтарс. Черда неприятностей

До ранения Рейнис Дзинтарс считал себя удачливым человеком. Ну, посудите сами — далеко не бедная семья адвокатов, престижная частная школа, крутые друзья. Что еще надо человеку для счастливой жизни? Иногда, правда, все это надоедало. Тогда он начинал ныть и жаловаться на свою судьбу и принимался топить грусть-тоску в алкоголе, зависая в ночных клубах. Но все равно, где-то там, глубоко внутри знал, чувствовал — все ж он везунчик. И, пожалуй, — счастливый человек. Был, правда, один момент, который постоянно отравлял его, Рейниса, существование. Ему не нравились русские.

Этому не было рационального объяснения. Справедливости ради стоит сказать, что

Рейнис пытался анализировать свою ненависть, но явных ее корней так и не нашел. Может, все дело было в том, что он не понимал языка. Дзинтарс родился уже в свободной Латвии, которая, мягко говоря, не способствовала тому, чтобы парень из латышской семьи выучил язык, на котором разговаривает треть населения страны. А может быть, негативные чувства родились из-за того, что латышские СМИ постоянно напоминали про оккупацию. И непрерывно твердили, что русский лидер, президент Бутин, целыми сутками только и думает о том, как снова оккупировать его любимую Латвию.

Как бы то ни было, впервые столкнувшись с русскими еще в детском саду, он сделал для себя вывод, что эти люди нарушают некую латышскую гармонию, сложившуюся у него в душе. Позднее, учась в школе, он вдруг понял, что большинство русских, даже говоря по-латышски, мало интересуются народными танцами, латышской музыкой и настоящей историей его страны. Это еще больше ожесточило его. Поэтому, когда в десятом классе, в лагере яунсаргов^[60] Рейнис познакомился с Индулисом, членом Перконкруста, он быстро и легко проникся идеями этой организации.

Спустя год он уже участвовал во всех акциях и собраниях «Рижской ячейки» и даже, однажды, был задержан Полицией Безопасности, после того, как они закидали тухлыми яйцами машину российского посла. С ним провели беседу, но молодой парень в строгом костюме говорил какие-то слишком официальные слова, прямо как учительница в школе, и разговор не произвел на Рейниса должного впечатления. А спустя месяц в ячейке появился «мистер Смит».

Появление его, надо сказать, было весьма эффектным. Сидя в подвале в одном из домов на улице Стабу, бойцы «Перконкруста» как раз обсуждали очередную «акцию», когда хлопнула дверь, и в помещение вошел невысокий крепкий мужик лет тридцати. Невыразительное и ничем непримечательное лицо, кепка-бейсболка, простая куртка, джинсы — таких на улице двенадцать на дюжину.

— Привет, парни, — поздоровался он с присутствующими «бойцами» по-латышски, но с сильным то ли английским, то ли американским акцентом. И продолжил с явной издевкой: — все решаете, как измазать русский флаг гнилыми помидорами?

— Ты, дядя, видать адресом ошибся, — довольно грозно проговорил Янис Кродзиньш, двухметровый парень с большими рельефными мускулами, их старший. — Дверь у тебя за спиной.

— Я знаю, где дверь, мальш, — усмехнулся вошедший. — Но, не сомневайся, я как раз по нужному адресу. И у меня предложение, от которого вы не сможете отказаться.

— Выкини его отсюда, — велел Янис Индулису. Тоже довольно здоровый и занимающийся восточными единоборствами Винкелис встал и шагнул к незваному гостю, но тот оказался весьма резв. Индулис вдруг согнулся и с каким-то жалобным звуком ударился головой о дверной косяк. Потом упал и затих. Этого перконкрустовцы стерпеть уже не смогли и гурьбой бросились на наглого иностранца. Но ничего путного у них не вышло.

Рейнис так и не понял, что произошло. Очнулся он лежащим на холодном бетонном полу, чувствуя, как болит правая рука. Кроме того, немного двоилось в глазах. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что все его друзья лежат рядом, а мерзкий иностранец примостил свою задницу на стол, и с усмешкой оглядывает устроенное им же побоище. Подмигнув Рейнису, он громко проговорил:

— Просьшайтесь, мальчики! Я здесь не для того, что бы стучать вам по голове. Как раз наоборот — я жажду дать вам немного денег и кое-чему научить.

Надо сказать, «мистер Смит», как он представился, не соврал. Когда все очнулись и уселись на стулья и диван, гость рассказал, что представляет одну контору, которой тоже очень не нравятся русские. В планах сей серьезной и богатой организации есть пункт — организовать лагеря подготовки бойцов из Перконкруста, которые, в дальнейшем смогут сделать что-то более серьезное, чем забросать яйцами машину посла. «Мистер Смит» извинился за насилие, и пояснил, что так ему удалось быстро и эффективно показать тот уровень подготовки, который должен быть у сидящих здесь ребят.

Говорил гость так проникновенно и логично, что ребята сразу прониклись к нему симпатией и доверием. И даже Кродзиньш, который, поначалу, смотрел волком, ибо не хотел упускать лидерство в ячейке. Впрочем, «мистер Смит» нашел ключик и к Янису, сообщив, что тот, несомненно, останется командиром и, мало того, будет безотчетно распоряжаться денежными средствами, которые он, «мистер Смит», будет им регулярно передавать.

После этого их жизнь сильно изменилась. Через месяц куратор передал билеты на самолет, который унес их в Канаду, где в северных лесах был оборудован тренировочный лагерь. Первые три месяца показали адом — настолько их там гоняли. Бег, полоса препятствий, рукопашный бой, стрелковая и диверсионная подготовка — их мучили по четырнадцать часов в сутки. Потом еще два месяца обучали основам конспирации, тактике городских боев, а так же вдабливали понятные им идеи об исключительности латышской нации, а так же, не совсем понятные о том, что именно они, латыши, должны показать миру, что человеческое общество может жить и без государства. Рассказывали о коррумпированных политиках, о порочности государственных институтов, о том, как надо выстраивать жизнь населения, когда не будет ни армии, ни полиции, ни иных государственных структур. К концу обучения Рейнис даже удивлялся, почему вначале эти идеи показались ему странными — ведь, действительно, государство, словно клещ, присосалось к народу и сосет его соки. Структурировалась и его ненависть к русским — ведь Россия всегда была сильным государством, империей, поэтому у русских в крови имперское мышление. Они не представляют себе жизни без этой репрессивной машины. Поэтому они ниже в развитии, чем латыши, которые, конечно, смогут сбросить с себя гнет карательного аппарата и заживут так, как надо.

Вернувшись в Латвию, они принялись за дело. Конечно, не они одни — таких групп было множество, а управлял всеми некий Координационный центр, местонахождение которого никто не знал. Их группа полгода готовилась к часу «X» — сооружали тайники с оружием, организовывали временные базы, следили за политиками и руководителями полицейских и военных подразделений, которых нужно будет убрать в определенный момент. Ну а потом... Все знают, что случилось потом.

Они сделали все как надо. Ну, почти... Девятого мая их послали к так называемому «памятнику Освободителям», где они должны были расстрелять муниципалов и бойцов «Земессардзе», чтобы увеличить панику во властных структурах и оттянуть силы полиции на еще один объект, пока их старшие товарищи расправляются с государственными деятелями и командирами армии, полиции и ополчения. Но они все сделали по-своему. С того момента удача изменила Рейнису.

За день до акции, узнав, где они будут работать, ребят осенило — вот оно! Там же, у памятника, соберутся те, кого они всегда ненавидели — русские, которые поддерживали оккупацию их любимой страны! Что будет страшного, если кроме муниципалов и

земессаргов умрут еще и несколько десятков этих?

Расплата за нарушение приказа наступила в тот же день. Во-первых, непонятно как, но среди «колорадов» оказались несколько человек с оружием, которые не побоялись дать отпор. Он получил тогда три пули и, если от двух его спас броник, то третья раздробила плечо, после чего его левая рука так до конца и не восстановилась. Трое его товарищей погибло. Во-вторых, им досталось от командования. Он никогда ранее не слышал, чтобы «мистер Смит» так орал. В назидание всем, Кродзиньша расстреляли. А его, после госпиталя, понизили в должности, уменьшив денежное довольствие. И теперь он, вместо того, чтобы быть бойцом боевой группы, оказался простым связным.

На этом неудачи не закончились. Его родители, оставшись без работы, уехали в деревню, где попали в рабство к местной банде. Он, как было положено, подал рапорт «мистеру Смигу». Конечно, его семью освободили, а банду, как и должно было быть, помножили на ноль. Вот только «мистер Смит» не торопился — видать еще не забыл «прокола», поэтому к моменту освобождения, его мать и сестра были неоднократно изнасилованы, а отец жестоко избит, поэтому теперь Рейнис половину своего денежного довольствия отдавал на лечение родных.

Жил он нынче один в четырехкомнатной квартире. Ну как один, поняв, что кому-то надо вести хозяйство, завел себе русскую рабыню, которая убирала и готовила, а так же иногда согревала постель. Это была уже третья девчонка, первая сбежала, а вторая попыталась его убить. Поэтому, к выбору последней он подошел с выдумкой — сначала выследил и убил членов ее семьи, а потом явился к ней таким спасителем, чередуя кнут и пряник. Искать себе латышку он не спешил, может быть, он это сделает позже, когда соберется жениться и завести себе детей. Все-таки латышка не должна быть рабыней. А эта Маруська пока его устраивала — по-латышки говорила, и бог с ней.

— Закрой за мной дверь, — велел он Машке, которая молча кивнула в ответ на его строгий взгляд. — Вернись к двум, чтоб обед был готов!

— Хорошо, — тихонько ответила та, покорно сложив руки на переднике.

Привычно глянув на экран домофона, Рейнис проверил оружие и вышел в подъезд. Дождавшись, пока щелкнет замок, он пешком спустился по лестнице, мысленно прокручивая в голове предстоящую работу. Он должен был пополнить оружием седьмой и двенадцатый тайник, а затем явиться к третьему пункту наблюдения и снять данные с камеры, которая фиксировала машины, проезжающие через КПП «Структуры». Эта группировка очень волновала командование, поэтому за периметром ее базы было установлено круглосуточное наблюдение. Рейнис подозревал, что со дня на день последует штурм — командование каждый день передавало ему указания, связанные с этой, безобразно сильной организацией.

Кивнув охраннику на входе, он, убедившись, что на улице спокойно, спустился на этаж ниже, туда где находилась подземная стоянка и подошел к своему джипу. Машин было мало, впрочем, как и жильцов в этом элитном доме, который находился под охраной комитета национального спасения. Негласно конечно, для всех квартал «держала» небольшая охранная фирма.

Джип привычно отозвался на сигнализацию, Рейнис уселся на водительское сидение и, не успев повернуть ключ, почувствовал неприятный укол в ягодицу.

— Что это еще за херня, — пробормотал он, пытаясь приподняться и посмотреть, что его укололо, но это ему не удалось. Окружающая действительность расплылась, и он потерял

сознание.

Очнулся Рейнис от пиканья монитора. Что такое кардиомонитор он уже знал, после того, как почти две недели отвалился в госпитале. Но нынешнее пробуждение здорово отличалось от предыдущего. Во-первых, это помещение не особенно было похоже на больницу — слишком много тут стояло явно немедицинского оборудования. Во-вторых, его руки и ноги были пристегнуты наручниками к ложу, на котором он лежал. В-третьих, помимо двоих докторов в белых халатах, рядом с его койкой, сидя в кресле, расположился смутно знакомый мужик в дорогом сером костюме. Рядом, в инвалидной коляске, находился еще один, постарше.

— С пробуждением, господин Дзинтарс, — поздоровался инвалид по-латышски, но Рейнис сразу определил по акценту — русский. — Как ваше самочувствие?

— Спасибо, неплохо, — осторожно ответил он, прислушавшись к себе. Кроме небольшой головной боли, никаких проблем в своем организме он не ощущал. — А где я?

— Здесь, господин Дзинтарс, вопросы задаем мы, — почти ласково произнес инвалид и показал Рейнису небольшую коробочку с каким-то регулятором и кнопками. — А чтобы вам было понятнее, я проведу сеанс разъяснения. Вот смотрите, это пульт, который регулирует болевой центр в вашем мозге. И не только. Я сейчас покручу регулятор, прислушайтесь...

Непонятный инвалид медленно повернул ручку на пульте, а в теле Рейниса родилась боль. Не в руке, не в ноге, а везде. Сначала легкая, но споворотом ручки она становилась сильнее и сильнее... Вот она стала непереносимой, Рейнис открыл было рот чтобы крикнуть, как в этот момент инвалид нажал на какую-то кнопку. Крик застрял в горле у Дзинтарса, внезапный паралич горла не позволил ему вытолкнуть воздух из легких. Рванувшись, он попытался вскочить, но наручники безжалостно врезались в запястья и в щиколотки. Прокусывая губу, Рейнис выгнулся дугой и вдруг боль внезапно пропала. Упав на ложе, Дзинтарс быстро-быстро задышал, смаргивая выступившие слезы.

— Ничего не болит? — Поинтересовался инвалид, по-прежнему удерживая пульт в руках. — Может повторить?

— Не надо, — прохрипел Рейнис, пытаясь вытереть слезы плечом, но наручники не дали ему этого сделать. — Дайте попить... Пожалуйста.

— Дайте ему воды, — по-русски приказал второй господин в костюме. Один из докторов в белом халате подошел к кулеру и наполнил стакан. Потом, приподняв Рейнису голову, влил ему в рот несколько глотков.

— Вот видите, господин Дзинтарс, мы прислушиваемся к вашим просьбам, — усмехнулся инвалид, вертя пульт в руках. — Понимаете ли, мы тут немного подправили ваше тело. Помимо болевого контроллера, который находится в одной из ваших многочисленных костей, мы еще вставили вам в глаз камеру, а в ушную раковину — микрофон.

Ловко подкатив кресло к столу, инвалид повернул ноутбук экраном к Рейнису. На экране Дзинтарс увидел картинку, которая точь-в-точь повторяла то, что он видел в данный момент собственными глазами. — Отличная технология, уверен, что вы совершенно их не чувствуете, ведь так?

Рейнис шмыгнул носом, на что инвалид вдруг крутанул регулятор, и боль лавой разлилась по всему телу.

— Господин Дзинтарс, надо отвечать, когда я спрашиваю, — наставительно продолжил этот палач, когда он отдышался. — Вам это понятно?

— Да, да, — быстро проговорил он, снова смаргивая слезы. — Я ничего не чувствую!

— Ну, вот и прекрасно. Тогда сейчас вы нам расскажете все-все, что вы знаете про комитет национального спасения. Как все началось для вас лично, где и как вы обучались, как осуществляется связь, короче, абсолютно все, что знаете... Вам понятно, что я от вас хочу?

— Да, понятно, — быстро ответил он. — Но меня убьют, если я расскажу...

— О, — щелкнул языком инвалид. — Может быть, конечно. Но, во-первых, мы вам поможем выжить... А во-вторых, одно дело просто умереть, а другое дело полежать сутки вот так, — допрашивающий чуть повернул регулятор и боль вернулась... Она не была очень сильной, но зато ощущалась постоянно, как бы пульсируя, не давая возможности привыкнуть. Рейнис сжал зубы и терпел, но, спустя несколько минут, пока присутствующие в комнате молча смотрели на него, он понял, что это невыносимо...

— Все, все, пожалуйста, не надо, я все понял...

Инвалид некоторое время с сомнением смотрел на него, но потом все же повернул регулятор, но не до конца, а почти... Так, чтобы едва уловимое нытье в суставах осталось.

— Я расскажу, все расскажу, только выключите совсем!

— Ну, хорошо, — палач отключил боль. — Итак, мы слушаем. С самого начала.

Дзинтарс говорил долго, не меньше часа. Врачи ушли, остались лишь эти двое, внимательно слушающие его исповедь и изредка задавая уточняющие вопросы. Когда он стал рассказывать про девятое мая, господин в дорогом костюме вдруг встал со своего кресла и вернулся на место спустя минуту, с бокалом, на дне которого плескалась янтарная жидкость. И тут вдруг Рейнис вспомнил, где он видел этого человека. Это он, он стрелял в него тогда, возле памятника!

— Что замолчали, господин Дзинтарс? — Поинтересовался палач-инвалид.

— Он меня узнал, — по-русски ответил второй, внимательно глядя в глаза Рейнису. Потом спросил по-латышски, — Сколько ваших мы тогда убили?

— Трех, — хрипло ответил Рейнис. — И еще четверых ранили...

— Дальше! — Приказал инвалид и Дзинтарс продолжил. Он подробно рассказал все про комитет, про наблюдение за «Структурой», про связь и порядок передачи приказов. Потом замолчал и с тревогой посмотрел на своих мучителей.

— Это все, я больше ничего не знаю...

Господа с сомнением переглянулись. Потом тот, который сидел в инвалидной коляске многозначительно покрутил в руках пульт с регулятором.

— Поверьте, я правда больше ничего не знаю...

— Поверим... Пока, — кивнул инвалид. — Слушай внимательно и запоминай. Мы тебя сейчас отпустим. И ты поедешь по своим делам. Учти, что мы постоянно следим за тобой, твоими же собственными глазами и ушами. Кроме того, в твое ухо встроен небольшой микрофон, передающий сигнал тебе прямо в слуховой нерв. Это значит, что иногда мы будем передавать указания. Тебе все понятно?

— Да, да! — Рейнис закивал. Его отпустят! Это самое главное, а дальше уж он выкрутится.

— Еще два момента, — продолжил инвалид. — Этот пульт, — он поднял регулятор и Рейнис вздрогнул, — действует на любом расстоянии. Если мы поймем, что ты нас обманываешь или пытаешься предать, боль будет включена...

— А второй момент? — внутренне цепенея от ужаса, пробормотал Дзинтарс.

— А второй... Кроме регулятора боли, в твое тело встроена ампула с ядом. Яд... очень

неприятный. Посмотри, как он работает, — инвалид придвинул ноутбук ближе, нашел какой-то файл и щелкнул мышкой. На экране появилось изображение человека, привязанного к койке, которому что-то вводят в вену. — Это видео снято известной террористической организацией... Вот, началось, смотри внимательно!

Спустя несколько минут Рейнис закрыл глаза от ужаса.

— Уберите это, пожалуйста, — всхлипнул он. — Я все понял! Я понял!

— Видео длинное, — удовлетворенно проговорил инвалид. — Он так умирает почти шесть часов... Не надо больше ничего объяснять?

— Нет, не надо, пожалуйста, я все сделаю...

— Сделаешь, конечно, куда ты денешься, — мрачно проговорил второй, допивая янтарную жидкость. — И от того, как ты это сделаешь, будет зависеть твоя дальнейшая судьба.

Через полчаса Рейниса высадили из машины недалеко от его дома, в безлюдном портовом районе. Высокий и здоровый парень в разгрузке и с автоматом молча отдал ему ключи от джипа. После чего доставившая его машина исчезла, а Дзинтарс остался один на улице и тяжело вздохнул. Черeda неприятностей закончилась. Теперь начались серьезные проблемы.

Глава тридцать девятая. Операция «Красное и черное»

Лица взбила подушку, привычно уложила ее в угол, оперлась на нее спиной и щелкнула зажигалкой. Желтоватый огонек отразился в капельках пота на ее коже. Затянувшись, девушка выпустила облако дыма и подсунула пальчики ног под мою ладонь. Я машинально погладил ее маленькие ступни, любуясь искорками, возникающими в ее глазах, когда свет от фар проезжающих машин падал на зеркало небольшого трюмо, стоящего рядом с нашей кроватью.

— Как невероятно мне повезло с тобой, — пробормотал я, продолжая разглядывать ее обнаженную фигурку.

— Расскажи, как? — серьезно проговорила она, вновь затягиваясь вишневым дымом.

— Знаешь, я где-то читал, что брак только тогда остается с годами крепким, когда в партнере ничего не раздражает. И с годами даже самая маленькая раздражающая черта приводит к разрыву через сколько-то лет. Удивительно, но я не нахожу в тебе ни единой такой черты...

— Да ладно, — улыбнулась она и продемонстрировала зажженную сигарету. — Даже это?

— Угу, неверное, я извращенец. Но мне нравится!

— И то, что я необразованная малолетка?

— От этого вообще в восторге, — усмехнулся я.

— И то, что я, до сих пор иногда кричу ночами от страха?

— Только хочется обнять тебя посильнее...

— Ты точно извращенец! — Усмехнулась она. Потом вдруг погрузилась, я это сразу почувствовал. — Тебе пора?

Я только кивнул, не двигаясь с места. Как знать, чем закончится наша маленькая война? Я не хотел терять ни мгновения, наслаждаясь этим чудом.

— Все будет хорошо, Тюша! — Вдруг сказала она, прочитав мои мысли. — Ты победишь. И я буду рядом.

— Ты все помнишь? — Не мог не спросить я.

— Да, — она кивнула, туша сигарету в пепельнице. — Если база получает «красный сигнал», я с Викой, Леной и Таней, а также с Сергеем уйду через ход. Мы садимся в машину и едем к литовской границе. Переходим через окно. И там я жду твоего звонка на литовский номер.

— Умница, — вздохнул я, потом привстал и коснулся губами ее коленки. — Я в душ.

— Все будет хорошо, — снова повторила она, а я почувствовал, как ей страшно. И как она крепится...

Одевались мы одновременно. Она — колготки, джинсы, ботинки и свитер, я — пятнистый комбинезон, броник и разгрузку.

— Это обязательно? — спросила Лика, показывая на маленькую кобуру с плоским 239-тым зиг-зауэром, который я ей вчера подарил.

— Угум, — кивнул я, запихивая в карманы разгрузки магазины к автомату. Несмотря на то, что воевать я не собирался, Гордеев посоветовал быть готовым ко всему. Людей не хватало, телохранитель сегодня у меня будет только один, а случай с Артемом недвусмысленно напоминал — надо быть готовым даже к предательству. Сунув в кобуру старый добрый «вальтер», я немного попрыгал — не звенит ли чего, потом помог Рыжику закрепить кобуру на ремне, куда она сунула пистолет и прикрыла свитером. — Покрутись... Отлично, почти не выпирает. Патрон держи в стволе.

— Да помню я, помню, — погладила она меня по руке. — Не волнуйся так.

— Не могу не волноваться, — пожал плечами я и взял со стола свой «двухсотый» АК под натовский патрон. — Пошли.

На первом этаже нас уже ждали — Лику — ее новая телохранительница Татьяна и Сергей, который, если что-то пойдет не так, должен будет вывезти в Литву Рыжика и жену Гордеева с ребенком, а меня — Игорь, с ним мы направились в командный центр. Никогда не любил долгие прощания. Коснувшись губами Рыжика, я кивнул Игорю, и мы вышли во двор, под мокрый снег, летевший почти параллельно земле.

Командный пункт помещался в ангаре, рядом с «Цитаделью». Пройдя под прицелом крупнокалиберного пулемета, мы зашли в приоткрытую дверь, где я, под пристальным взглядом бойца охраны приложил ключ-карту к замку и, дождавшись сигнала, вошел внутрь.

В ярко освещенном зале стояло несколько письменных столов, за которыми перед мониторами сидели, негромко бормоча, бойцы с гарнитурами. Чуть в отдалении располагался небольшой пяточок открытого пространства, где на стене висело несколько огромных экранов, транслирующих главным образом мокрый снег. Перед ними стояли три мягких кресла и небольшая будка центральной диспетчерской. Сейчас ее занимали мужчина и женщина в пятнистой форме. В своем кресле на колесах на открытом пяточке расселся Гордеев, тоже с гарнитурой. На небольшом приставном столике перед ним лежало несколько мобильных. Дима что-то эмоционально выговаривал в микрофон, глядя на один из больших мониторов.

Кивнув присутствующим, я подошел к нему и уселся в соседнее кресло, на спинке которого, под логотипом «Структуры» была закреплена скромная табличка с надписью: «верховный главнокомандующий».

— Ты вовремя, — сразу повернулся он ко мне. — Координационный центр окружен,

можем начинать. Начинаем?

— А у нас есть выбор? — Усмехнулся я.

— Есть, — кивнул он, прислушиваясь к чему-то в наушнике. Поморщился и продолжил: — Но кроме центра мы одновременно сможем накрыть только три боевые группы из семнадцати. И один черт знает, сколько будем искать остальные. Или можем ждать, пока они на нас нападут...

— Дима, мы десять раз это обсуждали, — мотнул головой я, доставая телефон. — Работаем, как решили. Мне надоело быть мальчиком для битья.

— Ну, как знаешь, — он пожал плечами. — Тогда звони Закису. Начало операции в двадцать один ноль-ноль.

Я посмотрел на часы. Без десяти девять. Набрал номер Алвиса, я прислонил трубку к уху.

— Я слушаю, — по-русски ответил Закис.

— Здравствуй, дружище, — поздоровался я. — Нам пора работать... Ты как, готов?

— Как пионер, Петр, — усмехнулся партнер. — Ты был пионером?

— Не довелось, — хмыкнул я. — Но атрибутику и настроение помню. Мои диспетчеры свяжутся с твоими людьми по закрытому каналу. И мы с тобой с этой минуты так же будем общаться.

— Я все понял, дружище, — в тон мне ответил Закис и отключился.

— Внимание всем, — громко проговорил Гордеев, и в ангаре наступила тишина. — Готовность десять минут. Вывести на экран обратный отсчет. Начало операции — «Красное и черное» в двадцать один ноль-ноль. Командирам подразделений доложить о готовности!

Передо мной на мониторе ноута высветилось диаграмма каналов связи. Выбрав общий, я услышал, как офицеры один за другим рапортуют о готовности. На самом верхнем экране появились бегущие цифры таймера.

Я уже знал, что координационный центр «черных» находился в Даугавгриве^[61], на улице Бирзес, в «отжатом» у какой-то фирмы доме. Рядом, у причала была пришвартована небольшая яхта и катер, которые мы должны были захватить с моря, отрезав бандитам возможность бежать в залив. Один из экранов транслировал видео с нашего катера, который мы еще два месяца назад оборудовали под десантные операции. Но, как ни пытался я что-то разглядеть, не получалось — мокрый косой снег был единственной доступной картинкой.

Пять, четыре, три, два, один... Работаем!

Картинки на экранах пришли в движение. То тут, то там лучи фонарей высвечивали машины, стены домов, двери, стволы автоматов. В общем канале послышались крики, мат, хлопки выстрелов. Заревел двигатель бронетранспортера, я кинул взгляд на экран, где шла трансляция с брони — прыгая вверх и вниз, прямо на БТР летели ворота.

Удар — створки, словно игральные карты разлетелись в стороны. Перед носом бронированного монстра оказалась какая-то машина, стремящаяся вырваться с территории. Из ствола КПВТ вылетела струя пламени, а пытающийся сбежать джип вдруг как-то сразу сдулся, будто под его днищем лопнула воздушная подушка, и осел на землю. Бронетранспортер тормознул на мгновения, видимо выпуская бойцов из десантного отсека, а потом опять резко рванул с места и ринулся к зданию.

В канале послышался звук выстрелов крупнокалиберного пулемета.

— Млять, у них «крупняк» в пристройке, — крикнул кто-то, послышались хлопки взрывающихся гранат и ВОГов.

— Все от фасада нах! — скомандовал кто-то из офицеров. Вражеский пулемет пролял еще две короткие очереди и затих.

— Группа два вошла в здание...

— Группа четыре вошла в пристройку...

— Мать твою так! — Заорал кто-то, снова хлопнули гранаты, и грохот автоматных очередей на какое-то время заглушил крики и мат.

Внезапно над экранами зажглась красное табло, и раздался резкий сигнал тревоги.

— Внимание, атака на периметр, — напряженно проговорил диспетчер. — Атакован первый, второй и седьмой ка-пэ-пэ. Две лодки с неопознанными бойцами подошли со стороны Даугавы.

— Первый — командирам ка-пэ-пэ, доложить обстановку! — среагировал Гордеев. Я тоже переключился на местный канал. — Принимаю на себя командование защиты периметром!

— Ка-пэ-пэ один — базе. Атакован отрядом неопределенной численности, не менее двух десятков стволов и минимум один снайпер. Подошли на «хамвиках», по нам лупят два пулемета... Высунуться не дают... О, ё!

В наушниках грохнул взрыв.

— Барс — Первому! У нас человек пятнадцать-на, но мы их прижали-на, нам бы «иглу» сюда с ночником хорошим! Имею троих трехсотых, легких-на. Конец связи! — Отрапортовал опытный боец с седьмого КПП.

— Диспетчер — работать по связи, охране и гражданским!

— Охране — занять позиции перед «Цитаделью». Гражданским — красный сигнал! — Скомандовал диспетчер, что-то щелкая на клавиатуре.

— Ка-пэ-пэ один — базе. Жажнули из гранатомета, пулемету звиздец. Прошу подкрепления!

— Береговая — базе. Нас зажали, звиздец, у них «крупняк» с катера лупит! Не можем головы поднять, щас подойдут, гранатами закидают нах!

— Второй ка-пэ-пэ, ответьте базе! Второй ка-пэ-пэ, ответьте базе!

— Гэ-бэ-эр, мухой на второй ка-пэ-пэ, — распорядился Гордеев и в этот момент у меня зазвонил «закрытый» телефон. Закис.

— Да, Алвис!

— Петя, у меня предложение, — проговорил тот со спокойствием, которое сильно контрастировало с атмосферой в командном пункте. — Ты забираешь сейчас своих гражданских, живых бойцов и уходишь из Риги. Мои люди выпустят тебя.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, о чем он говорит.

— Алвис, ты о...уел? — Наконец вырвалось у меня, и я включил громкую связь, тронув Гордеева за рукав. — Зачем ты это сделал?

— Два медведя в одной берлоге не уживаются, — печально сообщил Закис. — Я предлагаю разделить территорию на двоих. Ты едешь в Даугавпилс, я остаюсь. Думай быстрее, мне сообщили, что мои ребята взяли твой второй ка-пэ-пэ. Когда они доберутся до «Цитадели», мое предложение потеряет силу.

Я посмотрел на Диму. Гордеев, говоря в микрофон, вдруг запнулся и посмотрел на меня — в его глазах мелькнуло понимание и какая-то тоскливая обреченность. Он не видит выхода, — вдруг понял я. Мысли полетели как ракеты — наши основные силы атакуют координационный центр «черных». «Ванаги», численностью в сто пятьдесят человек,

должны были атаковать две из известных нам боевых групп. А они все навалились на нас. Но почему разведка Гордеева проспала? У него же был свой человек у Закиса?

Здесь остались лишь дежурные группы на КПП, одна ГБР и охрана «Цитадели».. Максимум четыре десятка, без брони... Полный звездец! Нашим бойцам от Болдераи сюда не меньше получаса добираться...

— Закис не дурак, он на болдерайской трассе наверняка засаду поставил, — словно прочитав мои мысли, проговорил Гордеев. — Или, скорее всего, просто мост взорвет...

Как тогда, полгода назад, когда бандиты Моргунова, Бык и Шкаф зажали меня в собственной квартире, я вдруг понял — надо действовать немедленно ни мгновения!

— Алвис, ты труп, — буркнул я и выключил телефон. Потом схватил гарнитуру и переключил канал на центральную лабораторию.

— Данила, ответь!

— Здесь я, — мгновенно отозвался Сотников, будто ждал моего вызова.

— Кто у тебя в накопителях из бойцов?

— Саня «Крот». Вот только закончили внешность менять.

— Ампула стоит?

— Стоит.

— Значит так, Каверина давай в лабораторию. И срочно готовьте копию «Крота» к реализации без остановки на обеих машинах. Начинайте немедленно, я сейчас подойду.

— Не понял! Как это без остановки? А секретность?

— Что ты не понял!?? — Заорал я, не выдержав. — Нам сейчас звездец настанет, территория атакована, второй ка-пэ-пэ захвачен уже!!! В темпе выполнять!!!

— Слушаюсь, — вдруг четко ответил Данила и тихо добавил. — Кричать-то зачем?

Я вместе со стулом развернулся к Гордееву.

— Делай что хочешь, но мне нужно десять минут!

Дима посмотрел на меня исподлобья и кивнул.

— Тогда «черных» будем дожимать?

— Обязательно, — ответил я, соскакивая со стула и хватая автомат. — Пусть ребята дожимают. И, хорошо бы взять в плен кого-нибудь из их руководства, — продолжил я, укрепляя в ухе гарнитуру. — Я хотел бы добраться до организаторов, — последние слова я говорил, уже выходя в тамбур.

Глава сороковая. Кроты

Ворвавшись в лабораторию, я бросил автомат на стол и подбежал к синтезатору.

— Плохо, да? — Поднял на меня взгляд Данила, не переставая стучать пальцами по клавиатуре.

— Не то слово, — ответил я, садясь рядом и пробегая глазами по цифрам индикаторов. — Каверин где?

— Идет уже, — ответил Анцис, открывая краны на трубах, ведущих к бакам с охлаждающей жидкостью.

— Рокулиса тоже зови, — решился я.

— Но он же вне списка, — удивился Данила.

— Плевать, — отмахнулся я. — Он не дурак, давно сообразил уже, чем мы тут играемся.

Да и не до жиру!

— Что за пожар? — В лабораторию вошел Костя, сразу двинувшись к вешалке с халатами.

— Константин Андреевич, — развернулся я к нему, поднявшись. — Нам придется несколько отступить от планов. Будем синтезировать «Кротов».

— Не понял, — он повернулся к нам, одевая халат. — Прямо сейчас?

— Именно, — ответил я, кивнув на лежанку, стоящую рядом с синтезатором. — Периметр атакован, срочно нужны бойцы.

— Ну чтож, значит будем творить, — пожал плечами он, подходя к медицинскому оборудованию. — Сколько надо?

— Сотню, как минимум, — сообщил я, прислушиваясь к бормотанию диспетчера в наушниках. — Давайте, мужики, в темпе! Через пять минут первая группа должна быть на боевых позициях!

— Их же одеть надо, вооружить, — вскинулся Данила.

— Этим я сейчас и займусь, — кивнул я, пробегая пальцами по клавиатуре. — Где экипировка, которую готовили для четвертого взвода?

— В седьмом накопителе, — ответил Анцис, подходя ближе.

— Бери его и тащи в малый зал, — я вскочил со стула и подошел к Даниле. — Пульт где?

— Какой пульт? — Не понял он.

— *Тот* пульт, — выделил я голосом слово «тот».

— Ааа, — сообразил Данила и, отвлекшись от монитора, выдвинул ящик стола. На папке с бумагами лежал небольшой смартфон, упакованный в резиновый чехол. — Вот он. Подзаряжать не забывай.

— Синтезируете клонов и отправляете их ко мне, — бросил я Каверину, забирая из ящика пульт и засовывая его себе в карман.

Пришлось придержать створку двери, пока Анцис, поднатужившись, катил в малый синтезаторный зал тележку с накопителем. Аппарат представлял собой большой и тяжелый ящик, внутренности которого были заполнены специальными элементами памяти, общей емкостью в несколько эксабайт.

Зайдя в зал, где стоял малый синтезатор, я помог Анцису поставить агрегат рядом с пультом управления. Каулиныш вопросительно взглянул на меня.

— Готовь синтезатор к работе, — велел я, открывая нижний ящик стола. Где-то здесь должны были храниться провода. Они тут и лежали, однако, как и всегда в экстренной ситуации, одного не хватало. Подавив раздражение, я кинулся к стеллажам, стоящим вдоль стены и принялся рыться в коробках в поисках нужного кабеля.

— Матрица готова.

— Включай лазеры и охлаждение, — отозвался я, хотя Анцис и сам прекрасно знал, что делать.

Так, это не то, и это не то... Блин, да где же он??? Ага, вот!

Схватив провод, я подбежал обратно к столу. Развернул накопитель, быстро воткнул концы в гнезда, затем нашел нужную шину на компьютере. Комп недовольно загудел вентилятором, а на мониторе появилось окно опознавания оборудования.

— Давай быстрее! — Пробормотал я, дергая мышкой. Есть! Пробежав глазами по папкам, я выбрал нужную и, открыв файл с описанием, принялся смотреть комплектацию

пакета. Вооружение, обмундирование, спецсредства... Все было подобрано профессионалами и компактно собрано для синтеза. Даже шевроны с номерами успели сделать, отлично!

— Есть нагрев... Параметры матрицы введены, — бормотал Каулиньш по-латышски, щелкая пальцами по клавиатуре. — Можно запускать!

— Запускаю пакет, лови, — я выделил нужные файлы и скопировал в специальное окно управляющей программы.

— Получил, — ответил Анцис, а у меня на мониторе появилась полоса загрузки информации в матрицу. Девяносто... Девяносто пять... Девяносто восемь... Есть!

Над столом синтеза воздух знакомо сгустился. Чуть брякнув металлом, на поверхности материализовалась большая зеленая сумка.

— Без отклонений, — сообщил Каулиньш.

— Продолжаем, — я встал и перетащил сумку на пол. Тяжелая, зараза!

Мы успели синтезировать еще три комплекта, когда дверь в большой зал открылась, и в комнату вошел Саня Крот. Голый, ошарашенный и пошатывающийся, он остановился в дверях, осмотрел помещение и вопросительно уставился на меня.

— Привет, Саня, — кивнул я ему и показал на первую из синтезированных сумок. — Там одежда и все что нужно. Одевайся, а я тебя пока введу в курс дела.

— Привет, — буркнул он, потряс головой и шагнул к вещам. Над небольшим и слегка расплывшимся изображением летучей мыши, наколотым у Крота на правом плече, виднелась совершенно четкая, явно свежая арабская двойка. — Что случилось, Док?

— Звиздец случился, — сообщил я ему, пока он натягивал белье. — «Ванаги» нас кинули и в данный момент, вместо того, чтобы мочить «черных», атакуют наш периметр.

— Понял, — кивнул он и как-то сразу собрался. Движения стали резче и точнее. — Моя задача?

— Мы сейчас синтезируем тебя столько раз, сколько успеем, — продолжил я. — Сформируем из вас группы по... Сколько, Дима? — я сделал паузу, позволяя Гордееву, который слушал наш разговор через гарнитуру сообщить мне количество бойцов в отделении.

— По шесть человек, — сразу сообщил мне наушник.

— По шесть бойцов, — повторил я. — Ты старший. Оперативный приказ получишь у диспетчера. Твой позывной: Крот-два. Все остальные клоны будут иметь номер в порядке синтеза.

— Ясно! — кивнул он. Пока я говорил, Саня уже оделся и подключал вытащенную из сумки гарнитуру к тактическому планшету. — Ампула во мне?

— Да, извини, — я почувствовал себя неудобно. Когда мы разговаривали с его прототипом перед сканированием, я сообщил, что в каждого клона будет вмонтирована ампула с ядом мгновенного действия. Микровзрыв, разрушающий ампулу, активировался со специального пульта, лежащего у меня в кармане. Но одно дело говорить об этом с Сашей, у которого ампулы не было, а другое — с его клоном, внутри которого она была.

— Забей, я все понимаю, — махнул рукой Крот. — Я сам могу ее активировать?

— Можешь, — кивнул я. — Самый крайний зуб справа, верхняя челюсть. Надо сильно, изнутри, нажать на него языком и подержать несколько секунд, дождавшись щелчка. Диспетчеру придет уведомление, что у тебя что-то не в порядке. Если продолжить давить языком, будет второй щелчок. Продолжишь давить поле него — сработает активация

ампулы. Отпустишь — система обнулится, придется давить заново.

Саша кивнул и пристроил гарнитуру на ухе.

— Крот-два — диспетчеру. Готов к получению оперативных данных, — сообщил он в микрофон, застегивая разгрузку.

В этот момент дверь снова открылась, и в проеме возник еще один голый Крот.

— Привет, — развернулся я к нему. — Твой номер — третий. Это, — я показал на второго Сашу, — твой командир отделения. Здесь — вещи, оружие и экипировка. Одевайся...

— Док, — позвал меня в наушниках Гордеев. — Сергей сообщил, что они выехали за пределы окружной без происшествий.

— Слава богу, — вырвалось у меня. Итак, Лика в относительной безопасности. Если все будет в порядке, через пару часов она будет в Литве, на нашей базе. Ну чтож, а мы тут повоюем! Вот Закис — скотина! Ну ничего, я тебе устрою кузькину мать... Из под земли достану, ты еще мертвым завидовать будешь. Впрочем, это потом. Сейчас надо отбиться. Я повернулся к открывшейся двери, где на пороге появился чуть покачивающийся Крот-четыре.

— Твой номер — четвертый, — сообщил я приходящему в себя бойцу.

Глава сорок первая. Саня «Крот» VII. Атака клонов

Он открыл глаза и сразу понял — момент наступил. Над ним склонился Каверин, а в локтевую впадину левой руки воткнулась игла. Вспомнив инструкцию, Саня сделал несколько глубоких вдохов.

— Как чувствуешь себя? — Спросил Константин Андреевич.

— Небольшая слабость, — ответил Саня.

— Дыши, сейчас пройдет.

Доктор не обманул. Головокружение прекратилось, зато он почувствовал резкий приток энергии. Ну да, стимулятор, впрыснутый в кровь, начал делать свое дело.

— Я готов!

— Тогда пошел. Экипировка, одежда и командование — за той дверью, — нейрохирург ткнул пальцем, затянутым в голубоватую одноразовую перчатку куда-то вправо.

Крот осторожно поднялся и встал на ноги. Он был совершенно гол, что, впрочем, его совершенно не смущало. Шагнув к указанной двери, Саня обернулся и заметил, что над кушеткой, где он только что лежал, будто бы сгустился туман. Туман уплотнился, вдруг превратившись в человеческое тело. Каверин, отработанным движением прижал «утюги» дефибрилятора к волосатой груди.

— Разряд!

— Есть пульс, — отозвался доктор Рокулис.

— Укол, — буркнул Каверин, и его коллега послушно воткнул в вену иголку уже ожившему клону.

Не став смотреть дальше, Крот открыл указанную дверь и, шлепая босыми ногами по холодному кафелю, вошел в соседнюю комнату, где негромко гудела почти такая же установка, только меньшего размера. За пультом агрегата сидел Каулиныш, а рядом стоял Док, что-то негромко говоривший одному из бойцов, экипированных в стандартное зимнее

обмундирование, принятое в ударных отрядах «Структуры». Еще двое молча одевались. У всех была полностью одинаковая фигура и одно лицо. Такое же, как у него.

— Твой номер — седьмой, — бросил ему Док, показывая на большую сумку, которая ждала своей очереди на полу среди еще десятка таких же. Одевайся в темпе, периметр под атакой. Это — Крот-два, командир отделения, — Мечников представил Сане бойца, с которым только что разговаривал. — Ваш канал — четвертый, задание — обеспечить ликвидацию прорыва периметра. Давай!

Саня шагнул к своей сумке. Комплект белья, теплые штаны в голубовато серую мелкую цифру, тельняшка, теплая куртка. Наколенники... Одеваясь, Крот заметил у себя на плече вытутаированную цифру «7». Берцы, разгрузка с вставленными внутрь бронепластинами, прикрывающими грудь, живот и спину.

— Крот-пять готов.

Восемь магазинов на двадцать пять, небольшая фляжка, полная. ИПП^[62], жгут и аптечка уже в карманах, так как он привык. Пистолет, «вальтер» пэ-пэ-кю, два запасных магазина. Нож. Tактический планшет с разъемом под очки. Шлем с ночным монокуляром, его потом оденем... Патроны россыпью в большой боковой карман. Ага, вот и автомат. Так, стандартный, двухсотый а-ка, с пристегнутым полным магазином и гранатометом. Еще жгут на прикладе. Коллиматор с ночной насадкой, фонарик. Крот дослал патрон и поставил на предохранитель. Гранаты... Четыре штуки плюс шесть вогов... Сюда.

— Крот-шесть готов.

Так, что тут еще? Ага, рация, подключаемая через планшет. Два варианта гарнитуры — на шапочку или в шлем. Ну, раз меня клонировали, значит звездец подкрался и будет жарко. Подключаем в шлем, а вторую в карман, на потом. Подтянуть ремни. Перчатки.

— Крот-семь готов, — отрапортовал он.

— Шлемы и очки одеть. Планшет подключить. Связь проверить... Попрыгали. — скомандовал Крот-два, внимательно оглядывая построившихся бойцов. — Крот-четыре и пять, возьмете пулемет на двоих, — Командир кивнул на РПК^[63], стоящий на лавке вместе с подсумками. — База, вызывает Крот-два. Отделение готово приступить к выполнению боевой задачи!

— Крот-два, здесь Первый! Отмечен прорыв периметра между третьим и четвертым капэ-пэ. Выдвигайтесь по месту, задача — восстановить периметр, противника уничтожить. Как поняли?

— Поняли хорошо, выдвигаемся, — ответил командир. — Пошли, ребята!

Отделение двинулось к двери. Выходя последним, Саня заметил, как в комнату вошел новый голый боец, ничем не отличающийся от него самого. Наверное, кроме цифры на плече, но ее он уже разглядеть не успел.

Погода была отвратительной. Мокрый снег летел почти параллельно земле, а под ногами образовалась слякотная каша. Саня попытался опустить ночник, но видимости это добавило мало. Выбравшись из «Цитадели», они, пригибаясь, побежали к мешкам с песком, за которыми заняли позицию бойцы охраны. Со всех сторон доносились звуки выстрелов, но непосредственно «Цитадель» пока никто не обстреливал.

— В случае моей гибели командование переходит к следующему номеру, — на бегу давал указания командир по внутреннему каналу. — Работаем двойками.

Подбежав к бойцам охраны, клоны присели за укрытием.

— Что-то видно? — спросил командир пулеметчика, который внимательно осматривал

парк через тепловизор сквозь небольшую амбразуру.

— Ни хрена, как у негра в заднице, — ответил боец, глянув на подбежавших бойцов. — Вы откуда взялись?

— Из резерва, — усмехнулся Крот-два. — Нас не подстрелите. Вперед.

Вслед за своим напарником, Саня обошел укрытие сбоку и, пригнувшись, побежал к деревьям. Под их кронами летящего с неба снега было меньше, поэтому ночник серьезно улучшал ситуацию с видимостью. Крот-шесть взял хороший темп, петляя между деревьями, а Саня, машинально осматривая окрестности, думал о том, что давненько он не был самым младшим в группе. Но в какой-то мере это и хорошо. Меньше думаешь о всякой херне, больше о деле.

Шестой вдруг опустился на колени, Саня тут же последовал его примеру, негромко стукнув наколенником о мокрый асфальт. Парк почти закончился, за деревьями впереди виднелись дома, освещенные желтоватым светом фонарей. Где-то там, впереди, слышалась ожесточенная стрельба, среди которой выделялся басовитый звук крупнокалиберного пулемета.

— База, здесь Крот-два. Парк чист, повторяю, парк чист. Углубляемся в застройку.

— Вас понял, Крот-два. Работайте.

— Крот-шесть и семь, обходите желтый дом слева, мы прямо пойдем. Встретимся здесь, — на экране очков появилась карта, на которой командир обозначил красной точкой место встречи. — Помните, что в домах гражданские. Как поняли?

— Поняли хорошо, — почти хором ответили Саня и шестой.

Напарник показал, что начинает движение. Снег чуть поутих, поэтому Крот не стал поднимать ночник. Перебежками от укрытия до укрытия, они двигались, прикрывая друг друга. Одно- и двухэтажные частные домики, окруженные небольшими участками и огороженные заборами, сейчас были погружены во тьму. Здесь жили семейные работники «Структуры», Саня даже бывал в некоторых из них. Ну, не он, конечно, а его прототип...

Выстрелы впереди не прекращались, однако «крупняк» замолчал. Они прошли еще два дома, до точки встречи оставалось метров сто, когда впереди мелькнула тень. Шестой тут же упал на землю, а Саня быстро укрылся за довольно толстой липой, растущей прямо возле калитки.

Супостат или гражданский? Нахера гражданскому ночью тут бродить?

Высунувшись из-за дерева, Саня глянул в коллиматор. Где он?

— Седьмой, с твоей стороны, за кустом... Боец, похоже, — прошелестело в наушниках.

Точно, вот там тень! Метров семьдесят. Крот навел красную точку в середину тени и потянул за спуск. Господь разберется, свой или нет... Автомат дернулся, отсекая трехпатронную очередь. Сдавленный крик впереди и длинная очередь в ответ откуда-то сбоку.

Крот вжался в землю, стараясь максимально сгруппироваться за деревом. Где-то над головой в липу ударила пуля, от чего весь ствол вздрогнул. Со стороны напарника тоже раздалась стрельба, а Саня, разогнув усики, дернул за кольцо «эфки» и изо всей силы кинул ребристую лимонку в сторону вражеского стрелка.

— Бойся! — Шепнул он в микрофон, а сразу после взрыва метнул тело в сторону, за бетонный столб, который удерживал угол забора. Там, вставив ВОГ в трубу, он прикинул траекторию и выпустил гранату в точку, где должен был укрываться вражеский боец.

Напарник тоже сменил позицию, упав за небольшой клумбой. Так себе укрытие, но

лучше, чем было. Но супостаты затихли. Прилетело? Отошли?

Саню ощутимо потряхивало от адреналина. Хотя и привычно, но неприятно. Сидим, слушаем...

— Крот-два кроту-шесть. Доложить обстановку!

— Двое, с автоматами, — зашептал Шестой. — Похоже, разведгруппа противника. Мы вроде их накрыли, но хрен знает...

Где-то впереди снова заработал «крупняк».

— База — кроту-два. Ка-пэ-пэ четыре атакован с фланга, похоже, группой, прошедшей через прорыв периметра. К прорыву отправляю еще два отделения «котов», ваша задача — помочь четвертому ка-пэ-пэ, атаковав противника с тыла. В темпе, ребята, им там жарко...

— База, понял тебя, двигаемся на помощь. Подсветите наше местонахождение бойцам на пункте, чтоб нас не угостили.

— Сигнал отправлен, как поняли?

— Поняли хорошо, конец связи. Крот-шесть, мы вперед, догоняйте.

— Твою мать, — выругался напарник. — Братишка, прикрывай! Вогами их, со вторым взрывом я иду!

Саня выпустил один за другим две гранаты и дал длинную, на весь оставшийся магазин очередь в сторону куста. Шестой вскочил и рывком бросил себя вперед, плутая из стороны в сторону и, добежав до дерева, упал за ним. Никто в него не стрелял. Заменяв магазин, Саня наметил впереди укрытие и, дождавшись длинной очереди напарника, тоже рванул вперед, сделав по дороге один зигзаг. Опять тишина. Упав за клумбу, он тут же перекатился в сторону за дерево и выставил перед собой автомат. Метрах в двадцати, за кустом лежало тело парня в камуфляже. Рядом АКСУ, надо же. Но, похоже, готов.

— Шестой, здесь двухсотый вроде. Контролю.

— Давай!

Прицелившись в голову, Саня выстрелил одиночным и, опять вскочив, рванул вперед. А вот и второй. Прилег за деревом, в позе зародыша.

— Шестой, твой свернулся улиткой за деревом.

— Контроль его, а то знаем мы таких... Подойдешь, а у него граната в руках.

Крот молча выстрелил. Потом осмотрели трупы. Да, похожи на разведчиков. Лесной камуфляж, теплые куртки, разгрузки, АКСУ, по два пистолета. Рации. Вместо шлемов — вязаные шапочки. На шее — жетоны с изображением ястреба и надписью на трех языках: «Этот человек находится под нашей защитой». Броников не было, лишь пластины в разгрузках, прикрывающие грудь и спину. Одного Саня грохнул сразу, одна из пуль удачно попала в горло, перебив позвоночник. А второму, который отстреливался, что-то прилетело в нижнюю часть живота и, видимо, серьезно... Ну да ладно, не патологоанатомы.

— Крот-шесть — Кроту-два. Здесь два двухсотых. И жетоны «ванагов» у них.

— Бросайте их и пулей сюда! — Несколько нервно ответил командир и отключился.

— Пошли, — скомандовал шестой, и они двинулись дальше.

Четвертый блок-пост перекрывал одну из маленьких улочек. Сооружен он был из двухэтажного кирпичного сарая, дополнительно укрепленного бетонными блоками. На втором этаже стоял ПКВ, прикрывавший главным образом въезд снаружи. Сама улица перекрывалась массивным шлагбаумом, усиленным выдвижным бордюром.

Они с шестым вышли с левого фланга, пройдя через палисадник одного из стоящих рядом домов. Бой был в самом разгаре. Обойдя пост с тыла, нападавшие были не досягаемы

для КПВ и, похоже, захватили соседний дом, откуда и обстреливали КПШ, не давая высунуться его защитникам. Возможно, у них еще одна группа пыталась подобраться на бросок гранаты, но Саня пока никого не видел. Они с шестым залегли за небольшим бетонным бордюром, служившим фундаментом для забора.

— Шестерка — второму, мы подошли.

— Дайте вогами и пошумите как следует, мы попробуем войти в дом, — отозвался командир. — Только не увлекайтесь, «эфки» сработают, значит, мы идем.

— Понял тебя, командир, — кивнул шестой и вложил гранату в подствольник. Саня последовал его примеру.

— Мое левое окно, — сообщил шестой, нажимая на спуск. Саня послушно сместил автомат правее и, прикинув траекторию, запустил свой «подарок». В доме, где мелькали отсветы от автоматных очередей, одна за другой мелькнули тусклые вспышки, сопровождавшиеся негромкими хлопками. Крот тут же навел коллиматор на оконный проем и добавил три трехпатронные очереди.

— Dirsa-a-a, — заорал кто-то в доме, и в этот момент хлопнули более серьезные гранаты, сразу за которыми отработал РПК. Саня перестал стрелять, лишь рассматривая оконный проем через прицел.

— Не стреляйте, мы сдаемся, — заорали вдруг оттуда, как только замолчал пулемет, и в окне появилась рука, держащая автомат.

— Вроде был приказ пленных не брать? — уточнил Саня.

— Пусть выходят, грохнуть их всегда успеем, — отозвался шестой, не отрываясь от прицела. — Если его застрелить, остальных выковыривать придется. Она нам надо? Крот-шесть, второму — противник сдается.

— Не надо, — покачал головой Саня, удерживая точку на оконном проеме. — Командуй тогда!

— Оружие и гранаты на землю в окно! — Заорал шестой, сложив руки рупором. — Выходим, становимся на колени, руки высоко над головой.

Из окон выбрались шестеро, причем двое из них были ранены. Послушно встав на колени и вытянув руки вверх, «ванаги» застыли, ожидая команд.

— Здесь двойка, мы входим в дом, — сообщил командир отделения.

— Входите, держим шестерых на улице, — ответил напарник.

Спустя минуту грохнул сдвоенный взрыв. Зачистили подозрительную комнату, сообразил Саня, удерживая дернувшихся пленных на прицеле. Через еще несколько мгновений, бойцы, подсвеченные зеленым маркером системы «свой-чужой», появились из-за угла. Пленных, не церемонясь, повалили на землю.

Саня Крот выдохнул и закрыл глаза, давая напряжению уйти. Где-то внутри появилось приятное чувство хорошо выполненной работы.

Глава сорок вторая. Лика. Неслучайная случайность

Я сильная, я сильная, без конца твердила она себе, пока их маленькая машинка неслась сквозь снег и слякоть к литовской границе. Лика не понимала, как Сергей что-то видел в этой ужасной пурге. Свет фар обрывался в нескольких метрах перед машиной, а вся видимая через ветровое стекло картинка представляла собой мельтешение белых росчерков. При этом

их телохранитель вел машину довольно быстро, Лика бы так точно не смогла, хотя, по уверению Пети, уже неплохо водила. Прямой взгляд на лобовое стекло через несколько секунд приводил к сильному головокружению и потери ориентации.

Рядом сидела Вика Гордеева и крепко обнимала свою восьмилетнюю дочь Лену. Лика знала, чувствовала — Вике тоже было не по себе, она не хотела уезжать из «Цитадели», но мужчины были непреклонны. Если все будет в порядке, через час Сергей перевезет их в Литву, где они поселятся на специально оборудованной секретной базе «Структуры». Если...

Впереди, на сидении рядом с шофером, пристроилась Татьяна. Маленькая и худенькая кареглазая девушка лет двадцати пяти, с короткими рыжими волосами и миловидными чертами лица могла быть тихой и неразговорчивой, а могла, напротив, болтать без умолку о всякой ерунде. Про таких женщин мужчины любят говорить, что они «прелесть, какие глупенькие». Но при этом, временами, ее внимательный взгляд порождал когнитивный диссонанс.

Со дня пропажи Дарьи Татьяна сопровождала Лику везде, даже в туалете. Исключением были лишь их с Тюшей спальня и Центральная лаборатория. Мало кто знал, что эта хрупкая девушка была клоном профессиональным телохранителем высочайшего класса. Лика ее побаивалась. Хотя бодигард в юбке вела себя очень приветливо и мило.

Ход, по которому они сбежали из «Цитадели» специально был вырыт для случаев тайной эвакуации. Он выводил в подземную парковку большого офисного здания, в котором до «нобрукумса» находился «Унибанк». Там они забрались в небольшой и внешне невзрачный «опель». Никто из посторонних не знал, что эта машина имела специальный форсированный двигатель, полный привод и бронированный корпус, непробиваемый автоматной пулей даже с близкого расстояния. Стекла так же были пуленепробиваемые, колеса задуты пеной, а бензобак и двигатель защищены дополнительным слоем брони.

«Опель», через Валдлауци^[64] дворами выехал на баусское шоссе. Никто их не преследовал, ночью и в такую погоду машин на шоссе почти не было, поэтому, спустя сорок минут, они уже подъезжали к Бауске.

Город был погружен во тьму — фонари не горели, но то здесь, то там мелькали освещенные окна. Лике вспомнилась летняя поездка, и стало неудобно. Где-то впереди лагерь беженцев. А что если они остановят машину?

Не снижая скорости, Сергей достал телефон и набрал какой-то номер.

— Алло... Привет, Мартинас! Да, мы в Бауске, минут через двадцать будем у вас... Окей, — телохранитель выключил телефон и засунул трубку куда-то под разгрузку.

Опасения Лики были напрасными — никто их не остановил. Мало того, она вообще не заметила лагеря беженцев. Лишь временами ей казалось, что в снежной мгле мелькают какие-то строения, но людей не было видно совсем. Зато где-то впереди, сквозь пургу, светилось желтоватое пятно... Это горели мощные прожектора на границе.

Непонятно как разглядев съезд, Сергей смело свернул с дороги, и «опель» ходко пошел по грунтовке. В двух местах он немного забуксовал, но полный привод спас и вытянул машину из очередной лужи. Боец негромко выругался, после чего Вика с осуждением взглянула на него, но ничего не сказала. Лике жутко хотелось закурить, но, во-первых, в машине был ребенок, а во-вторых Вика терпеть не могла сигаретного дыма. Приходилось терпеть.

Машина сделала еще один поворот, и в свете фар проступили ворота. Приехали?

— Сидите в машине, — приказал Сергей.

Оставив двигатель работать, он вышел наружу с автоматом в руках. Татьяна чуть приоткрыла свою дверцу, от чего в машине сразу стало холодно. Задремавшая Лена подняла голову и, разлепив заспанные глаза, огляделась вокруг.

— Мы приехали?

— Нет еще, спи, — успокоила ее Вика, и девочка, устроившись поудобнее, снова положила голову ей на колени.

К воротам, которые виднелись в свете фар, с литовской стороны подошли двое бойцов и, открыв большой висячий замок, развели створки в стороны. К их машине приблизился бородатый литовец, которого Лика сразу узнала: Арвидас. К нему шагнул Сергей, они о чем-то начали говорить, как вдруг телохранитель застыл и медленно поднял руки. Арвидас отступил на шаг в сторону, но руки поднимать не стал, лишь что-то прокричал в темноту. На переднем сидении едва заметно дернулась Татьяна.

— Девочки, — тихо сказала она. — Что бы не случилось, оставайтесь в машине.

— А что случилось? — Пробормотала Лика, чувствуя, что от страха вся покрывается липким, холодным потом.

— Пока не знаю, — ответила Таня, чуть изменив позу, и Лика заметила у нее в руках небольшой пистолет-пулемет.

На улице дунул сильный порыв ветра, снежная муть на мгновение исчезла и Лика, в свете фар, увидела бойца с пулеметом в руках, который держал на прицеле Сергея.

— Это еще кто? — Тихо спросила Таня, вглядываясь сквозь стекло.

— Это Артем, — вся сжавшись, прошептала Лика. — Тот предатель, который Петину Дашу увез.

— Вот как? — Проговорила телохранительница, а Лика, не смотря на ужас, сковывавший ее, обратила внимание на тон, которым это было произнесено. Удовлетворение?

Татьяна чуть больше приоткрыла дверцу. С улицы донеслись обрывки разговора, временами прерываемые порывами ветра.

— ...Серый, мне не нужны неприятности... положи автомат и медленно расстегни разгрузку... только на ту сторону. Видишь, Арвидас не против...

— Может тебе еще джигу сплясать... мало неприятностей?.. Гордеев тебя из-под земли достанет...

— ...два... три!

Артем дернулся, а на конце пулеметного ствола вспыхнул огонь. Раздался грохот короткой очереди. Сергей прыгнул куда-то в сторону, машина вздрогнула, словно по ней стукнули молотком. От страха взвизгнула Вика.

— На пол! — скомандовала Таня и проворно выпрыгнула из машины.

Лика словно оцепенела, пропустив сказанное мимо ушей. Артем выпустил еще одну очередь куда-то в сторону, а из-за капота вынырнула Татьяна. Пистолет-пулемет в ее руках дернулся, коротко пролаяв дважды, после чего Артем осел на землю, словно сдутая кукла. Татьяна вновь исчезла, чтобы спустя мгновение появиться рядом с упавшим предателем. Девушка совершенно хладнокровно выстрелила еще раз, а потом снова пропала из поля зрения.

Раз Артем здесь, где-то должна быть и Дашка, сообразила Лика. Совершенно забыв про указания телохранительницы, она натянула шапку и выскочила из машины.

Площадка, на которой стоял их опель, оказалась неплохо освещена фарами джипов с литовской стороны. Арвидас отошел к воротам, рядом с ним стояли литовские пограничники, поднявшие автоматы, но не вмешивающиеся в происходящее по эту сторону границы. Неловко подмяв под себя согнутую в колене ногу, Артем мешком лежал на земле. Вокруг его головы растекалась большая темная лужа крови. Чуть в отдалении, рядом с деревьями стояла еще одна машина. Возле нее, придерживая одной рукой Дашу, а другой выставив перед собой пистолет, стояла Ольга. Оружие в ее руке дрожало, однако она пыталась направлять ствол на Татьяну, которая, как-то странно пританцовывая и качаясь, полукругом обходила бывшую Петину жену, держа ее на прицеле своего автомата.

— ... брось пистолет, я не хочу тебя убивать, — говорила Таня, ни на мгновения не прерывая своего странного танца и с каждым шагом приближаясь к Ольге.

— Дашка! — Сама не зная почему, вдруг заорала Лика. — Сюда, ко мне!!!

Девочка вздрогнула, а Ольга, заметив Лику, дернула пистолетом в ее сторону и выстрелила. Лика, взвизгнув, резко присела, прячась за машину.

— Лика-а-а!!! — Закричала вдруг Дарья, а в ответ коротко пролаял пистолет-пулемет.

Сделав три глубоких вдоха и пересилив страх, она осторожно выглянула из-за машины. Даша со всех ног бежала к ней, а позади Татьяна и Ольга кучей-малой капшились на земле. Лика подхватила девочку и нырнула вместе с ней за спасительный бок машины. Не дай Бог еще чего прилетит от этих сумасшедших баб!

— Даша, солнце, ты цела? — пробормотала она, ощупывая девочку.

— Да цела я, цела, — шмыгнула носом та, вися у Лики на шее. — Где ты так долго была?

— Никак не могла тебя найти, — сообщила она девочке, прижимая ее к себе.

— А нас Артем увез, — быстро зашептала на ухо Даша. — Он так злился, когда я про тебя и папу спрашивала, я поняла, что они с мамой мне врут. Мама на меня все цыкала, когда я говорила, что к папе хочу...

Девочка еще что-то говорила, а Лика, услышав шаги, прикрывая собой малышку, поднялась из-за машины, нащупав рукоятку пистолета. Впереди, едва переставляя ноги и держа руки за спиной, шла Ольга. Без шапки, лохматая и с потухшим взглядом, она шаталась из стороны в сторону и, если бы Татьяна не удерживала ее под локоть, наверняка упала бы. В свете фар она выглядела страшнее зомби.

— Арвидас, нам нужна помощь, — громко сказала Татьяна, прислонив свою пленницу к машине и открывая дверь. — Вы в порядке?

— Мы да, — послышался испуганный голос Вики. — А вот Сергей лежит и не встает.

— Знаю, — коротко ответила Татьяна, поворачиваясь к литовцу, который не спешил подходить ближе. — Арвидас, так вы можете?

— Я в ваших разборках не участвую, — с сильным акцентом ответил бородач.

— Разборки закончились, — ответила телохранительница, доставая телефон. — Первый, это Тата. У меня тут внештатная ситуация. У окна нас перехватил Рафаэль. В результате боестолкновения, он и Сергей убиты. С ним была девочка и женщина. Женщина ранена, пулевое в плечо, девочка в порядке... — Она замолчала, выслушивая ответ. — Нет, еще на латвийской... Да, здесь... Даю, — Татьяна повернулась к литовцам. — Арвидас, вы с Гордеевым будете разговаривать?

— Буду, — кивнул бородач и подошел к машине. Лика заметила, как оба литовских бойца разошлись в стороны, поднимая автоматы. Чисто инстинктивно она прижала

притихшую Дашу к себе и отошла так, чтобы машина прикрывала ее от пограничников. — Здесь Арвидас... Да... Да... Ну, пойми меня правильно, Дмитрий, мне ваши разборки неинтересны... Откуда мне знать, он позвонил, сказал, что хочет пройти, платит наличкой... Да... Именно! Днем позвонил... Ну, ему не срочно надо было, я и говорю — подожди. А тут ты мне звонишь, говоришь, надо срочно... Ну и я, чтобы два раза не светиться, решил ночью вас разом и перевезти, мне-то какая разница? А они тут сцепились... Да... Да, назвал... Да... Ну, могу помочь... А что надо?.. Сколько?!! Дмитрий, ты бы сразу сказал, я за такие деньги что угодно... Да. Да, без проблем... Да, организуем. Все понял, понял... Да, пока.

Литовец нажал отбой и вернул трубку Татьяне.

— Ее надо перевязать и к нам на базу, там врач есть, — кивнула на Ольгу телохранительница. — И мы туда же поедем. Только трупы надо с собой забрать...

— Это без проблем, я сейчас машину вызову, — кивнул Арвидас. — Раненая с вами поедет?

— Нет, у нас с местами туго. Забирайте...

— Пойдемте, — Арвидас подхватил под локоть все такую же оцепеневшую Ольгу и повел ее к воротам.

Лица присела перед испуганной Дашей на корточки.

— Малыш, мама ранена, она поедет в другой машине. Ты со мной или с ней хочешь?

— Я... Я не знаю... — Даша явно собиралась заплакать.

— А у Лены кукла есть, — сообщила Лица. Ей почему-то очень не хотелось отпускать девочку от себя.

— Кукла? Ну хорошо... А папа там будет?

— Там его не будет, но он скоро нас заберет, он обещал...

— Ну ладно, тогда поехали, — Даша полезла на заднее сидение.

Глава сорок третья. Рассказа Самуэля Крика

Я оперся о спинку кресла и закрыл глаза. Голова болела невыносимо, жутко хотелось спать, пришло понимание — если посижу так пару минут, то просто отключусь. Но спать сейчас было нельзя. События неслись с огромной скоростью, и если мы хотели их оседлать, то необходимо было принимать сложные и срочные решения. Одно грело душу — Лица и Даша в безопасности. Значит, можно было полностью сконцентрироваться на работе. И, пожалуй, стоит принять таблетку стимулятора. Кофе уже не помогало.

— ...повезло, ребята перехватили яхту в последний момент, — говорил Гордеев. Мы сидели в кабинете. Я только что вернулся из центральной лаборатории, где синтезаторы прекратили клепать клонов и оружие и перешли на синтез продуктов питания, а Дима прикатил на своей коляске из командного пункта. И теперь рассказывал мне подробности ночной операции. — По документам зовут этого субчика Самуэль Крик. Все «черные», кого удалось взять, называют его «Председателем».

— Клетчатый^[65], - хмыкнул я.

— Ну, типа Председатель комитета национального спасения, — пояснил Гордеев, подкатываясь к окну и приоткрывая створку.

— Ага, только имя не латышское... Какую нацию он спасал?

— Вряд ли документы настоящие. Но он явно англоязычный товарищ. Кстати, неплохо говорит по-латышски, правда с акцентом, — отметил Дима, подкатываясь обратно к столу. — И по-русски, между прочим, тоже.

— Где он сейчас? — уточнил я, открывая ящик стола и находя капсулы со стимулятором, который выпросил у Рокулиса как раз на такой случай.

— Ребята его скопировали и готовят клона, а сам он отдыхает в подвале, — ответил Гордеев и поинтересовался: — Тебе воды дать?

— Сиди уж, думаешь у меня совсем совести нет? — Буркнул я и, поднявшись, подошел к кулеру. Проглотив капсулу, запил водой и вернулся на свое место. — Сейчас закончим и пойдем его навестим. Что еще? Потери у «черных» большие?

— Пока нашли шестьдесят три трупа и восемнадцать раненых. Те банды, которые должен был атаковать Закис, ушли из пунктов дислокаций и легли на дно. Но следы остались, так что, думаю, найдем быстро. Рига, как я уже докладывал, взята под контроль полностью, а в глубинке они быстро проявятся.

— Почему твоя агентура проспала предательство Алвиса? — Прямо спросил я, разглядывая его уставшее лицо.

Гордеев поморщился.

— Приказ атаковать поступил напрямую от Закиса, персонально командирам боевых групп и непосредственно перед операцией. Думаю, что он до последнего раздумывал, стоит нас кидать. Но когда понял, что мы слегка завязли с атакой штаба «черных», решил. Как я и думал, мост на Даугавриву был заминирован. Когда же клоны отбили периметр, да еще выдвинулись в ППД «Ванагов», они даже не решились его взрывать — просто сбежали и все.

— Что по самому Закису? — Спросил я, вновь откинувшись на спинку кресла и чувствуя, как активнее побежала кровь по жилам.

— Никаких следов. Ни его, ни его жены.

— А зэк этот где? Как его там звали? Виктор?

— Да. Убит при штурме. «Кроты» не церемонились, они вообще странные — после любой потери реально звереют.

— Да уж... — вздохнул я. Выпустили джина из бутылки. За сутки, на двух синтезаторах мы создали около полутора тысяч «Кротов», которые отбили нападение «Ванагов» и взяли под контроль все ключевые точки Риги. В ходе операции двадцать два из них погибли, еще пятьдесят семь были ранены. За каждого погибшего клоны жестоко мстили, не оставляя в живых никого из врагов. Кем они себя ощущали? Братьями? Во всем этом еще предстояло разобраться. — Ну, пойдем, поспрашиваем мистера Крика... Не терпится мне узнать, кто же стоит за всем этим дерьмом...

Перед лестницей в подвал Гордеев поднялся из коляски и, на костылях, ловко спустился вниз. Ходить он уже мог, как Каверин и обещал, позвоночник восстанавливался быстро, но все ж на ногах пока чувствовал себя неуверенно.

В подвале было оборудовано несколько камер, которые сейчас пустовали. Взятых этой ночью пленных мы разместили в наскоро сооруженном лагере, здесь они всё равно бы все не поместились. Поэтому господин Крик сидел в одиночестве, не считая, конечно, охраняющего его клона, который, с закрытым маской лицом, расположился рядом с камерой и что-то читал с экрана телефона. При виде нас, боец спрятал гаджет и поднялся. На «кротах» не было никаких знаков отличий, кроме нашивки с логотипом «Структуры» в полевом исполнении и небольшого номера, прикрепленного на рукаве. Этот носил

семьдесят шестой.

— Саша, иди перекуси, — отпустил его Гордеев. Передав мне ключи, боец козырнул и вышел.

Я открыл решетчатую дверь, взял два стула и поставил их в камере, возле входа. Мистер Крик был невысок и лыс. На вид ему было лет пятьдесят, хотя из-за немой физиономии и бессонной ночи он мог казаться старше. «Председатель» лежал на кушетке, но при нашем появлении сел, спустив босые ноги на свои ботинки. На нем были серые, камуфляжные штаны и темно-зеленая майка.

Гордеев опустил седалище на один из стульев и несколько секунд молча рассматривал пленного. Я просто стал рядом, облокотившись об решетку. Крик тоже молчал, посматривая то на меня, то на Диму. Выглядел он спокойным и уверенным.

— Мы слушаем вас, господин Крик, — наконец произнес Гордеев по-русски.

— Что именно вы хотите услышать? — Поинтересовался тот, произнося слова правильно, но с характерным американским акцентом.

— Где и как возникла идея создания «комитета национального спасения», кто финансировал проект, по какому принципу набирался персонал и, главное — какова цель?

Пленный усмехнулся, почесал себе затылок, смотря в пол, потом снова поднял взгляд на Гордеева.

— Если я расскажу все, вы меня отпустите?

— Из-за вашей деятельности разрушено государство. По разным оценкам, погибло от несколько десятков до сотни тысяч человек. Я уже не говорю про изнасилованных женщин и замученных в рабстве людей, — доходчиво сообщил ему я. — И после этого вы хотите, чтобы мы вас отпустили?

— Тогда я не вижу смысла ничего рассказывать, — нагло усмехнулся он, смерив меня наглым взглядом.

Достав пистолет, я прострелил ему ногу.

— Jesus Christ! — вскрикнул он, схватившись за голень и повалившись на пол.

В закрытом помещении выстрел прозвучал очень громко, в голове возник легкий звон. Гордеев негромко выругался, тряхнув головой. Дав пленному немного отойти от шока, я расстегнул карман разгрузки, в котором лежал ИПП и кинул его ему на пол.

— Перевяжи себя, а то сдохнешь раньше времени, — буркнул я, возвращая пистолет в кобуру.

— Вы с ума сошли, у меня кость раздроблена, — шипя, воскликнул Крик, стараясь осторожно зажать рану руками.

— Тем больше стимула быстро рассказать о том, о чем вас спрашивают, — невозмутимо ответил Гордеев. — Расскажите — я вызову доктора. Нет — оставлю вас здесь в таком состоянии.

— Все, все, я понял, — пробормотал Крик, разрывая зубами упаковку ИПП. Морщась уложил подушки на входное и выходное отверстие и, простонав, закрепил их марлей.

— Мы слушаем, — поторопил я его.

— О, боже, вы сумасшедшие... Хорошо, хорошо... Поймите правильно, я не боец, я просто менеджер, наемный работник... Я должен был просто обеспечить работоспособность организации, боевым командованием занимались другие.

— Давайте по порядку. Кто организатор?

— Все организовал Консорциум... А, вы не знаете, — взглянув на Гордеева он, видимо,

заметил непонимание в его глазах. На меня старался не смотреть. — Консорциум был организован корпорациями... Крупными, как их называют, транснациональными корпорациями... Несколько десятков крупнейших трестов и фондов, представляющих большую часть мирового капитала.

— Зачем? — Спросил Гордеев, поправляя прислоненные к стене костыли, чтобы те не упали на пол.

— Ну как... Вы же наверняка слышали о скандалах последних лет... Государства стали прикрывать оффшорные зоны, одну за другой. Раньше, через них можно было уйти от налогов. А теперь лавочка закрылась и владельцы стали очень много терять. Слишком много... Естественно, они не пожелали с этим мириться. Несколько лет назад, в одной светлой голове возникла идея — если государства обходятся дорого, давайте их демонтируем. Огромный бюрократический аппарат хочет жрать... Получать гигандские зарплаты... Они, то есть владельцы корпораций, больше не хотели это оплачивать, — поморщившись, Крик попытался встать. — Помогите мне, пожалуйста, я хочу лечь...

Я сделал шаг вперед и помог уму улечься. Наконец, устроившись на подушке, он продолжил.

— Но никто не знал, как это сделать... И тогда был создан Консорциум, а для его финансирования организовали специальный фонд, — Крик зашипел от боли, но наткнувшись на мой взгляд, собрался и продолжил. — Набрали аналитиков, политологов и менеджеров, они рассчитали и прикинулись... Я правильно говорю? Нет, — поправил он сам себя, — прикинули, что надо сделать. Было решено организовать территорию без государства. В таком месте, где есть развитая банковская система, но небольшое население... И посмотреть некоторое время, как там все будет... Смогут ли люди организовать, сами себя защитить и так далее... Ну и, конечно, сможет ли Консорциум всем этим управлять.

— Почему здесь, в Латвии? — Спросил Дима, переглянувшись со мной.

— Ну, так аналитики решили, сказали, что здесь лучше всего... В Азии народ очень горячий, вырежут друг друга без толку... А здесь вроде как цивилизованные люди, европейцы... Так же решено было реализовать проект на границе с Россией, чтобы проблему разгребали русские, если что-то пойдет не так... Латвия подходила — с одной стороны депрессивный регион, не слишком ценный, но в Европе... И в то же время здесь есть банки, транзитное положение. И легко прикрыть по границам... и по морю — Крик сглотнул слюну и отдышался. Потом, взглянув на меня, продолжил. — Проект был готов еще в прошлом году, но все ждали, когда Бутин умрет. Потому что боялись... Влад был крут, мог просто войска ввести и все пошло бы кошкам под хвост. — Крик снова сглотнул слюну, поморщился и продолжил. — Но все готовились, нашли людей, в основном национально настроенную молодежь... Ну и профи, наемников набрали, из тех, кто за деньги на все готов... Разработали план, четко рассчитали, как государственные структуры разрушить. И как потом удерживать население от организации...

Крик замолчал, глядя на нас блестящими от слез глазами, в которых плескалась боль.

— А как же вы со Штатами и ЕС договорились? — Спросил я, борясь с желанием немедленно пристрелить эту тварь.

— Ну как, там тоже люди кушать хотят, — пожал плечами Крик. — Я не знаю подробностей, но вроде как в Стэйт Депатмент закинули идею, что пора тряхнуть Европу, мол Германия и Франция стали от рук отбиваться, надо им голого ежа в штаны посадить...

Администрация клюнула, плюс со стороны спонсоров надавили... А скоро выборы, со спонсорами никто не хочет ссориться. Короче, решили вопрос.

— Зачем надо было заранее теракты организовывать? — Спросил Гордеев.

— Ну как... Следовало изучить реакцию служб и политиков... Выявить лидеров, скорость прохождения информации... А после терактов все вылезло наружу, где и кто. Ну а дальше профессионалы сработали.

— Вам известны конкретные фамилии работников Консорциума? — Спросил Дима.

— Да, известны... Не всех конечно, но я расскажу, что знаю, только вызовите врача, плиз...

— Дим, забей. Все равно надо клона синтезировать и с ним уже плотно работать, — я опять достал пистолет и дважды выстрелил в грудь Крику. Дернувшись, иностранец захрипел, выгнулся дугой, в изумленном ужасе глядя на меня. Увидев, как на губах появились кровавые пузыри, я еще раз поднял оружие и добавил хрипящему «менеджеру» третью пулю в голову.

— Ты его слишком легко отпустил, — поморщился Гордеев.

— Бери костыли, и пойдём, — хлопнул я его по плечу, возвращая пистолет в кобуру. — Не хочу больше на это дерьмо время тратить. У нас очень-очень много дел!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Валдекю, Грауду, Зиепниекална — улицы Риги

Sveiki (латыш.) — привет

(Англ.) — Уважаемые коллеги, может быть, некоторым мои слова покажутся слишком смелыми, но я все же их произнесу. Мы считаем, что в стандартной модели присутствует как минимум одна фундаментальная ошибка.

Гипотетическая объединённая физико-математическая теория, описывающая все известные фундаментальные взаимодействия. Первоначально данный термин использовался в ироническом ключе для обозначения разнообразных обобщённых теорий. Со временем термин закрепился в популяризациях квантовой физики для обозначения теории, которая объединила бы все четыре фундаментальных взаимодействия в природе.

(Англ.) — Пожалуйста, мистер Рауге, ваш вопрос

Университетская клиническая больница имени Паула Страдыня — одно из крупнейших амбулаторных и стационарных медицинских учреждений в Риге. Больница также является медицинским научным и образовательным центром.

Милдот (mil-dot) — сетка оптического прицела, в классическом варианте состоящая из креста и нанесенных на него точек, расстояние между которыми соотносится с расстоянием до цели. Полумилдотная сетка имеет дополнительные деления между точками.

Петр имеет ввиду окружность из одной угловой минуты, диаметр которого на расстоянии 100 м составляет примерно 2,9 см

Пистолет Вальтер П-99

Помещение, в котором поддерживается необходимая для экспериментов чистота воздуха. Она достигается с помощью таких мер, как фильтрация воздуха, повышенное давление в помещении и др. В зависимости от класса помещения, лимитируется количество частиц и микроорганизмов в 1 кубометре воздуха. При необходимости могут контролироваться и другие параметры, например, влажность, давление и температура.

Цвета латвийского государственного флага. Среди патриотически настроенных людей Латвии принято носить такие ленточки на одежде, чтобы подчеркнуть свой патриотизм и латышскость (приверженность латышскому языку и менталитету), иногда этим демонстрируется противовес георгиевской ленточке.

Первого и четвертого мая в Латвии праздничные дни

Торговый центр на Набережной

Спальный район Риги на левом берегу Даугавы

Спальный район Риги на левом берегу Даугавы, недалеко от аэропорта

Район Риги на правом берегу Даугавы

Спальный район Риги на правом берегу Даугавы

Карточка предоплаты мобильной связи, номер которой не привязывается к личным данным абонента.

Рижский технический университет

В латышском языке ударения в словах и именах падают на первый слог (за некоторыми исключениями)

Labvakar (латыш.) — добрый вечер

Zemessardze (латыш.) — дословно «защита земли», народное ополчение Латвии, которое является подразделением Национальных вооруженных сил. Добровольные батальоны, как правило, состоящие из патриотично настроенных латышей.

Старый район Риги на правом берегу Даугавы

Līdzu (латыш.) — пожалуйста

Резиденция Президента Латвии

Достопримечательность Старой Риги

Пистолет Макарова

Большой торговый центр с несколькими выходами, расположенный рядом с Юрмальским шоссе

Mežaparks (латыш.) — дословно «лесной парк». Район Риги на правом берегу Даугавы. Находится рядом с одноименным парком отдыха и развлечений. В основном, застроен старинными частными домами.

Торговый центр

Улица Риги на левом берегу Даугавы

Железнодорожная станция, рядом с которой находится парк Победы и памятник Освободителям Риги

Спецслужба Латвии, занимающаяся разведкой, контрразведкой и безопасностью государственных органов власти

Национальные вооруженные силы Латвии

Šodien! Mēs šodien pabeigsim montāžu... (латыш.) — Сегодня! Мы сегодня закончим монтаж...

...ko jums tagad vajag? (латыш.) — Что вам сейчас надо?

Viss kartībā, dabīgais fons... (латыш.) — Все в порядке, естественный фон...

Valsts ieņēmumu dienests (VID) (латыш.) — Служба государственных доходов, в просторечии — налоговая.

UPS — источник бесперебойного питания для электронных приборов

В Латвии на автомобилях некоторых госучреждений стоят номера специальных серий. Например, служебные машины кабинета министров имеют серию «МК», от латышского — *Ministru kabinets*

Anči, kā tev iet? — Es esmu gatavs. (латыш.) — Анчис, как у тебя дела? — Я готов.

CILAS — фирма, которая производит системы обнаружения позиций снайперов

CSDD — Ceļu satiksmes drošības direkcija (латыш.) — Дирекция безопасности дорожного движения, место, где получают водительские права. Находится на улице Баускас, недалеко от «Цитадели».

Бауска — небольшой городок недалеко от латвийско-литовской границы

МП-9 — пистолет-пулемет

Labas dienas (лит.) — добрый день

Nobrukums (латыш.) — обвал, обрушение. В сюжете романа так стали называть момент развала государства (теракты 9-го мая), слово стало нарицательным.

Sveiks lai dzīvo (латыш.) — латышская песня, наподобии «Happy birthday»

Огре — небольшой городок под Ригой

Известный рижский рэкетир 90-х

Сepure nost! (латыш.) — дословно: шапку долой. Устоявшееся выражение, означающее крайнюю степень уважения.

ГБР — группа быстрого реагирования

Рērkonkrusts (латыш.) — свастика. Название радикального националистического движения

Борисоглевский переулок 10 — адрес посольства Литовской Республики в Москве

Latvijas vanagi (латыш.) — латвийские ястребы

Программа среднего образования в Латвии рассчитана на 12 лет

Фенамин (амфетамин) — синтетический стимулятор

Эксабайт — 10^{18} байтов

Dzintars (латыш.) — янтарь.

Яунсарги — молодежная патриотическая организация, организованная министерством обороны Латвии

Даугавгрива — остров, находящийся рядом с устьем Даугавы

ИПП — индивидуальный перевязочный пакет

РПК — ручной пулемет Калашникова

Валдлаучи — небольшой поселок на левом берегу Даугавы, начинающийся сразу за административной границей Риги

Клетчатый или Председатель — один из главных персонажей фильма «Приключение принца Флоризеля», режиссер Евгений Татарский, 1981 г.